Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (47)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2017

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 3 (47). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 154 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:
Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф. (НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2017

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 3 (47)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2017

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 3 (47). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2017. – 154 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Аникин А.В., Бельмесов А.С., Бельмесова Е.Е. Оценка эффективности деятельности системно значимого коммерческого банка как способ мониторинга рисков банковского сектора 7
Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Аль Жарад В. Ретроспективный анализ гендерных особенностей динамики занятости экономически активного населения Сирийской Арабской Республики в докризисный период 14
Мизиковский И.Е. Калькуляции и сметы (бюджеты) себестоимости продукции как инструменты информационного обеспечения стратегии экономии затрат 22
Зинурова Р.И., Мисбахова Ч.А., Стародубова А.А. Оценка результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в Российской Федерации 29
Матвеев В.А., Овчаров А.О. Направления совершенствования статистических оценок инновационной деятельности 36

Социологические науки

Зборовский Г.Е. Методологические подходы к исследованию трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную 44
Юдина Т.Н., Фролова Е.В., Медведева Н.В., Родимушкина О.В., Сеничева Л.В. Защищенность россиян от противоправных действий: региональный аспект 51
Иудин А.А. Социальная ответственность малого бизнеса и административной системы: проблема неравенства 59
Напсо М.Д. Аномия как социальный феномен 65
Егорова Н.Ю., Воронин Г.Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы 71
Буреева Н.Н., Козлова М.С., Петрова И.Э., Тухватуллина М.А. Трудовая мотивация и удовлетворенность трудом работников вуза (по материалам социологического исследования) 79
Ефанов А.А. Эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник 88
Осянин А.Н., Рюмин А.М. Современные факторы формирования патриотического сознания: опыт анализа российских СМИ 94
Коренькова М.М. Характеристики и тенденции развития рынка коммерческих услуг семье и родителям в России 104
Шелуханова Л.В. Роль отца в инвестировании социального капитала в развитие ребенка 109
Офицерова Д.А. Определение социальной структуры в теории социальной стратификации К. Дэвиса 116
Чиркова О.Н. Механизмы формирования региональной идентичности на примере Республики Мордовия 120
Юдашкина В.В. Управление молодежным сообществом 126
Кашкина Л.В. Социальное самочувствие населения в моногороде Арктического региона Российской Федерации (по результатам социологических исследований в г. Новодвинске) 133

Педагогические науки

Гримовская Л.М. Технологии моделирования в экологическом образовании дошкольников 137
Казарин П.В., Полуштайцев Ю.В., Услугин Н.Ф. Лекционные опыты по демонстрации дифракции света в системе университетского физического образования 143
Швец И.М. Преемственность в освоении видов деятельности на разных ступенях образования 148

CONTENTS

Economic sciences

Anikin A.V., Belmesov A.S., Belmesova E.E. Efficiency assessment of a systemically important commercial bank as a method for monitoring risks in the banking sector 7
Kuznetsov Yu.A., Perova V.I., Al Zharad V. Gender characteristics of the employment dynamics of economically active population in the provinces of the Syrian Arab Republic during the pre-crisis period: a retrospective analysis.....14
Mizikovsky I.E. Calculations and estimates (budgets) of production costs as tools for information support of cost saving strategies.....22
Zinurova R.I., Misbakhova Ch.A., Starodubova A.A. Assessment of the results and effectiveness of engineering companies' participation in the work of technology platforms in the Russian Federation 29
Matveev V.A., Ovcharov A.O. Directions and improvement of statistical estimates of innovation.....36

Sociological sciences

Zborovsky G.E. Methodological approaches to the study of the transformation of the higher education linear model into a nonlinear model 44
Yudina T.N., Frolova E.V., Medvedeva N.V., Rodimushkina O.V., Senicheva L.V. Protection of Russians from unlawful actions: a regional aspect 51
Iudin A.A. Social responsibility of small business and the administrative system: the problem of inequality 59
Napso M.D. Anomie as a social phenomenon.....65
Egorova N.Yu., Voronin G.L. A model for determining marriage form: socio-demographic factors.....71
Bureeva N.N., Kozlova M.S., Petrova I.E., Tukhvatullina M.A. Work motivation and job satisfaction of university employees 79
Yefanov A.A. Emotive-moralistic discourse as a technology for constructing moral panics.....88
Osyanin A.N., Ryumin A.M. Current factors of patriotic consciousness development: the experience of Russian media analysis 94
Korenkova M.M. Characteristics and development trends of the market of commercial services for families and parents in Russia 104
Shelukhanova L.V. Father's role in the investment of social capital into the child's development 109
Ofitserova D.A. Social structure in K. Davis' theory of social stratification 116
Chirkova O.N. Mechanisms of regional identity development on the example of the Republic of Mordovia.....120
Yudashkina V.V. Management of youth community 126
Kashkina L.V. Social well-being of the population in a company town of the Arctic region of the Russian Federation (based on the results of sociological research in Novodvinsk).....133

Pedagogical sciences

Grimovskaya L.M. Modeling technologies in pre-school environmental education 137
Kazarin P.V., Polushtaytsev Yu.V., Uslugin N.F. Lecture demonstration experiments on diffraction of light in the system of university physical education 143
Shvets I.M. Continuity in the assimilation of activities at different levels of education 148

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.71

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМНО ЗНАЧИМОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА КАК СПОСОБ МОНИТОРИНГА РИСКОВ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

© 2017 г.

А.В. Аникин, А.С. Бельмесов, Е.Е. Бельмесова

Аникин Александр Вячеславович, к.э.н.; доцент кафедры финансов и кредита Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Alexan801@mail.ru
Бельмесов Алексей Сергеевич, магистр направления «Банки и банковское дело» Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
asbelmesovas@gmail.com
Бельмесова Екатерина Евгеньевна, магистрант направления «Финансовый мониторинг» Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kklochkova18@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.06.2017
Статья принята к публикации 27.07.2017

Снижение эффективности функционирования кредитной организации может спровоцировать финансовую нестабильность и потери. В системно значимых банках подобное может привести к экспорту внутрикорпоративного кризиса в финансовую систему страны. Все это подчеркивает важность своевременного определения финансового положения и проведения оценки эффективности деятельности ключевых финансовых институтов. Целью данной статьи является разработка и апробация авторской методики идентификации возможных системных банковских рисков на основе оценки и анализа критериев эффективности функционирования ПАО «Сбербанк». Указанные критерии рассматриваются в качестве индикаторов функциональной стабильности системообразующего финансового института. Стабильное функционирование свидетельствует о низкой вероятности возникновения системных банковских кризисов, инициатором которых может послужить системно значимый банк. Проведенная оценка деятельности подтвердила, что ПАО «Сбербанк» функционирует эффективнее, чем прочие крупнейшие банки страны, следовательно, можно сделать вывод о стабильной работе указанного объекта. В этой связи в среднесрочной перспективе генерация во внутренней среде Сберегательного банка РФ кризисных явлений, несущих угрозу банковскому сектору, представляется маловероятной.

Ключевые слова: анализ эффективности деятельности, коммерческий банк, критерии эффективности, обязательные нормативы, системные риски, финансовый анализ.

Введение

Национальная финансовая система РФ относится к типу континентальных систем, в которых преобладает банковский сектор, нежели рынок ценных бумаг. В связи с этим достижение стабильности финансовой системы, с одной стороны, предполагает эффективное функционирование коммерческих банков в качестве финансовых посредников, а с другой стороны, характеризуется наличием у них способности противостоять экономическим шокам без значительного ущерба эффективному перераспределению финансовых ресурсов. В условиях концентрации экономической и финансовой мощи банковского сектора в руках нескольких крупных игроков дестабилизация работы «системообразующих финансовых институтов или системно значимых финансовых институтов» [1, с. 3] (в данном случае – банков) может привести к реализации системных рисков и, как следствие, к экономическим шокам. Финансово-экономические кризисы последнего десятилетия в полной мере подтверждают тот факт, что даже крупные и системные банки могут быть подвержены финансовым потрясениям (банкротства банков Lehman Brothers и Merrill Lynch). Ввиду того, что системно значимые банки оказывают значительное влияние на стабильность банковского сектора в частности и на стабильность финансовой системы в целом, исследование проблем, связанных с оценкой деятельности ключевых участников банковской системы РФ, сохраняет свою актуальность в настоящее время.

Исследованию аналитических методов изучения специфических и системных банковских рисков посвящены работы И.В. Ларионовой, Е.П. Терновской, С. Юань, И.А. Янкиной, Е.Е. Долговой [2–4]. Н.Г. Кузнецов, Е.Н. Алифанова, Ю.С. Евлахова проводят комплексный анализ современных методологических подходов к исследованию системных банковских рисков [1]. М.В. Леонов, исследуя особенности функционирования банковских конгломератов в России (в том числе конгломерат под эгидой ПАО «Сбербанк»), делает вывод, что «конгломерация банков несет в себе системные риски стабильности финансовой системы» [5, с. 62].

А.М. Карминский, М.И. Столбов доказали, что в отношении крупнейших банков России (ПАО «Сбербанк» и ПАО «ВТБ») «между наборами показателей финансовой устойчивости и системного риска существует тесная положительная связь» [6, с. 77]. Иными словами, работа А.М. Карминского и М.И. Столбова обосновывает возможность идентификации системных рисков банковского сектора через анализ финансовой деятельности ключевых банков РФ. Однако предложенная авторами методика требует от пользователя специальных математических и статистических знаний и навыков.

Несмотря на то, что финансовый анализ ПАО «Сбербанк» подробно изучен в серии работ отечественных ученых (в том числе молодых ученых) [7–9], следует отметить, что в этих исследованиях не была рассмотрена возможность использования оценочных показателей финансово-экономической деятельности данного банка в качестве сигналов идентификации системных банковских рисков.

В данной статье предлагается методика идентификации системных банковских рисков на основе анализа критериев эффективности функционирования ПАО «Сбербанк». Указанные критерии следует рассматривать в качестве индикаторов стабильной (или нестабильной) работы данного системообразующего финансового института. Стабильная работа будет свидетельствовать о низкой вероятности проявления системных банковских рисков, виновником возникновения которых может выступить ПАО «Сбербанк». Нестабильная работа будет свидетельствовать об обратном.

Для апробации указанного подхода сформулируем и проверим гипотезу о том, что в среднесрочной перспективе реализация системных катастрофических рисков банковского сектора, инициатором возникновения которых может стать ПАО «Сбербанк», маловероятна.

Целью данной статьи является разработка и апробация методики идентификации возможных системных банковских рисков на основе оценки и анализа критериев эффективности функционирования ПАО «Сбербанк».

Заявленная цель определила следующие задачи исследования:

1) обоснование того, что ПАО «Сбербанк» является системно значимым банком для банковского сектора РФ;

2) оценка значений абсолютных и относительных параметров, характеризующих эффективность функционирования коммерческого банка ПАО «Сбербанк»;

3) сравнение полученных критериев эффективности с аналогичными параметрами, характеризующими функционирование кластера крупнейших банков РФ;

4) формулирование вывода о характере стабильности деятельности банка и о вероятности возникновения угроз реализации катастрофических системных рисков, виновником которых может послужить ПАО «Сбербанк».

Информационной базой данного исследования являлись данные финансовой отчетности за 2014 – 2016 гг. ПАО «Сбербанк» и 29 других крупнейших по размеру активов коммерческих банков.

Методология

В рамках поставленных задач сформулируем критерии значимости коммерческого банка в отношении банковского сектора. Критерием значимости для банковского сектора будет служить одновременное выполнение следующих условий:

а) включение банка в Перечень системно значимых кредитных организаций, утвержденный ЦБ РФ в соответствии с Указанием Банка России от 22.07.2015 № 3737-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций»;

б) доля активов анализируемого банка в совокупных активах кредитных организаций РФ превышает 10%;

в) доля чистой ссудной задолженности анализируемого банка в совокупной ссудной задолженности кредитных организаций РФ, очищенной от просроченных долгов, превышает 10%.

На основе указанных критериев проверим ПАО «Сбербанк», является ли оно системно значимым банком для банковского сектора РФ. Далее выделим абсолютные и относительные параметры, которые будут характеризовать эффективность функционирования коммерческого банка. Деятельность коммерческого банка эффективна в том случае, если банк максимизирует прибыль при строгом контроле уровня банковских рисков. Прибыль является централь-

ным показателем того, насколько грамотно и эффективно банк осуществляет свою деятельность. Прибыль определяется разницей между доходами и расходами, связанными с определенной сферой операционной деятельности банка. В рамках предлагаемой методики выделим следующие сферы операционной деятельности, которые подвергнем анализу: привлечение и размещение средств, деятельность, связанная с приобретением и продажей иностранной валюты, посредническая комиссионная деятельность, экономическая деятельность банка в целом.

Соответственно абсолютными критериями эффективности объекта анализа будут: 1) чистые процентные доходы; 2) чистые доходы от операций с иностранной валютой; 3) чистые доходы от переоценки иностранной валюты; 4) чистые комиссионные доходы; 5) прибыль (убыток) после налогообложения.

Для повышения качества анализа методика, изложенная в настоящей статье, включает в себя ряд критериев и показателей, позволяющих провести оценку финансового состояния на основе использования принципов коэффициентного анализа. К таким критериям относятся нормативы банковской деятельности Н1.0, Н2, Н3, Н4, Н7 (обязательные нормативы банковской деятельности) и показатель доли просроченной задолженности в общей величине ссудной задолженности.

Оценка эффективности деятельности осуществляется в рамках сравнительного анализа. Объектами сравнения выступают ПАО «Сбербанк» и совокупность крупнейших банков РФ (кластер крупнейших банков по величине активов). Ограничим подобную совокупность 30 крупнейшими банками РФ по величине активов на 01 января отчетного года. При оценке эффективности по абсолютным критериям эффективности совокупность крупнейших банков РФ рассматривается без учета Сберегательного банка РФ, то есть по остальным 29 крупнейшим банкам. Абсолютные значения для сравнительной совокупности на данном этапе анализа рассчитываются следующим образом. С помощью функционала электронного ресурса «Портал банковского аналитика» (www.analizbankov.ru) определяются значения абсолютных критериев эффективности для 30 крупнейших по активам коммерческих банков. После чего из указанных значений вычитаются соответствующие показатели ПАО «Сбербанк». Далее в рамках горизонтального анализа происходит сравнение полученных параметров по двум заявленным объектам сравнения. Если проведенный анализ свидетельствует, что ПАО «Сбербанк» функционирует эффективнее, чем прочие крупнейшие банки страны, то можно сделать вывод о стабильном функционировании данного системообразующего финансового института. Это подтверждает низкую вероятность реализации системных катастрофических рисков банковского сектора в среднесрочной перспективе, виновником возникновения которых может стать ПАО «Сбербанк». Если же ПАО «Сбербанк» функционирует хуже, чем кластер остальных крупнейших банков, тогда вероятность того, что он может спровоцировать возникновение системных катастрофических рисков банковского сектора, растет.

При оценке эффективности по относительным критериям эффективности совокупность крупнейших банков РФ рассматривается вместе со Сберегательным банком РФ. Относительные критерии эффективности для 30 крупнейших по величине активов коммерческих банков также определяются с помощью инструментария «Портала банковского аналитика». При этом указанные значения рассчитываются как средние медианные для рассматриваемой совокупности. Превышение у ПАО «Сбербанк» значений таких показателей, как Н1.0, Н2, Н3, Н4, над средним медианным свидетельствует о снижении уровня рисков в анализируемом банке. Обратная ситуация иллюстрирует повышение рисков банковской деятельности в ПАО «Сбербанк». Превышение средних медианных значений крупнейших банков над показателями норматива Н7 и доли просроченной задолженности в общей величине ссудной задолженности у Сберегательного банка РФ подтверждает снижение уровня риска у анализируемого банка. В случае когда Н7 и доля просроченной задолженности у ПАО «Сбербанк» больше указанных средних медианных параметров 30 крупнейших банков, можно говорить о росте рисков в деятельности Сберегательного банка РФ. Минимизация рисков в работе ПАО «Сбербанк» свидетельствует о снижении вероятности реализации системных катастрофических рисков, виновником которых может выступить Сберегательный банк РФ. Увеличение рисков в деятельности анализируемого банка косвенно подтверждает рост вероятности возникновения системных рисков банковского сектора.

Результаты

Включение ПАО «Сбербанк» в Перечень системно значимых кредитных организаций, утвержденный ЦБ РФ, свидетельствует о соответствии банка первому критерию системной значимости [10]. Проверим его на соответствие второму и третьему критериям. Для этого на

Таблица 1

Результаты проверки ПАО «Сбербанк» по критериям системной значимости

Показатель	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017
Совокупные активы ПАО «Сбербанк», млрд руб.	21746.76	22706.92	21721.08
Совокупные активы кредитных организаций РФ, млрд руб.	77653	82999.7	80063.3
Доля ПАО «Сбербанк» в совокупных активах кредитных организаций РФ, %	28.01	27.36	27.13
Чистая ссудная задолженность ПАО «Сбербанк», млрд руб.	15889.38	16869.8	16221.62
Ссудная задолженность кредитных организаций РФ, млрд руб.	51799.5	57154.5	55478.8
Просроченная задолженность кредитных организаций РФ, млрд руб.	1978.0	3046.6	2891.5
Ссудная задолженность кредитных организаций РФ, очищенная от просроченных долгов, млрд руб.	49821.50	54107.90	52587.30
Доля ПАО «Сбербанк» в совокупной ссудной задолженности кредитных организаций РФ, очищенной от просроченных долгов, %	31.89	31.18	30.85

основе данных бухгалтерской отчетности по РСБУ ПАО «Сбербанк» за 2016 и 2015 годы определим совокупные активы и чистую ссудную задолженность банка на соответствующую дату. Источником данных по совокупным активам кредитных организаций РФ на аналогичные даты выступил Обзор банковского сектора РФ № 172 за февраль 2017 года [11]. Вычислим долю ПАО «Сбербанк» в совокупных активах кредитных организаций РФ. Используя данные Обзора банковского сектора, определим ссудную задолженность кредитных организаций РФ и просроченную задолженность кредитных организаций РФ. Найдем ссудную задолженность кредитных организаций РФ, очищенную от просроченных долгов. После чего рассчитаем долю ПАО «Сбербанк» в совокупной ссудной задолженности кредитных организаций РФ, очищенной от просроченной задолженности. Результаты вычислений поместим в таблицу 1.

Как видно из таблицы 1, доля активов ПАО «Сбербанк» в совокупных активах кредитных организаций РФ превышает 10% на все рассмотренные отчетные даты. Кроме того, доля его чистой ссудной задолженности в совокупной ссудной задолженности кредитных организаций РФ, очищенной от просроченных долгов, также превышает 10%. Таким образом, полученные выводы свидетельствуют о соответствии банка второму и третьему критериям системной значимости.

Доказав обоснованность отнесения ПАО «Сбербанк» к категории ключевых или системно значимых банков, в рамках предложенной методики мониторинга системных рисков банковского сектора оценим критерии эффективности и надежности данного банка и сравним их с аналогичными показателями кластера крупнейших коммерческих банков.

Используя данные бухгалтерской отчетности по РСБУ ПАО «Сбербанк» за 2016 и 2015 годы [12], функционал «Портала банковского аналитика» [13], сгруппируем абсолютные показатели критериев эффективности в таблицу 2.

Как видно из таблицы 2, потери чистого процентного дохода у ПАО «Сбербанк» за 2014–2015 гг. оказались меньше, чем у объекта сравнения (29 крупнейших банков). Анализ финансовой отчетности за 2015–2016 годы свидетельствует о том, что Сберегательный банк РФ сумел добиться прироста чистых процентных доходов в размере 343126362 тыс. рублей, оставив позади сравнительную группировку банков. По итогам 2014–2016 годов рост указанного показателя у ПАО «Сбербанк» составил 241835115 тыс. рублей, что на 179573910 тыс. рублей превысило аналогичное изменение чистого процентного дохода остальных 29 крупнейших банков. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что инвестиции ПАО «Сбербанк» в долговые ценные бумаги, ссудную задолженность более успешны, нежели у прочих крупнейших банков РФ. Это косвенно свидетельствует о низкой вероятности возникновения катастрофических рисков в рамках данного направления деятельности банка. Однако однозначное решение можно будет сделать после анализа относительных показателей.

В 2014–2015 годы по абсолютному изменению показателя «чистые доходы от операций с иностранной валютой» ПАО «Сбербанк» показало положительную динамику (101876765 тыс. руб.), тогда как оставшиеся 29 крупнейших банков продемонстрировали спад, который составил 132132928 тыс. руб. Ситуация кардинально изменилась в 2015–2016 годах: эффективность функционирования ПАО «Сбербанк» на этом

Таблица 2

Абсолютные показатели критериев эффективности ПАО «Сбербанк» и крупнейших банков РФ

Объект анализа	2014	2015	2016	Абсолютное изменение за 2014–2015 годы	Абсолютное изменение за 2015–2016 годы	Абсолютное изменение за 2014–2016 годы
Чистые процентные доходы, тыс. руб.						
ПАО «Сбербанк»	959723877	858432630	1201558992	–101291247	343126362	241835115
Остальные 29 крупнейших банков	977990223	744439344	1040251428	–233550879	295812084	62261205
Чистые доходы от операций с иностранной валютой, тыс. руб.						
ПАО «Сбербанк»	–1472913	100403852	29511322	101876765	–70892530	30984235
Остальные 29 крупнейших банков	45640171	–86492757	–10346490	–132132928	76146267	–55986661
Чистые доходы от переоценки иностранной валюты, тыс. руб.						
ПАО «Сбербанк»	172702496	–6152110	18837516	–178854606	24989626	–153864980
Остальные 29 крупнейших банков	53658136	316656637	–16873335	262998501	–333529972	–70531471
Чистые комиссионные доходы, тыс. руб.						
ПАО «Сбербанк»	217175003	265941093	316918331	48766090	50977238	99743328
Остальные 29 крупнейших банков	280889373	284808921	239208437	3919548	–45600484	–41680936
Прибыль (убыток) после налогообложения, тыс. руб.						
ПАО «Сбербанк»	311212961	218387307	498289433	–92825654	279902126	187076472
Остальные 29 крупнейших банков	194476660	–41643979	279232365	–236120639	320876 344	84755705

сегменте банковского рынка снизилась (о чем свидетельствует отрицательное изменение параметра), хотя банк и не допустил убытков. Остальные же банки из кластера крупнейших сумели сократить потери, но продолжали нести убытки по данному направлению деятельности. Тем не менее по итогам 2014–2016 гг. абсолютное изменение экономического эффекта от осуществления операций с иностранной валютой у ПАО «Сбербанк» было положительным (30984235 тыс. руб.), против отрицательного изменения у 29 крупнейших банков (–55986661 тыс. руб.). Все 30 крупнейших банков (вместе с ПАО «Сбербанк») характеризовались отрицательным изменением показателя «чистые доходы от переоценки иностранной валюты» за 2014–2016 годы. Анализ двух рассмотренных показателей свидетельствует о серьезных проблемах у крупнейших игроков банковского сектора (в том числе и у ПАО «Сбербанк») при осуществлении валютообменных операций и операций, связанных с вложением средств в иностранную валюту. Можно сделать предположение, что возникновение катастрофических рисков в рамках данного направления деятельности банка вполне реально.

В рамках осуществления комиссионных операций ПАО «Сбербанк» продемонстрировало уверенный положительный тренд роста чистых доходов по данному направлению. Абсолютный прирост чистых доходов за 2014–2015 годы составил 48766090 тыс. рублей. За 2015–2016 годы чистые доходы подросли на 50977238 тыс. рублей. В отношении кластера крупнейших банков наблюдалась обратная тенденция. Незначительный прирост за 2014–2015 годы (3919548 тыс. рублей) сменился в 2015–2016 годах снижением (–45600484 тыс. руб.). Эффективная работа ПАО «Сбербанк» в рамках осуществления комиссионных операций, подтвержденная ростом чистых доходов, косвенно свидетельствует о низкой вероятности возникновения катастрофических рисков в рамках данного направления деятельности банка.

Рассмотренные выше критерии эффективности функционирования ПАО «Сбербанк» по-

Таблица 3

Относительные показатели критериев эффективности ПАО «Сбербанк» и крупнейших банков РФ, %

Показатель		Н1.0	Н2	Н3	Н4	Н7	Доля просроченной задолженности
01.01.2015	ПАО «Сбербанк»	**11.64**	74.31	**66.44**	111.2	207.5	**4.2**
	Крупнейшие банки	12.55	61.27	84.8	83.12	214.2	2.6
01.01.2016	ПАО «Сбербанк»	**11.87**	116.35	154.37	65.49	197.5	**4.87**
	Крупнейшие банки	13.48	108.21	147.51	51.72	256.2	3.15
01.01.2017	ПАО «Сбербанк»	**13.64**	216.97	301.65	55.36	129.8	3.63
	Крупнейшие банки	13.86	103.6	118.29	43.08	204.7	3.89

зволяют идентифицировать стабильный (или нестабильный) характер работы банка по отдельным операционным сферам. И лишь параметр «прибыль (убыток) после налогообложения» может охарактеризовать деятельность банка в целом. На протяжении трехлетнего периода годовой финансовый результат ПАО «Сбербанк» вырос в абсолютном выражении на 187076472 тыс. рублей. В 2015 году величина прибыли снизилась по сравнению с 2014 годом на 92825654 тыс. рублей (снижение по 29 крупнейшим банкам оказалось значительно больше и составило 236120639 тыс. рублей), но уже в 2016 году указанный показатель у Сберегательного банка РФ возрос на 279902126 тыс. рублей по сравнению с 2015 годом. По данному показателю ПАО «Сбербанк» успешно обходит 29 крупнейших коммерческих банков. Объемы прибыли, генерируемые Сберегательным банком РФ ежегодно с 2014 по 2016 год, свидетельствуют о более успешной и стабильной деятельности данного финансового института, чем у остальных участников кластера крупнейших банков, вместе взятых.

Как видно из таблицы 3, на 01.01.2015 г. значения трех (Н1.0 – 11.64%, Н3 – 66.44%, доля просроченной задолженности – 4.2%) из шести показателей ПАО «Сбербанк» были хуже, чем средние медианные значения 30 крупнейших банков. На 01.01.2016 г. значения только норматива Н1.0 (11.87%) и доли просроченной задолженности (4.87%) у ПАО «Сбербанк» были хуже, чем у крупнейших банков. На 01.01.2017 г. ухудшение позиций ПАО «Сбербанк» наблюдалось только по нормативу Н1.0 (13.64%). Однако отклонение по нормативу достаточности капитала от среднего медианного составляет менее 0.25%, кроме того, фактическое значение у банка превышает минимально допустимое значение, установленное ЦБ РФ, на 5.64%, что свидетельствует об отсутствии каких-либо серьезных рисков достаточности капитала.

Следует отметить, что банк за два года улучшил свою краткосрочную ликвидную позицию. Значения некоторых нормативов ликвидности Сберегательного банка РФ (Н2 – 216.97% и Н3 – 301.65% на 01.01.2017 г.) превышают средние медианные значения аналогичных показателей крупнейших банков России (Н2 – 103.6% и Н3 – 118.29% на 01.01.2017 г.). За анализируемый период показатель Н2 у ПАО «Сбербанк» вырос с 74.31 п.п. до 216.97 п.п. Изменение норматива Н3 за 2014–2016 гг. также характеризуется восходящим трендом. Что касается норматива Н4, то здесь наблюдается снижение. Норматив Н4 по состоянию на 01.01.2015 г. составлял 111.2 п.п., на 01.01.2016 г. – 65.49 п.п. и, наконец, на 01.01.2017 г. – 55.36 п.п. Также за два года банк сократил долю просроченной задолженности на 0.57% с 4.2% до 3.63%.

По пяти относительным показателям из шести ПАО «Сбербанк» характеризуется большим уровнем надежности, чем другие крупнейшие банки. По итогам анализа относительных критериев эффективности можно констатировать, что в настоящее время функционирование ПАО «Сбербанк» имеет стабильный характер.

Проведенная оценка деятельности подтвердила, что ПАО «Сбербанк» функционирует эффективнее, чем прочие крупнейшие банки страны, следовательно, можно сделать вывод о стабильной работе указанного объекта. В данном случае в среднесрочной перспективе генерация во внутренней среде Сберегательного банка РФ кризисных явлений, несущих угрозу банковскому сектору, представляется маловероятной. Таким образом, применив предложенную методику, мы сумели подтвердить ранее сформулированную гипотезу.

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о выполнении заявленных цели и задач статьи. Апробирована методика мониторинга системных банковских рисков через оценку эффективности и надежности деятельности ПАО «Сбербанк». По итогам апробации сформулирован вывод о низкой вероятности реализации системных катастрофических рисков, связанных с данным

системообразующим финансовым институтом. Результаты могут быть полезны в дальнейших исследованиях, посвященных методологии анализа системных банковских рисков.

Список литературы

1. Кузнецов Н.Г., Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С. Методология исследования системных рисков: развитие современных подходов // Финансы и кредит. 2011. № 39. С. 2–8.

2. Ларионова И.В. Системные риски российского банковского сектора: оценка и методы регулирования // Вестник Финансового университета. 2013. № 1. С. 27–34.

3. Терновская Е.П., Юань С. Место рисков банковского сектора в системе банковских рисков и некоторые направления их регулирования // Российский экономический интернет-журнал. 2016. №3 [Электронный источник]. URL: http://www.e-rej.ru/upload/iblock/d5c/d5cced05675baf1a0cb702429bc2951d.pdf (дата обращения: 30.05.2017).

4. Янкина И.А., Долгова Е.Е. Анализ подверженности операционному риску коммерческих банков в России // Финансы и кредит. 2016. № 3. С. 17–28.

5. Леонов М.В. Особенности формирования и деятельности банковских конгломератов в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2014. № 2. С. 62–69.

6. Карминский А.М., Столбов М.И. Оценка взаимосвязи финансовой устойчивости и системного риска крупнейших российских банков // Корпоративные финансы. 2016. № 1. С. 77–87.

7. Огородова М.В., Парадеева И.Н., Ожерельева Н.К., Туранова А.А. Об анализе ипотечного жилищного кредитования как составляющей кредитного портфеля ПАО «Сбербанк России» и оценке его эффективности // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Том 8, № 3 [Электронный источник]. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/41EVN316.pdf (дата обращения: 30.05.2017).

8. Садыкова Э.Р., Булатова А.И. Анализ финансового состояния Сбербанка России в современных условиях // Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков», Уфа 27–28 апреля 2015 г. Изд-во «Аэтерна», 2015. С. 326.

9. Унковская С.В., Рубинштейн Е.Д. Анализ достаточности собственного капитала ОАО «Сбербанк РФ» // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2015. № 21. С. 177–181.

10. Перечень системно значимых кредитных организаций [Электронный источник]. URL: http://www.cbr.ru/press/pr.aspx?file=20102015_100129ik2015-10-20T10_01_03.htm (дата обращения: 30.05.2017).

11. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Интернет-версия. 2017. № 172, февраль [Электронный источник]. URL: http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1702.pdf (дата обращения: 28.05.2017).

12. Финансовая отчетность ПАО «Сбербанк» по РСБУ [Электронный источник]. URL: http://www.sberbank.com/ru/investor-relations/reports-and-publications/ras (дата обращения: 28.05.2017).

13. Статистика по группам банков. Крупнейшие (с 1 по 30 места). Инструмент банковского аналитика, клиента банка для анализа финансового состояния и надежности банков [Электронный источник]. URL: http://analizbankov.ru/bank.php?BankId=group_big1&BankMenu=analiz_dohodnosti (дата обращения: 30.05.2017).

EFFICIENCY ASSESSMENT OF A SYSTEMICALLY IMPORTANT COMMERCIAL BANK AS A METHOD FOR MONITORING RISKS IN THE BANKING SECTOR

A.V. Anikin, A.S. Belmesov, E.E. Belmesova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Decreased efficiency of a credit institution can provoke financial instability and losses. In systemically important banks, it can lead to the export of an internal crisis to the country's financial system. All this underscores the importance of determining in a timely manner the financial situation and assessing the performance of key financial institutions. The aim of this study is to develop and to test the authors' methodology for identifying possible systemic banking risks based on the assessment and analysis of the performance criteria of PJSC «SBERBANK». These criteria are considered by the authors as indicators of the functional stability of a systemically important financial institution. A bank's stable functioning indicates a low probability of the occurrence of systemic banking crises initiated by a systemically important bank. The assessment of the activities of PJSC «SBERBANK» has confirmed that it functions more efficiently than other major banks of the country, therefore, it can be concluded that the operation of this institution is stable. In this regard, is unlikely in the medium term that the Savings Bank of the Russian Federation would generate in its internal environment any crisis phenomena threatening the banking sector.

Keywords: efficiency analysis, commercial bank, criteria of efficiency, obligatory standards, system risks, financial analysis.

УДК 330. 322:519.86

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИНАМИКИ ЗАНЯТОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ДОКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

© 2017 г.

Ю.А. Кузнецов, В.И. Перова, В. Аль Жарад

Кузнецов Юрий Алексеевич, д.ф.-м.н.; проф.; заведующий кафедрой математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Kuznetsov_YuA@iee.unn.ru
Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru
Аль Жарад Ваддах, магистрант факультета иностранных студентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
waddah.ja@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.06.2017
Статья принята к публикации 24.07.2017

С помощью нейросетевого моделирования исследована динамика занятости населения провинций Сирии по видам экономической деятельности с учетом гендерного признака на основе данных Центрального бюро статистики Сирийской Арабской Республики (САР) за 2006–2010 гг. Инструментом исследования являются реализованные в пакете Deductor самоорганизующиеся карты Кохонена – нейронные сети, обучаемые без учителя. По уровню занятости населения провинции САР распределились на три кластера. Приведены состав и характеристики каждого кластера. За рассматриваемый период во всех кластерах сформировались ядра с постоянным составом. Полученные результаты свидетельствуют о неравномерном характере занятости мужского и женского населения в провинциях САР.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика, динамика занятости населения, кластерный анализ, нейронные сети, Deductor.

Введение

В настоящее время Сирийская Арабская Республика (САР) переживает один из сложнейших периодов своей истории. История Сирии восходит к IV тысячелетию до н.э., однако современная республика Сирия ведет свой отсчет с 40-х годов XX столетия. За этот период руководством САР многократно менялся подход к социально-экономическому развитию страны. С 1963 г. у руководства Сирийской Арабской Республикой находится Сирийская партия БААС и ее союзники. С ноября 1970 г. до своей кончины в 2000 г. страной бессменно руководил президент Хафез Аль Асад. После его ухода из жизни по итогам референдума президентом Сирии был избран его сын Башар Аль Асад, который в ходе референдума 27 мая 2007 г. был переизбран на новый президентский срок. Согласно действующей конституции страны, президент САР избирается на 7 лет и не более чем на два срока подряд. Президент определяет внешнюю политику Сирии и является верховным главнокомандующим вооруженных сил.

В состав Сирийской Арабской Республики входят 14 провинций (мухафаз). В провинции Эль-Кунейтра Голанские высоты с 1973 г. контролируются Израилем. Местный парламент в каждой провинции выбирается гражданами, а главы провинций назначаются министром внутренних дел САР после их утверждения кабинетом министров страны.

Сирийская Арабская Республика имеет границу с четырьмя государствами (Ливан, Иордания, Ирак и Турция), а на западе омывается Средиземным морем. Большая часть сирийской территории расположена на засушливом плато, поэтому практически все сельское хозяйство страны сосредоточено на плодородной прибрежной равнине вдоль берега Средиземного моря, а также вдоль течения реки Евфрат.

Приблизительно с марта 2011 г. в Сирии идет губительная для страны гражданская война между сторонниками правительства и вооруженной оппозицией, а с 2014 г. – между правительством страны и так называемым «Исламским государством» и большим количеством вооруженных группировок террористического толка. Верховный суд Российской Федерации своим решением от 29.12.2014 г. постановил «признать международные организации «Исламское государство» (другие названия: «Ис-

ламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») и «Джебхат ан-Нусра» («Фронт победы») (другие названия: «Джабха ан-Нусра ли-Ахль аш-Шам», «Фронт поддержки Великой Сирии») террористическими и запретить их деятельность на территории Российской Федерации» [1]. Анализ различных аспектов докризисной ситуации и начала гражданской войны в САР отражен в работах [2–9].

Фактически в настоящее время Сирия и в политическом, и в экономическом смысле распалась на отдельные территории, контролируемые как центральным правительством, так и «Исламским государством» и различными повстанческими группировками. Наиболее влиятельная джихадистская организация «Исламское государство» (ИГ), носившая до лета 2014 г. название «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), была образована в 2006 г. в Ираке в результате слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок, отделившихся от «Аль-Каиды». ИГ стало важнейшим центром притяжения всех экстремистских джихадистских группировок стран Ближнего и Среднего Востока, Северной, Западной и Восточной Африки. Претензии так называемого «Исламского государства» носят в действительности глобальный характер и не ограничиваются территорией Сирии. Так, 29 июля 2014 г. «Исламское государство» объявило о создании «халифата» на контролируемой им территории Ирака и Сирии [2; 5, с. 12]. В перспективе же предполагается дальнейшее расширение «Исламского государства» до границ «классического халифата» – от Испании до Индии.

На текущий момент «Исламское государство» – это чрезвычайно гибкая и быстро адаптирующаяся, а потому очень опасная структура, которая имеет горизонтально-сетевую конструкцию и действительно способна выйти за пределы ныне существующих границ «халифата». Как отметил министр иностранных дел России С.В. Лавров, одной из важнейших задач современной мировой политики является «искоренение терроризма, недопущение превращения Сирии в террористическое государство и реализации планов по созданию «халифата»…» [10]. Позитивным и обнадеживающим фактом является то, что в настоящее время имеется «общая решимость добиться полного уничтожения и разгрома ИГИЛ и прочих террористов…» [11].

В настоящей работе с целью описания истинной экономической ситуации в Сирии в довоенный период и перспектив её социально-экономического развития при условии мирного развития страны анализируются особенности динамики занятости экономически активного населения Сирийской Арабской Республики в докризисный период с учетом гендерного признака [12]. Ясно, что численность и качественный состав трудовых ресурсов являются одними из важнейших экономических факторов, определяющих экономический рост и возможности трансформирования структуры экономики с целью повышения конкурентоспособности страны [13–17].

В Сирийской Арабской Республике население старше 15 лет, которому официально разрешено работать, составляет 54.7% от всего населения страны. При этом экономически активное население составляет 21.9%, среди которого 87% – мужчины и 13% – женщины.

В данной работе проведено нейросетевое моделирование динамики занятости населения в экономике 14 провинций САР: 1 – Дамаск, 2 – Риф Дамаск, 3 – Эль-Кунейтра, 4 – Деръа, 5 – Эс-Сувейда, 6 – Хомс, 7 – Тартус, 8 – Латакия, 9 – Хама, 10 – Идлиб, 11 – Халеб (Алеппо), 12 – Ракка, 13 – Дейр-эз-Зор, 14 – Хасеке.

Нейронные сети являются перспективными информационными технологиями, которые позволяют выявить и учесть закономерности социально-экономического развития провинций Сирии. Существует множество искусственных нейронных сетей разных типов. Они различаются способами объединения нейронов между собой и организацией их взаимодействия [18]. Важнейшими нейронными сетями являются нейронные сети, обучаемые без учителя. К числу таких нейронных сетей относятся самоорганизующиеся карты (СОК) Кохонена [19, 20]. СОК – это чрезвычайно эффективное средство кластеризации данных, позволяющее спроецировать многомерное пространство данных в пространство с более низкой размерностью. Это означает, что СОК сортирует сходные векторы исходных данных по нейронам так, что точки, находящиеся во входном пространстве близко друг к другу, отображаются на близко расположенные нейроны карты. Поэтому СОК может использоваться как эффективное средство кластеризации и наглядного представления данных большой размерности (подробнее см., например, [21, 22]). Использование нейронных сетей в моделировании и анализе различных проблем социально-экономического развития отражено в работах [23–29].

Анализ результатов нейросетевого моделирования динамики занятости населения провинций Сирийской Арабской Республики с учетом гендерного признака

В данной работе нейросетевое моделирование динамики занятости населения САР по ви-

Таблица 1

Динамика количества провинций в кластерах с учетом работающих мужчин и женщин за 2006–2010 гг.

Работающие мужчины					
Год / Кластер	2006	2007	2008	2009	2010
1	2	2	1	2	2
2	2	2	4	2	2
3	10	10	9	10	10
Работающие женщины					
Год / Кластер	2006	2007	2008	2009	2010
1	6	3	7	7	4
2	2	4	2	1	3
3	6	7	5	6	7

Таблица 2

Динамика распределения провинций по кластерам с учетом гендерного признака за 2006–2010 гг.

	Мужчины					Женщины				
Год / Провинция	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
Дамаск	2	2	2	2	2	1	1	1	1	1
Халеб (Алеппо)	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1
Риф Дамаск	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1
Хомс	2	2	2	2	2	1	2	1	1	2
Хама	3	3	2	3	3	1	2	1	1	2
Латакия	3	3	3	3	3	1	1	1	1	1
Идлиб	3	3	3	3	3	3	3	2	2	3
Хасеке	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Дейр-эз-Зор	3	3	3	3	3	3	3	2	3	3
Тартус	3	3	3	3	3	2	2	1	1	2
Ракка	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Деръа	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Эс-Сувейда	3	3	3	3	3	2	3	3	3	3
Эль-Кунейтра	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3

дам экономической деятельности с учетом гендерного признака проведено с помощью СОК, реализованных в пакете Deductor. Для анализа использованы следующие данные с официального сайта Сирийской Арабской Республики за 2006 – 2010 гг. (в % к населению старше 15 лет) [30]:

X1 – мужское население, X8 – женское население, занятое в сельском хозяйстве;

X2 – мужское население, X9 – женское население, занятое в промышленности;

X3 – мужское население, X10 – женское население, занятое в строительстве;

X4 – мужское население, X11 – женское население, работающее в гостиницах и ресторанах;

X5 – мужское население, X12 – женское население, работающее на транспорте, в складском хозяйстве и связи;

X6 – мужское население, X13 – женское население, занятое в сферах финансов, страхования и недвижимости;

X7 – мужское население, X14 – женское население, занятое в сфере услуг.

В результате нейросетевого моделирования получено, что 14 провинций САР распределились по трём кластерам. Кластер № 1 образовали провинции с высокими значениями перечисленных выше показателей. В кластер № 2 вошли провинции, характеризующиеся показателями на уровне средних по Сирии. Кластер № 3 образован провинциями, у которых показатели занятости населения ниже общих средних по Сирии показателей.

В табл. 1, 2 представлена динамика количества провинций в кластерах с учетом, соответственно, работающих мужчин и женщин в рассматриваемом периоде времени.

Анализ данных, приведённых в табл. 1, показывает, что наблюдается стабильная динамика распределения провинций по кластерам с учетом работающих мужчин, при этом наибольшее количество провинций вошло в кластер № 3. Из табл. 1 видно, что имеет место не-

Таблица 3

Статистика средних значений показателей занятости мужского населения провинций САР по кластерам и общих средних по Сирии показателей по видам экономической деятельности (в % от населения старше 15 лет)

Год	Номер кластера	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7
2006	1	0.814	1.629	1.017	1.305	0.618	0.167	1.271
	2	0.226	0.561	0.441	0.758	0.260	0.130	0.903
	3	0.468	0.146	0.267	0.219	0.123	0.027	0.388
	M_Y	0.483	0.417	0.399	0.451	0.213	0.062	0.587
2007	1	0.798	1.452	1.053	1.341	0.556	0.205	1.093
	2	0.252	0.563	0.501	0.708	0.278	0.148	0.825
	3	0.440	0.145	0.296	0.217	0.118	0.027	0.392
	M_Y	0.464	0.391	0.433	0.448	0.204	0.070	0.554
2008	1	0.763	2.208	1.181	1.475	0.535	0.195	0.972
	2	0.332	0.643	0.584	0.719	0.317	0.120	0.864
	3	0.353	0.130	0.230	0.200	0.110	0.020	0.330
	M_Y	0.376	0.425	0.396	0.441	0.202	0.061	0.531
2009	1	0.610	1.537	1.105	1.192	0.515	0.171	1.093
	2	0.205	0.607	0.535	0.745	0.273	0.097	0.817
	3	0.340	0.176	0.306	0.230	0.132	0.020	0.354
	M_Y	0.359	0.432	0.452	0.441	0.207	0.053	0.526
2010	1	0.499	1.586	1.116	1.351	0.543	0.204	0.969
	2	0.204	0.559	0.508	0.765	0.276	0.122	0.746
	3	0.307	0.169	0.306	0.242	0.132	0.023	0.333
	M_Y	0.320	0.427	0.450	0.475	0.211	0.063	0.483

M_Y – общее среднее по всем провинциям САР в Y-м году.

равномерное распределение провинций по кластерам с учетом работающих женщин.

Подробные сведения о динамике распределения провинций Сирийской Арабской Республики по кластерам и состав кластеров в 2006–2010 гг. представлены в табл. 2 и 3.

Из табл. 2 следует, что на протяжении 2006–2010 гг. многие провинции САР неизменно оставались в одном и том же кластере. Анализируя данные табл. 2, имеем, что во всех трёх кластерах наблюдается образование ядер с постоянным составом. Ядром кластера № 1 является провинция Халеб (Алеппо), а ядром кластера № 2 – провинции Дамаск и Хомс. Ядро кластера № 3 составили 9 провинций: Латакия, Идлиб, Хасеке, Дейр-эз-Зор, Тартус, Ракка, Деръа, Эс-Сувейда, Эль-Кунейтра. При этом провинция Риф Дамаск тяготеет к ядру кластера № 1, а провинция Хама – к ядру кластера № 3.

Данные с учетом женского населения в табл. 2 показывают, что ядра имеются только в кластерах № 1 и № 3. Ядро кластера № 1 состоит из трех провинций: Дамаск, Риф Дамаск и Латакия, а в ядро кластера № 3 вошли четыре провинции: Хасеке, Ракка, Деръа и Эль-Кунейтра. К ядру кластера № 1 тяготеет провинция Халеб (Алеппо), а к ядру № 3 – провинции Дейр-эз-Зор и Эс-Сувейда.

Из табл. 3 и 4 следует, что в 2006 – 2010 гг. занятость мужского населения в рассматриваемых отраслях экономики превышает занятость женского населения во всех провинциях Сирии. При этом занятость мужского населения в провинциях, составивших кластер № 1, больше, а в

Таблица 4

Статистика средних значений показателей занятости женского населения провинций САР по кластерам и общих средних по Сирии показателей по видам экономической деятельности (в % от населения старше 15 лет)

Год	Номер кластера	X8	X9	X10	X11	X12	X13	X14
2006	1	0.180	0.062	0.005	0.028	0.009	0.013	0.347
	2	0.044	0.014	0.001	0.022	0.004	0.003	0.217
	3	0.050	0.005	0.001	0.005	0.002	0.002	0.097
	M_Y	0.105	0.031	0.003	0.017	0.005	0.007	0.221
2007	1	0.052	0.059	0.003	0.032	0.014	0.025	0.383
	2	0.222	0.035	0.006	0.023	0.007	0.010	0.292
	3	0.047	0.005	0.002	0.008	0.001	0.001	0.098
	M_Y	0.098	0.025	0.004	0.017	0.006	0.009	0.214
2008	1	0.132	0.053	0.007	0.035	0.013	0.018	0.345
	2	0.191	0.015	0.002	0.011	0.003	0.003	0.116
	3	0.013	0.007	0.000	0.009	0.002	0.003	0.083
	M_Y	0.098	0.031	0.004	0.022	0.007	0.010	0.219
2009	1	0.096	0.053	0.006	0.033	0.015	0.020	0.336
	2	0.088	0.018	0.005	0.012	0.001	0.005	0.109
	3	0.034	0.005	0.001	0.010	0.001	0.002	0.079
	M_Y	0.069	0.030	0.004	0.022	0.008	0.011	0.209
2010	1	0.035	0.071	0.005	0.037	0.010	0.023	0.339
	2	0.178	0.033	0.002	0.036	0.012	0.013	0.302
	3	0.063	0.008	0.000	0.009	0.002	0.002	0.091
	M_Y	0.080	0.031	0.002	0.023	0.006	0.010	0.207

M_Y – общее среднее по всем провинциям САР в Y-м году.

провинциях кластера № 3 меньше общих средних по Сирии показателей для всех рассматриваемых видов экономической деятельности. Например, в провинциях, распределившихся в кластер № 1, занятость мужского населения в промышленности в 4 раза больше, а занятость женского населения больше практически в 2 раза по сравнению с общим средним по Сирийской Арабской Республике показателем.

В провинциях, вошедших в кластер № 2, процент мужского населения, занятого в сельском хозяйстве, меньше общего среднего по САР показателя, а процент женского населения в провинциях кластера № 2 превышает общий средний по стране показатель, за исключением 2006 года.

В 2006 – 2010 гг. наблюдается убывающая динамика занятости мужского населения в сельском хозяйстве, а также до 2009 г. – в сфере услуг.

Из табл. 3 и 4 видно, что большинство мужского и женского населения в рассматриваемом периоде занято в сфере услуг, меньшая часть мужского населения – в сферах финансов, страхования и недвижимости, а меньшая часть женского населения – в строительстве.

Наглядное представление показателей динамики занятости мужского и женского населения Сирийской Арабской Республики по кластерам и общих средних по САР значений показателей по некоторым видам экономической деятельности приведено на рис. 1–6.

Рисунки 1 и 2 отражают динамику показателя занятости мужского и женского населения САР в сельском хозяйстве по кластерам и общего среднего по стране показателя за 2006–2010 гг. На рис. 1 в кластере № 2 до 2008 г. наблюдается возрастающая динамика данного показателя, а затем его значения убывают. При этом в кластере № 1 занятость мужского населения превышает общее среднее значение его занятости по Сирии. В кластерах № 1 и № 3 на протяжении всего рассматриваемого периода

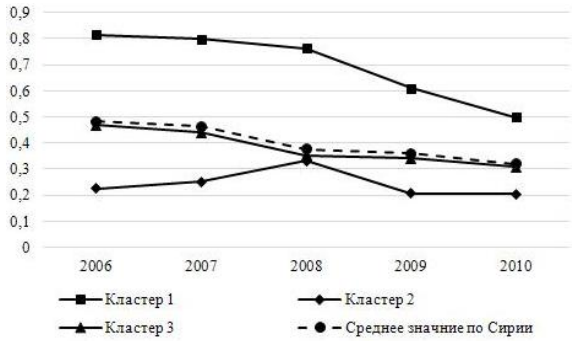


Рис. 1. Динамика показателя занятости мужского населения САР в сельском хозяйстве по кластерам и общего среднего по Сирии показателя за 2006–2010 гг. (в % к населению старше 15 лет)

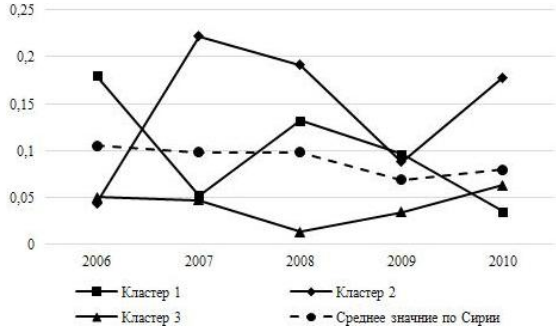


Рис. 2. Динамика показателя занятости женского населения САР в сельском хозяйстве по кластерам и общего среднего по Сирии показателя за 2006–2010 гг. (в % к населению старше 15 лет)

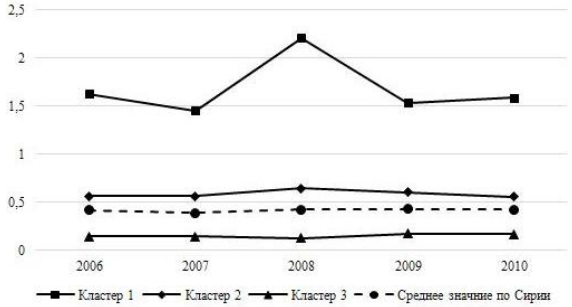


Рис. 3. Динамика показателя занятости мужского населения САР в промышленности по кластерам и общего среднего по Сирии показателя за 2006–2010 гг. (в % к населению старше 15 лет)

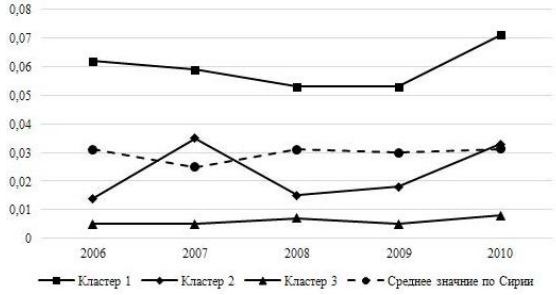


Рис. 4. Динамика показателя занятости женского населения САР в промышленности по кластерам и общего среднего по Сирии показателя за 2006–2010 гг. (в % к населению старше 15 лет)

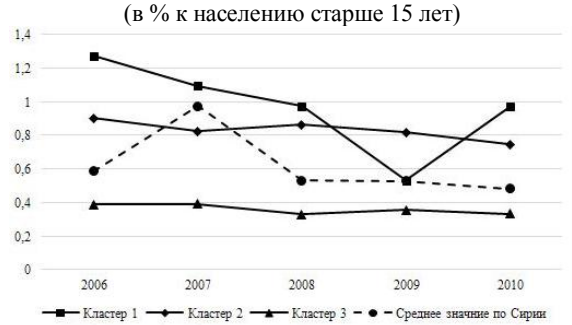


Рис. 5. Динамика показателя занятости мужского населения САР в сфере услуг по кластерам и общего среднего по Сирии показателя за 2006–2010 гг. (в % к населению старше 15 лет)

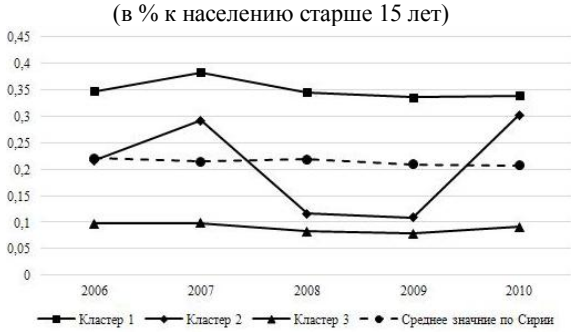


Рис. 6. Динамика показателя занятости женского населения САР в сфере услуг по кластерам и общего среднего по Сирии показателя за 2006–2010 гг. (в % к населению старше 15 лет)

имеет место убывающая динамика занятости мужского населения. Занятость женского населения в сельском хозяйстве за 2006 – 2010 гг. нестабильна (рис. 2). Начиная с 2009 г. общие средние значения показателя занятости женщин в сельском хозяйстве возрастают.

На рис. 3 и 4 представлена динамика показателя занятости мужского и женского населения САР в промышленности по кластерам и общего среднего по Сирии показателя. Из рис. 3 и 4 следует, что кластер № 3 демонстрирует стабильную динамику данного показателя, а в кластере № 1 наблюдается рост занятости мужского населения с 2007 г., а женского – с 2009 г.

Средние значения занятости всего населения в промышленности в рассматриваемом периоде практически остаются на одном и том же уровне.

На рис. 5 и 6 приведена динамика показателя занятости мужского и женского населения Сирии в сфере услуг. Занятость мужского населения в сфере услуг практически стабильна в кластерах № 2 и № 3, а женского населения – в кластерах № 1 и № 3. На рис. 5 кластер № 1 характеризуется убывающей динамикой мужского населения до 2009 г., а женского населения (рис. 6) – ростом с 2006 г. по 2007 г. и с 2009 г. по 2010 г.

Таким образом, графики, представленные на рис. 1 – 6, показывают практически стабильную

динамику занятости мужского и женского населения в экономике Сирийской Арабской Республики по основным видам экономической деятельности.

Заключение

Применение методов нейросетевого моделирования в задаче анализа динамики занятости населения в экономике провинций Сирийской Арабской Республики позволяет установить присутствие заметных различий в размерах кластеров и в тенденциях их изменения. Это свидетельствует о неравномерности в развитии провинций Сирии с точки зрения занятости мужского и женского населения в государственном и частном секторах экономики. Более 50% провинций вошли в состав кластера с низкими значениями показателей занятости мужского населения. Практически 50% провинций вошли в состав кластера № 1 с высокими и кластера № 3 с низкими значениями занятости женского населения по семи рассматриваемым видам экономической деятельности. Ядро кластера с высокими показателями занятости мужского населения составила провинция Халеб (Алеппо), а занятости женского населения – три провинции: Дамаск, Риф Дамаск и Латакия. Если говорить о занятости мужского и женского населения по видам экономической деятельности, то лидирующую позицию занимает сфера услуг. Поэтому важной задачей правительства САР в условиях мирного времени следовало бы признать меры по увеличению занятости населения в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве, составляющих основу экономики страны, что способствовало бы обеспечению конкурентоспособности экономики Сирии.

В настоящий момент экономическое состояние САР является очень трудным, а некоторые специалисты считают его катастрофическим: за пять лет войны ВВП страны снизился на 57%, а количество людей, живущих за чертой бедности, увеличилось с 12.5 % до 83%. Дальнейшее продолжение гражданской войны, навязанной САР джихаддистскими фундаменталистами, гибельно для страны. Выход из этой ситуации достаточно ясен, и он указан, в частности, в ряде выступлений в СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова [10, 11], отражающих позицию Российской Федерации в данном вопросе.

Список литературы

1. Верховный суд Российской Федерации. Решение от 29.12.2014 года № АКПИ 14-1424С [Электронный ресурс]. URL: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/420254782. (дата обращения: 10.04.2017).

2. Крылов А.В., Федорченко А.В. Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (40). М.: МГИМО-Университет, 2014. 58 с.

3. Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С. 174–183.

4. Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: возможные последствия для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 9 (246). С. 41–49.

5. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (45). М.: МГИМО-Университет, 2016. 44 с.

6. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: URSS, 2013. 424 с.

7. Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н.П. Шмелёва. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. 466 с.

8. Devlin J.C. Economics of the Middle East. Development challenges (World Scientific Lecture Notes in Economics: Vol. 2). Singapore – London: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2016. 219 p.

9. «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.

10. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе ежегодной пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2014 году. Москва, 21 января 2015 года [Электронный ресурс] / МИД России, 21.01.2015. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/6631f30fbe1ab4b643257dd4003d0d59! (дата обращения: 10.04.2017).

11. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Государственным секретарем США Р. Тиллерсоном. Москва, 12 апреля 2017 года [Электронный ресурс] / МИД России, 12.04.2017. URL: http://www.embrussia.ru/ru/node/958 (дата обращения: 15.05.2017).

12. Базуева Е.В. Гендерный критерий оценки эффективности развития национальных и региональных социально-экономических систем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 9–16.

13. Гусов А.Ю. Занятость как социально-правовое явление // Труд и социальные отношения. 2011. № 1. С. 110–115.

14. Гришин И. Стимулирование и динамизация занятости: рецепт flexicurity // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 4. С. 40–51.

15. Вишневская Н. Безработица в странах ОЭСР – эволюция взглядов и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 8. С. 14–27.

16. Ленькина О.Б. Эволюция подходов к регулированию занятости населения в развитых странах // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 3. С. 30–36.

17. Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А. Проблемы и возможности развития экономики Сирии как партнера Евразийского экономического союза // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 12 (345). С.143–152.

18. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Вильямс, 2006. 1104 с.

19. Kohonen T. Self-organized formation of topo1ogically correct feature maps // Bio1ogical Cybernetics. 1982. Vol. 43. P. 59–69.

20. Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1990. Vol. 78. № 9. P. 1464–1480.

21. Дебок Г., Кохонен Т. Анализ финансовых данных с помощью самоорганизующихся карт: Пер. с англ. М.: Издательский дом «АЛЬПИНА», 2001. 317 с.

22. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 135 с.

23. Shivam Sinha, Singh T.N., Singh V.K. Epoch determination for neural networks by self-organized map (SOM) // Computers & Geosciences. 2010. Vol. 14. P. 199–206.

24. Кузнецов Ю.А., Перова В.И. Использование нейросетевого моделирования в анализе деятельности крупнейших компаний Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 31 (196). С. 32–34.

25. Ghaseminezhad M.H., Karami A. Novel self-organizing map (SOM) neural network for discrete groups of data clustering // Applied Soft Computing. 2011. Vol. 11. №. 4. P. 3771–3778.

26. Ballabioa D., Vasighib M. A MATLAB toolbox for self organizing maps and supervised neural network learning strategies // Chemometrics and Intelligent Laboratory Systems. 2012. V. 118. P. 24–32.

27. Rende S., Donduran M. Neighborhoods in development: human development index and self-organizing maps // Social Indicators Research. 2013. V. 110. № 2. P. 721–734.

28. Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Эйвазова Э.Н. Нейросетевое моделирование динамики инновационного развития регионов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 4. С. 18–28.

29. Carboni O.A., Russu P. Assessing regional well-being in Italy: An application of Malmquist–DEA and self-organizing map neural clustering // Social Indicators Research. 2015. V. 122. № 3. P. 677–700.

30. Центральное Бюро Статистики Сирийской Арабской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbssyr.sy/ (дата обращения: 06.09.2016).

GENDER CHARACTERISTICS OF THE EMPLOYMENT DYNAMICS OF ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION IN THE PROVINCES OF THE SYRIAN ARAB REPUBLIC DURING THE PRE-CRISIS PERIOD: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Yu.A. Kuznetsov, V.I. Perova, V. Al Zharad

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

By means of neural network modeling, we study the dynamics of population employment in the provinces of Syria with the account of the types of economic activities and employees' gender. The research is based on the data of the Central Bureau of Statistics of the Syrian Arab Republic (SAR) for 2006–2010. As a research tool, we used the Kohonen self-organizing maps implemented in the Deductor software package (neural networks trained without a teacher). In terms of employment, the provinces of Syria were divided into three clusters. The structure and characteristics of each cluster are presented. The obtained results testify to the uneven nature of employment of male and female population in the provinces of the SAR.

Keywords: Syrian Arab Republic, employment trends, cluster analysis, neural networks, Deductor.

УДК 657

КАЛЬКУЛЯЦИИ И СМЕТЫ (БЮДЖЕТЫ) СЕБЕСТОИМОСТИ ПРОДУКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИИ ЗАТРАТ

© 2017 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.05.2017
Статья принята к публикации 28.07.2017

Целью работы явилось обоснование использования калькуляций и смет (бюджетов) затрат в качестве эффективных инструментов информационного обеспечения лиц, ответственных на предприятии за стратегию снижения их уровня. Использованы научные методы терминологического и системного видов анализа взаимосвязей, состояния и динамики элементов исследуемой предметной области; проведены необходимые наблюдения, обобщения и сопоставления их параметров. Определен целевой подход в качестве оптимального к определению понятия «затраты»; разработана классификация объектов калькулирования, на которые нацелена стратегия экономии затрат; представлены укрупненные схемы стратегии экономии затрат и работы системы управленческого учета затрат; предложены способы применения смет (бюджетов) и калькуляций для информационного обеспечения стратегии экономии затрат.

Ключевые слова: себестоимость продукции, затраты, стратегия снижения затрат, нормирование, управленческий учет, внутренний контроль.

Введение

Известно, что себестоимость промышленной продукции представляет собой выраженные в денежной форме текущие затраты промышленного предприятия на производство и реализацию продукции [1–6]. Интеграционное значение себестоимости в пространстве индикаторов состояния производственного процесса трудно переоценить: при правильном результате она является важнейшим средством обеспечения информационной осведомленности лиц, принимающих управленческие решения (ЛПР) на предприятии. Повышение эффективности менеджмента хозяйствующих субъектов обрабатывающих отраслей предполагает постоянное усиление роли себестоимости продукции как одного из ключевых показателей финансово-экономического состояния, представляющего собой значимую информационную составляющую управления производственными и коммерческими затратами, являющегося одним из существенных факторов влияния на динамику рентабельности производства.

Не требует доказательств необходимость системного и перманентного снижения себестоимости, что представляет собой один из главных факторов успеха обеспечения конкурентоспособности организации, ее финансово-хозяйственной устойчивости и экономического развития. По мнению автора, сокращение объема затрат должно стать обязательным инструментом эффективного менеджмента. Важнейшим условием инкорпорирования данного средства в сложную ткань управления предприятием является точное и своевременное информирование ЛПР о количественных параметрах сокращения расходования ресурсов в разрезе заранее определенных объектов калькулирования и сметного планирования (бюджетирования) затрат предприятия, формирование прочной теоретико-методологической основы решения данной задачи. По мнению автора, набор инструментов решения должны составить калькуляции и сметы (бюджеты) затрат на обычные виды деятельности.

Методология (теоретико-методологические подходы)

В отечественной бухгалтерской науке нет единого подхода к определению столь важного и жизненно необходимого для учета и менеджмента в целом термина, как затраты. Необходимо отметить, что многие исследователи признают эту проблему как одну из ключевых в бухгалтерии. Об этом пишут, в том числе, М.И. Трубочкина [7], И.А. Либерман [8], Т.А. Корнеева [9], В.Б. Ивашкевич [10], Ю.А. Бабаев [11]. Проведенные автором научные исследования, вклю-

чающие в себя как теоретические методы, так и эмпирические, показали, что определение понятия «затраты» отсутствует в базовых нормативно-правовых документах, таких как Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [12], в Положении по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99 [5], в Налоговом кодексе Российской Федерации [2], а также практически во всех локальных актах предприятий.

Применяя терминологический анализ в качестве метода научного исследования в трактовке доктора педагогических наук, профессора Е.В. Титовой [13], автор проанализировал ряд методических документов, регламентирующих функции планирования, учета и калькулирования затрат, таких как Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятиях [14], Методические рекомендации по бухгалтерскому учету затрат на производство и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) в сельскохозяйственных организациях [4], Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса (извлечения) [15], Типовые методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости научно-технической продукции [16], а также ряд локальных документов предприятий. Результаты терминологического анализа позволили сделать вывод, что для всех вышеперечисленных источников характерно отсутствие внятного, четкого и однозначного определения понятия «затраты».

Вместе с тем ряд исследователей и практиков бухгалтерского учета предпринимают попытки решить задачу семантической идентификации затрат. Так, Л.А. Маленкова и В.В. Прудников определяют понятие затрат как «совокупность расходов организации на производство продукции и ее реализацию» [17]. Н.П. Кондраков, М.А. Иванова определяют понятие «затраты» как «стоимость ресурсов, использованных на конкретные цели» [18]. Целевой подход к формированию содержания термина «затраты» позиционируется и в учебном пособии по управленческому учету под редакцией Я.В. Соколова [19]. Т.В. Козырева определяет затраты как «потребленные, потраченные или потерянные материальные, трудовые и финансовые ресурсы для извлечения прибыли в процессе хозяйственной деятельности предприятия» [20].

Л.С. Васильева подчеркивает, что «затраты организации – это средства, израсходованные на приобретение ресурсов (материальных, трудовых, финансовых и иных), имеющихся в наличии» [21]. В интернет-ресурсе «Центр управления финансами» отмечается, что «затраты – это стоимостное выражение использованных в хозяйственной деятельности организации за отчётный период материальных, трудовых, финансовых и иных ресурсов» [22]. В справочнике для экономистов, представленном в электронном ресурсе CATBACK.RU, сказано, что «затраты отражают стоимость ресурсов, использованных в процессе деятельности предприятия по производству продукции» [23].

Приведенные выше научные суждения можно сгруппировать по семантическому критерию на два вида: определяющие сущность затрат посредством целевого подхода [17–20] и с позиции использования имеющихся ресурсов [21–23]. Вполне очевидно, что целевой подход ориентирован, прежде всего, на реализацию ключевых потребностей управления хозяйствующим субъектом, подход, отправной точкой применения которого являются ресурсы хозяйствующего субъекта, – на отражение в регистрах бухгалтерского учета и контрольную функцию. В работе автора «Бухгалтерский управленческий учет» [24] позиционируется первый подход как ключевой в определении сложного понятия затрат: «Затратами на обычную деятельность хозяйствующего субъекта является фактическое или ожидаемое потребление ресурсов, измеряемое по заранее принятым правилам в стоимостных и натуральных единицах, мотивированное получением запланированных финансовых результатов». Необходимо отметить, что данное определение включает в себя обязательные свойства затрат – планомерность и измеримость.

Системный анализ теории и практики управления себестоимостью [3, 5, 7, 8, 10, 11, 17–20, 25] показывает большое разнообразие приемов и способов снижения ее уровня. Согласно материалам исследований, проведенных автором на ряде предприятий нижегородского промышленного кластера, значительная часть этих методов еще недостаточно изучена и распространена, что свидетельствует о продолжающейся недооценке значения снижения себестоимости. На ряде исследуемых предприятий стратегии, связанные с экономией ресурсов, зачастую просто отсутствуют или реализуются бессистемно, от случая к случаю. Менеджмент просто не располагает необходимыми знаниями для выработки и реализации управленческих воздействий на уровень ресурсов. Низкое качество управления видится в качестве причины заметного снижения рентабельности производства и реализации продукции, к сожалению, оформившегося как тенденция на всех иссле-

дуемых предприятиях. Наличие столь негативной тенденции мотивирует необходимость сведения в единую систему норм, правил, представлений и практик снижения затрат с учетом отраслевых особенностей предприятия, его организационно-правовой формы, стоящих перед ним задач и сложившихся традиций менеджмента.

Результаты

Реализацию стратегии предприятия по снижению себестоимости в укрупненном виде можно представить как совокупность взаимосвязанных процессов, предполагающих:

- определение целей и задач снижения себестоимости;
- анализ возможностей предприятия по снижению уровня затрат;
- выбор способов и приемов решения поставленных задач;
- составление программы снижения себестоимости и ее реализацию;
- контроль и анализ результатов выполнения программы.

Результаты системного анализа, наблюдений и сопоставления учетных практик исследуемых предприятий позволили автору прийти к выводу, что качественное и перманентное выполнение данной стратегии невозможно без комплексной реализации сметного планирования (бюджетирования), нормирования, учета затрат и калькулирования себестоимости, интегрированных в систему управленческого учета затрат на обычную деятельность. В общем виде работа данной системы строится следующим образом:

- формирование нормированной базы затрат на предстоящий календарный период и программы производства;
- разработка, согласование и утверждение экономически обоснованных смет (бюджетов) и калькуляций затрат;
- аккумулирование и группировка сведений, характеризующих их выполнение в сопоставимых с запланированными параметрами документарных формах и единицах измерения;
- проведение системного управленческого контроля и анализа состояния затрат;
- формирование интегрированной базы принятия управленческих решений, как краткосрочного горизонта реализации, так и долгосрочного.

Автором постулируется целесообразность использования средств управленческого учета затрат в качестве инструмента структурирования информационного пространства ЛПР, в функции которых входит управление себестоимостью и, следовательно, разработка и (или) реализация режима экономии. Данное информационное пространство выстраивается на основе единства и взаимосвязи технологических, планово-нормировочных и учетных показателей, что, в частности, позволяет обеспечивать их сопоставимость. Практические исследования (наблюдение, систематизация и сопоставление), проведенные автором, показали, что в установлении подобной взаимосвязи имеются значительные трудности, прежде всего методологического характера. Сравнивая действующие практики сметного планирования (бюджетирования), нормирования и калькулирования затрат ряда предприятий нижегородского промышленного кластера, автор установил, что лежащие в их основе методики зачастую не связаны между собой, а в некоторых случаях противоречат друг другу.

Так, на предприятии по ремонту подвижного состава РЖД многие виды основных материалов нормируются на единицу продукции, а на себестоимость списываются как косвенные затраты; на одном из заводов автомобильных компонентов планирование текстильных материалов и учет их расходования ведутся в разных калькуляционных единицах и т.д. Выявлены несоответствия и в методиках определения трудоемкости продукции. Так, ряд технологических операций на металлургических предприятиях и в литейных производствах машиностроительных заводов (дробление шлака, обжиг, сушка, приготовление формовочных составов) при нормировании труда и, соответственно, при отражении в нормативной калькуляции позиционируются по операциям, т.е. относятся к прямым затратам.

Вместе с тем при калькулировании трудозатрат на тонну годного литья нормативные калькуляции, по существу, не используются или используются достаточно поверхностно. Другими словами, при составлении калькуляции фактической себестоимости на данных предприятиях и производствах нормы трудовых ресурсов не рассматриваются, а прямые трудовые затраты списываются на косвенные расходы. Вполне очевидно, что в этих условиях планировать и отслеживать экономию затрат практически невозможно.

Слабая методологическая увязка планирования, нормирования, учета затрат и калькулирования себестоимости продукции во многом объясняется трудностями использования конструкторско-технологической документации (КТД). Например, на одном из исследуемых предприятий в КТД по ремонту токарных станков по металлу (что относится к основной деятельности предпри-

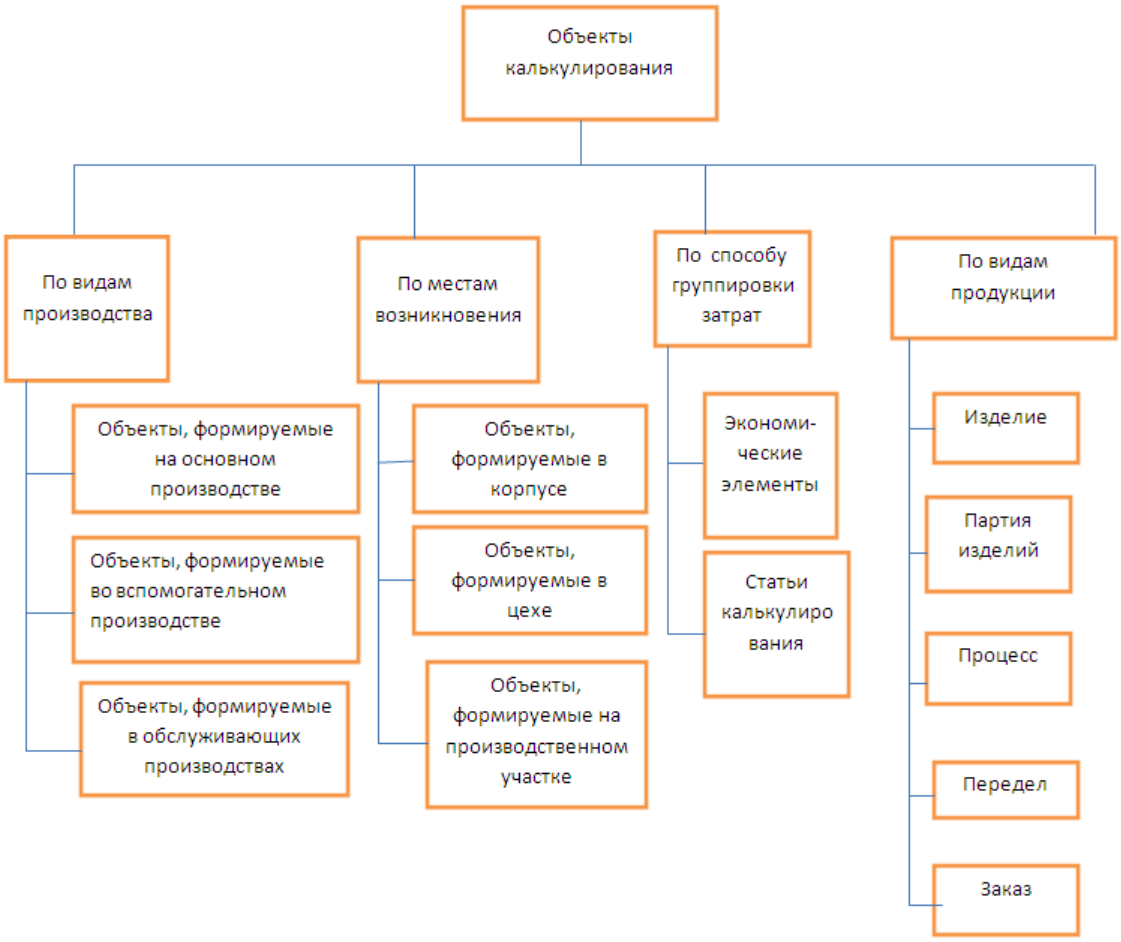


Рис. Классификация объектов калькулирования управленческого учета

ятия) указаны сведения, пригодные только для калькулирования машино-часа работы оборудования, что явно недостаточно для нормирования. Нам представляется необходимым обязательное отражение в КТД всех необходимых сведений для качественного калькулирования нормативной себестоимости единицы продукции (выполнения работ, оказания услуг), что позволит определить удельные показатели экономии затрат.

Отсутствие строго нормированных показателей себестоимости производимого продукта приводит к давней «болезни» калькулирования: котловому способу расчета себестоимости, при котором совокупные фактические затраты распределяются пропорционально между всеми видами производимой продукции. Не требует доказательств тот факт, что применение данного метода сводит на нет все усилия по информационному сопровождению стратегии снижения себестоимости. Качественному информированию ЛПР о состоянии экономии ресурсов в значительной степени препятствует неоправданное удлинение календарных периодов сметного планирования (бюджетирования) и нормирования затрат, что также принимает характер тренда на большинстве исследуемых предприятий.

Интеграция информационно-методологического обеспечения экономии ресурсов предприятия в систему управленческого учета требует строгой классификации носителей затрат [26], что, к сожалению, также не имеет места на большинстве исследуемых предприятий. Необходимо отметить, что наиболее существенные носители затрат и их группы позиционируются в качестве объектов калькулирования [26]. Критическая «масса» существенности определяется стоимостью и «вкладом» носителя в процесс получения экономических выгод хозяйствующего субъекта.

Автор предлагает использовать в качестве критериев классификации отношения этих объектов в пространствах видов производства; мест возникновения затрат; заказов (партий, переделов, процессов изготовления) продукции (работ, услуг) или конкретных наименований. Классификация объектов калькулирования в системе управленческого учета представлена на рисунке.

Калькуляция и формирование смет (бюджетов) затрат являются основными инструментами измерения уровня себестоимости в системе управленческого учета. Как уже отмечалось выше, качество результатов калькулирования и

сметного планирования (бюджетирования) зависит от наличия достоверной информационной базы нормирования ресурсов. Автором в [24] подчеркивается, что «норма затрат… представляет собой количественно идентифицированную меру потребления определенного ресурса (материалов; полуфабрикатов; комплектующих и покупных изделий; услуг сторонних организаций; трудовых операций, выполняемых основным производственным персоналом), а также возникающих при этом отходов и потерь на изготовление единицы продукции (работ, услуг), производственного заказа, реализацию технологического процесса или передела, рассчитанную заранее, до начала производственного цикла». Отсюда следует, что возвратные отходы и потери, теоретически не относящиеся к категории затрат, являются важными объектами расчетов себестоимости и стратегии экономии затрат.

Необходимо отметить, что возвратные отходы представляют собой «остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, теплоносителей и других видов материальных ресурсов, образовавшихся в процессе производства, утративших полностью или частично потребительские качества исходного ресурса (химические или физические свойства), и, в силу этого, используемые с повышенными затратами (понижением выхода продукции) или вовсе не используемые по прямому назначению» [24].

Проведенные автором исследования показали, что в настоящее время прямой терминологической идентификации технологических потерь не существует. Вместе с тем в Письме УМНС РФ по г. Москве от 18.02.2004 № 26-08/10738 [27] указывается, что «технологические потери при производстве и (или) транспортировке товарно-материальных ценностей обусловлены технологическими особенностями производственного цикла и процесса транспортировки, а также физико-химическими характеристиками применяемого сырья и материалов». В этом документе отмечено, что их «размер… может быть рассчитан и нормативно установлен исходя из технических условий производства в отдельных отраслях народного хозяйства… натуральные показатели, характеризующие технологические потери, возникающие при ведении конкретного технологического процесса, должны быть обоснованы и документально подтверждены (должны быть зафиксированы, например, в технологических картах)».

Очевидно, что невозможно нормировать потери, вызванные случайными событиями хозяйственной деятельности, такими как нарушения технологии и организации производства, отступления от предусмотренного сортамента, нарушение условий и охраны труда, несоблюдение параметров паспорта рабочего места, несоблюдение требований стандартов и технических условий [28–30]. Нельзя заранее рассчитать потери ресурсов, связанные с возникновением брака, с выполнением опытно-конструкторских и экспериментальных работ, испытанием опытных образцов продукции и т.п.

Таким образом, нормативная база затрат имеет сложносоставную структуру, и каждая ее составляющая должна отражаться в информационном пространстве стратегии экономии затрат средствами управленческого учета. Формирование и ведение массива норм затрат, их тщательно выверенное технико-экономическое обоснование и своевременная актуализация, осуществляемые в соответствии с содержанием КТД, особенностями производства и специфическими условиями внутренней и внешней среды, должны стать обязательным элементом системы управления уровнем затрат. Данный массив должен стать директивно закрепленной в локальных актах предприятия основой составления калькуляций и смет (бюджетов) расходования ресурсов, в том числе в целях информационного обеспечения стратегии экономии затрат на производство.

Перманентное и комплексное применение информационной базы нормированных ресурсов позволит выстроить в единую технологическую цепочку сметное планирование (бюджетирование), нормирование, учет затрат и калькулирование себестоимости, что, по определению, исключит «зашумление» пространства информационного обеспечения снижения затрат путем неоправданного абсорбирования сведений о ключевых показателях затрат в валовой себестоимости (котловой способ), создаст условия для системного структурирования технологических, планово-нормировочных и учетных показателей. Транспарентность параметров себестоимости является одним из главных условий качественной информационной поддержки мероприятий по ослаблению нагрузки затрат на экономику предприятия.

Следует подчеркнуть, что базовой исходной информацией для составления плана снижения затрат на определенный календарный период в разрезе объектов калькулирования (рис.) являются численные значения объемов изменений нормированных затрат в сторону их уменьшения. Планируемые изменения должны осуществляться в строгом соответствии с принятой программой соответствующих организационно-технологических мероприятий, проведение которых требует строгого технико-экономического обоснования, а в отдельных случаях проведения экспертизы.

Важным инструментом стратегии экономии затрат является обеспечение контроля запланированных показателей, играющего роль, в том числе, средства обратной связи между объектами и субъектами ее реализации.

Автором предлагается включить в состав обязательных контрольных процедур проверку самого факта внесения изменений в нормы, своевременности и правильности проведения этой, надо отметить, достаточно рутинной и, при большом объеме массива нормированных затрат и (или) высокой частоте возникновения изменений, довольно трудоемкой процедуры. Отсутствие факта внесения коррективов и (или) их недостоверность должны документироваться в принятых в организации учетно-информационных регистрах с указанием причин и «виновников» со стороны управленческого персонала. Внутренний контроль снижения затрат, выполняемый средствами калькулирования и сметного планирования (бюджетирования), несомненно, является важным инструментом информирования ЛПР.

Данная функция должна быть надежно «вмонтирована» в практику управленческого учета, ее результаты необходимо подробно документировать в разрезе утвержденных калькуляционных объектов в соответствующем учетно-информационном регистре, разрабатываемом и утверждаемом предприятием самостоятельно. По существу, данный регистр является ключевым источником проведения комплексного анализа динамики уровня затрат в разрезе установленного набора объектов калькулирования, что позволит выявить внутрипроизводственные резервы экономии ресурсов. Касаясь техники анализа, Н.П. Кондраков отмечает, что «по невыполненным мероприятиям к резервам относят всю сумму запланированной и неполученной экономии» [18]. В этом источнике подчеркивается, что если «вследствие невыполнения плана… организация допускает перерасход сырья, материалов и др.», то его сумму, отраженную в отчетности, «нужно вычесть из общей суммы резерва, обусловленного невыполнением плана» снижения затрат. Точно рассчитанные и экономически выверенные сведения о резервах позволят повысить уровень информационной осведомленности ЛПР, ответственных за реализацию стратегии планомерного снижения затрат.

Выводы

Снижение уровня затрат на производство и реализацию продукции предприятия имеет первостепенное значение не только в плане обеспечения конкурентоспособности и финансовой устойчивости предприятия, но и в продвижении принципиально новых промышленных технологий и методов управления. Системное и перманентное применение калькуляций и смет (бюджетов) в количественном исчислении объемов снижения ресурсов позволяет значительно повысить продуктивность информационного обеспечения реализации стратегий экономии затрат. Перспективой повышения уровня информационной осведомленности ЛПР, ответственных за результативность экономии ресурсов, является дальнейшая интеграция в едином информационно-методологическом пространстве сметного планирования (бюджетирования), нормирования, учета затрат и калькулирования себестоимости в систему управленческого учета затрат на обычную деятельность.

Список литературы

1. Карпова Т.П., Шарафутина С.Ф. Учет затрат и калькулирование себестоимости готовых объектов и отдельных циклов работ при долевом строительстве: Монография. М.: Вуз. уч., НИЦ «ИНФРА-М», 2016. 274 с.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации / АО «Кодекс», 2017. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://docs.cntd.ru/document/901765862 (дата обращения: 21.03.2017).

3. Вахрушина М.А., Рассказова-Николаева С.А., Сидорова М.И. Управленческий учет – 1: Учебное пособие. Базовый курс. М.: Издательский дом «БИНФА», 2011. 173 с.

4. Приказ Минсельхоза РФ от 06.06.2003 № 792 «Об утверждении Методических рекомендаций по бухгалтерскому учету затрат на производство и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) в сельскохозяйственных организациях» / КонсультантПлюс, 1992–2014. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/wpcontent/uploads/2015/10/metodicheskie_rekomendacii_vselskom_xozyajstveLAW_21779// (дата обращения: 29.03.2017).

5. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99 / АО «Кодекс», 2017. URL: http://docs.cntd.ru/document/901735798 (дата обращения: 21.03.2017).

6. Петров А.М. Общественное питание: учет и калькулирование себестоимости: Учебное пособие. 3-е изд. М.: КУРС, НИЦ «ИНФРА-М», 2015.

7. Трубочкина М.И. Управление затратами предприятия: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: НИЦ «ИНФРА-М», 2013. 319 с.

8. Либерман И.А. Управление затратами. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006. 619 с.

9. Корнеева Т.А. Информационное обеспечение управленческого контроля // Znanium.com. 2016. Вып. № 1–12.

10. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учет. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 576 с.

11. Учет затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции (работ, услуг): Учеб.-практ. пос. / Под ред. Ю.А. Бабаева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Вузов. учеб.: НИЦ «ИНФРА-М», 2014. 188 с.

12. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Последняя действующая редакция от 23.05.2016 г. с изменениями и дополнениями [Документы РФ. URL: https://dokumenty24.ru/zakony-rf/fz-o-bukhgalterskom-uchete.html] / АО «Кодекс», 2017. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://docs.cntd.ru/document/902316088 (дата обращения: 21.03.2017).

13. Титова Е.В. Терминологический анализ как метод и задача исследования // Эмиссия. Оффлайн. Электронное научное периодическое издание. Тематика: 13.00.00 педагогические науки, 19.00.00 психологические науки. URL: http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm (дата обращения: 22.03.2017).

14. Приказ Минтопэнерго РФ от 17.11.1998 № 371 (ред. от 12.03.1999) «Об утверждении Инструкции по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятиях» / КонсультантПлюс, 1992–2014. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21779// (дата обращения: 29.03.2017).

15. Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса (извлечения)) / КонсультантПлюс, 1992–2014. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105793/ (дата обращения: 30.03.2017).

16. Воловиков Б.П. Управление маркетинговой устойчивостью промышленного предприятия // Экономика и управление в машиностроении. 2013. № 1.

17. Маленкова Л.А., Прудников В.В. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в производственной деятельности учреждений УИС: Учебное пособие. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. 82 с.

18. Кондраков Н.П., Иванова М.А. Бухгалтерский управленческий учет: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ «ИНФРА-М», 2013. 352 с.

19. Управленческий учет: Учеб. пособие (Бакалавриат) / Под ред. Я.В. Соколова. М.: Магистр: НИЦ «ИНФРА-М», 2013. 428 с.

20. Козырева Т.В. Учет издержек в туризме: Учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2000. 224 с.

21. Васильева Л.С. Основные признаки классификации затрат // Официальный сайт консалтинговой компании «АксионБКГ». URL: http://www.bkg.ru/library/materials/?ELEMENT_ID=3591 (дата обращения: 22.03.2017).

22. Бухгалтерские изменения – 2017 / 2009–2017. Официальный сайт «Центр управления финансами». URL: http://center-yf.ru/data/Buhgalteru/Zatraty.php (дата обращения: 23.03.2017).

23. Справочник для экономистов / CATBACK.RU 2010–2017. URL: http://www.catback.ru/articles/theory/cost/costs.htm (дата обращения: 20.03.2017).

24. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет. 2-е изд. М.: Магистр, НИЦ «ИНФРА-М», 2016. 144 с.

25. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учет: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Магистр: НИЦ «ИНФРА-М», 2015. 448 с.

26. Управленческий учет: Официальная терминология CIMA / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.Е. Шишковой. М.: ИД «ФБК-ПРЕСС», 2004. 200 с.

27. Письмо УМНС РФ по г. Москве от 18.02.2004 № 26-08/10738. URL: http://www.alppp.ru/law/finansy/nalogi-i-sbory/53/pismo-umns-rf-po-g--moskve-ot-18-02-2004--26 -0810738.rtf (дата обращения: 02.04.2017).

28. Экономика предприятия (фирмы): Практикум / Под ред. В.Я. Позднякова, В.М. Прудникова. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2010. 319 с.

29. Царенко А.С. «Бережливое государство»: перспективы применения бережливых технологий в государственном управлении в России и за рубежом // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 45. Август 2014 г.

30. Вумек Дж., Джонс Д. Продажа товаров и услуг по методу бережливого производства [Электронный ресурс]: Пер. с англ. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014. 264 с.

CALCULATIONS AND ESTIMATES (BUDGETS) OF PRODUCTION COSTS AS TOOLS FOR INFORMATION SUPPORT OF COST SAVING STRATEGIES

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of this paper is to justify the use of cost estimates and budgets as effective tools for information support for the persons in charge of the cost-reduction strategy at their company. We used scientific methods of terminological and systemic analysis of interrelations, state and dynamics of the subject field under research. Necessary observations, generalizations and comparisons of their parameters were performed. The targeted approach was determined to be the optimal one for giving the definition of «costs». A classification was developed for the calculation objects at which the cost saving strategy is targeted. Consolidated schemes of the cost reduction strategy and the operation of the system of managerial costs accounting are proposed in the paper along with some methods for applying estimates (budgets) and cost calculations for information support of the cost reduction strategy.

Keywords: cost of production, costs, cost reduction strategy, setting of norms, management accounting, internal control.

УДК 338.2

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА УЧАСТИЯ ИНЖИНИРИНГОВЫХ КОМПАНИЙ В РАБОТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2017 г.

Р.И. Зинурова, Ч.А. Мисбахова, А.А. Стародубова

Зинурова Раушания Ильшатовна, д.соц.н.,проф., директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета
rushazi@rambler.ru
Мисбахова Чулпан Адиповна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры инноватики в химической технологии Казанского национального исследовательского технологического университета
330-a@mail.ru
Стародубова Анна Александровна, к.э.н., доц.; доцент кафедры инноватики в химической технологии Казанского национального исследовательского технологического университета
upfr-nk@list.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2017
Статья принята к публикации 24.07.2017

Рассмотрены теоретические и практические результаты процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в Российской Федерации. Изучены варианты создания технологических платформ, рассмотрены методики оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ, предложены показатели для оценки результатов и эффективности этого процесса, проведена апробация разработанной системы показателей в Российской Федерации за 2009–2014 гг. Показано, что инициатива создания технологических платформ исходит от государственного или от реального секторов экономики; в России реальный сектор экономики не участвует в значительной степени в технологических инновациях, хотя имеет преимущества, в отличие от государственного участия. Существующие методики оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ недостаточно проработаны, поэтому необходима система показателей для Российской Федерации, включающая в себя число патентных заявок, интенсивность затрат на технологические инновации, коэффициент конкурентоспособности технологических платформ.

Ключевые слова: технологическая платформа, инновации, патент, реальный сектор, инжиниринговые компании, результат, эффективность.

Введение

Инжиниринговые компании, участвующие в работе технологических платформ, необходимы:

– для повышения качества инновационных продуктов для конечных потребителей;

– для удовлетворения потребностей заказчика в инновационном продукте;

– для развития российской инновационной системы.

Процесс участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в Российской Федерации может быть представлен в виде следующих этапов:

– создание и обоснование технологической платформы, где определяются стратегические цели и оценивается научно-технический потенциал;

– разработка стратегической программы исследований («дорожная карта»);

– реализация стратегического плана исследований [1].

Инициатива создания технологических платформ может исходить от государства, от реального сектора экономики.

Например, в Европейском союзе инициатива создания технологических платформ исходит от реального сектора экономики (бизнес-ассоциации, крупные промышленные компании) [2].

В Российской Федерации инициатива создания технологических платформ исходит со стороны государства, что отличается от опыта Европейского союза.

В таблице 1 показана структура источников финансирования технологических инноваций в России, в США, в Германии, в Китае, в Израиле на 2015 год [3].

Из сравнения структур источников финансирования технологических инноваций России с другими странами в таблице 1 видно, что наименьшая доля источников финансирования технологических инноваций от реального национального сектора – в России (32%). Наибольшая доля источников финансирования технологиче-

Таблица 1

Структура источников финансирования технологических инноваций по странам в 2015 году

Страна	Удельный вес, %				
	Всего источники финансирования	Реальный национальный сектор	Другие национальные источники	Государственный сектор	Иностранные источники
Россия	100	32	–	65	3
США	100	60	7	30	3
Германия	100	67	–	29	4
Китай	100	75	–	21	4
Израиль	100	42	3	10	45

ских инноваций от государственного сектора – в России (65%).

Как видно в таблице 1, для США, Германии, Китая, Израиля удельный вес государства в источниках финансирования технологических инноваций в 2015 году незначительный, тем не менее государству отводится решение такой важной задачи, как поддержка технологических инноваций.

В Российской Федерации на 2015 год для поддержки технологических инноваций также созданы центры поддержки технологий и инноваций.

Процесс участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ

Центры поддержки технологий и инноваций созданы для взаимодействия между Федеральной службой по интеллектуальной собственности и Всемирной организацией интеллектуальной собственности. На 2015 год в Российской Федерации создано 130 центров поддержки технологий и инноваций, в работе которых принимают участие 137 субъектов из 63 регионов. Например, в Республике Татарстан в деятельности центров поддержки технологий и инноваций принимают участие Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанский государственный энергетический университет, ООО «Газпромтрансгаз Казань», Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан, ПАО «ТАНЕКО», ГАУ «Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк», ПАО «КамАЗ» [4, 5].

По данным Росстата, в 2015 году в Российской Федерации среди причин низкого спроса бизнеса на технологические инновации были названы:

– на первом месте (32%) – недостаток собственных финансовых средств;

– на втором месте (23%) – высокая стоимость НИОКР;

– на третьем месте (17%) – недостаток государственной финансовой поддержки [3].

Преимуществом от участия реального сектора экономики в инициативе создания технологических платформ, в отличие от государства, является низкий уровень инвестиционного риска. Рассмотрим возможность риска инжиниринговых компаний от участия в технологических платформах в условиях Российской Федерации. Оценка такого риска была проведена Фондом «Центр стратегических разработок». Вывод данного исследования – для технологических платформ в Российской Федерации, созданных по инициативе реального сектора экономики, характерен низкий уровень риска, из-за того что финансирование не осуществляется централизованно [6].

Инжиниринговые компании Российской Федерации, участвующие в работе технологических платформ, по состоянию на 2015 год представлены в таблице 2 [6].

Для оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в условиях Российской Федерации необходимо разработать систему показателей, которая учитывает особенности, характерные для Российской Федерации.

В настоящее время разработаны следующие методики оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в условиях Российской Федерации.

Первый автор методики оценки результатов и эффективности процесса участия технологических платформ – С.С. Елецкая [7].

Второй автор методики оценки результатов и эффективности процесса участия технологических платформ (на примере разработанной экономико-математической модели и интегрального показателя развития) – Ф.Ф. Галимулина [8].

Третий автор методики оценки результатов и эффективности процесса участия технологических платформ (на примере разработанной

Таблица 2

Инжиниринговые компании Российской Федерации, участвующие в работе технологических платформ на 2015 год

Технологическая платформа	Инжиниринговая компания
«Замкнутый ядерно-топливный цикл с реакторами на быстрых нейтронах»	АО «АКМЭ-инжиниринг»
«Фотоника»	ЗАО «НЗХК ИНЖИНИРИНГ»
«Интеллектуальная энергетическая система России»	АО «Северо-Западный энергетический инжиниринговый центр»
	ООО «ФНК Инжиниринг»
	ООО «Портал-Инжиниринг»
«Малая распределенная энергетика»	ООО «Ситек Инжиниринг Раша»
	АДД инжиниринг
	АО «Компания ЭМК-Инжиниринг»
	ООО «Инжиниринговая компания ГРАНТЕК»
	АНО «Инжиниринговый центр энергетического машиностроения»
«Новые полимерные композиционные материалы и технологии»	АО «НПК Химпром-инжиниринг»
«Технологии добычи и использования углеводородов»	ЗАО «ГК «РусГазИнжиниринг»
«Технологии экологического развития»	Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Технопарк высоких технологий»

экономико-математической модели и рейтинговой оценки) – И.А. Тронина [9].

Однако для адекватной оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в условиях Российской Федерации методов этих авторов недостаточно.

В таблице 3 представлены показатели результатов и эффективности участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ на примере зарубежных стран: США, Великобритании, Канады [10].

Исследование показателей результатов и эффективности участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ на примере Канады, Великобритании, США позволяет сделать выводы:

– существует большое количество показателей результатов и эффективности деятельности инжиниринговых компаний;

– большинство показателей результатов и эффективности деятельности инжиниринговых компаний имеют финансовую ориентацию;

– недостаточно показателей результатов и эффективности деятельности инжиниринговых компаний, ориентированных на научно-технические характеристики.

Результаты и обсуждения

Авторами предлагается проводить оценку результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в условиях Российской Федерации при помощи показателя – число патентных заявок.

Сравнительный анализ числа патентных заявок по странам: Россия, Германия, Республика Корея, США, Япония, Китай – показал, что в 2015 году:

– лидером по числу патентных заявок является Китай;

– на втором месте по числу патентных заявок – США;

– на третьем месте по числу патентных заявок – Япония;

– на четвертом месте по числу патентных заявок – Республика Корея;

– на пятом месте по числу патентных заявок – Германия;

– на шестом месте по числу патентных заявок – Россия [3].

По данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности, в Российской Федерации среди заявителей патентов в 2015 году 36% составляли нерезиденты, 64% – резиденты, то есть структура была несбалансирована, в сравнении, например, с США, где резиденты и нерезиденты занимали по 50%, образуя сбалансированную структуру [11].

Таким образом, в Российской Федерации в области патентования наблюдается низкая международная активность (то есть участие нерезидентов в числе заявок на патенты). Причина низкой международной активности в России в области патентования – низкая степень защиты патентов правовой системой.

На основе данных годового отчета о деятельности Роспатента за 2015 год можно сделать вывод, что структура участников подачи патентов в Российской Федерации представлена:

– 1-е место – негосударственные организации (64% от числа соглашений как передающая

Таблица 3

Показатели результатов и эффективности участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ по странам в 2015 году

Показатели США	Показатели Великобритании	Показатели Канады
Средний уровень заработной платы работников сектора	Востребованность инженерной профессии выпускниками	Уровень образования персонала
Уровень занятости инженеров	Число выпускников инженерных специальностей в разрезе по областям инженерного дела	Затраты на исследования и разработки
Годовая численность выпускников инженерных специальностей	Уровень занятости выпускников инженерных специальностей	Научно-техническое сотрудничество с университетами, исследовательскими лабораториями и клиентами, участие в кооперации
Объемы экспорта-импорта инжиниринговых услуг в отдельных странах	Уровень оплаты труда инженеров	Приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности
Инвестиции в крупнейшие инфраструктурные проекты		Приобретение высокотехнологичных машин и оборудования
Выручка		Инновационные продукты и процессы, степень новизны инноваций
		Использование объектов интеллектуальной собственности

Таблица 4

Динамика зарегистрированных патентных договоров в области техники в Российской Федерации за 2009–2014 гг.

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Количество договоров	2365	2860	3207	3035	3123	2965
Темпы роста, %	–	121	112	95	103	95

Таблица 5

Интенсивность затрат на технологические инновации в Российской Федерации за 2009–2013 гг.

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Интенсивность затрат на технологические инновации, отн. ед.	0.335	0.263	0.283	0.218	0.230

сторона, 89% от числа соглашений как принимающая сторона);

– 2-е место – физические лица (25% от числа соглашений как передающая сторона, 8% от числа соглашений как принимающая сторона);

– 3-е место – государственные учреждения (НИИ, вузы) (11% от числа соглашений как передающая сторона, 3% от числа соглашений как принимающая сторона) [11].

В таблице 4 показана динамика зарегистрированных патентных договоров в области техники в Российской Федерации за 2009–2014 гг. [11].

Как видно из таблицы 4, темпы роста количества патентных договоров в области техники в Российской Федерации за 2009–2014 гг. являются нестабильными. Наибольшие темпы роста количества патентных договоров в области техники в Российской Федерации наблюдались в 2010 году, наименьшие темпы роста – в 2012 году и в 2014 году.

По данным Роспатента за 2015 год, наибольший удельный вес в структуре патентных заявок по видам деятельности в Российской Федерации составляли:

– первое место – энергетика и электротехника;

– второе место – медицина;

– третье место – химия, нефтехимия [11].

Авторами предлагается проводить оценку результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в условиях Российской Федерации при помощи показателя – интенсивность затрат на технологические инновации.

Интенсивность затрат на технологические инновации рассчитывают как отношение затрат на технологические инновации к объему инновационных товаров, работ и услуг организаций за период [3].

В таблице 5 представлен показатель интенсивности затрат на технологические инновации в Российской Федерации за 2009–2013 гг. [3].

Как видно из таблицы 5, наибольшая интенсивность затрат на технологические инновации в Российской Федерации наблюдалась в 2009 году.

Таблица 6

Коэффициенты конкурентоспособности технологических платформ в Российской Федерации за 2012–2013 гг.

Технологическая платформа	Коэффициент конкурентоспособности технологической платформы, отн. ед.		Группа уровня конкурентоспособности	
	2012 год	2013 год	2012 год	2013 год
«Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа»	0.010	0.009	3	3
«Текстильная и легкая промышленность»	0.019	0.019	3	3
«Инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии – фотоника»	0.041	0.047	3	3
«Технологии мехатроники, встраиваемых систем управления, радиочастотной идентификации и роботостроение»	0.077	0.074	3	3
«Медицина будущего»	0.086	0.089	3	3
«Экологически чистый транспорт»	0.115	0.099	3	3
«Национальная информационная спутниковая система»	0.165	0.181	3	3
«СВЧ-технологии»	0.200	0.220	3	3
«Новые полимерные композиционные материалы и технологии»	0.265	0.237	3	3
«Материалы и технологии металлургии»	0.392	0.363	2	2
«Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК»	0.526	0.560	2	2
«Технологии добычи и использования углеводородов»	0.772	0.939	1	1

Наименьшая интенсивность затрат на технологические инновации в Российской Федерации наблюдалась в 2012 году по причине сокращения объема затрат на технологические инновации в организациях.

Авторами предлагается проводить оценку результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ в условиях Российской Федерации при помощи показателя – коэффициент конкурентоспособности технологических платформ.

Под конкурентоспособностью технологической платформы понимается способность технологической платформы результативно и эффективно осуществлять инновационную деятельность по сравнению с другими технологическими платформами.

Коэффициент конкурентоспособности по авторской методике можно рассчитать на основе данных:

– финансирование затрат на технологические инновации;

– доля добавленной стоимости в ВВП.

Коэффициент конкурентоспособности технологических платформ рассчитаем на основе формулы, предложенной авторами:

$$K_K = \frac{Ф_p \times ДС}{Ф_o},$$

где K_K – конкурентоспособность технологической платформы, отн. ед.; $Ф_p$ – финансирование затрат на технологические инновации за счет реального сектора экономики, руб.; $ДС$ – доля добавленной стоимости в ВВП, %; $Ф_o$ – финансирование затрат на технологические инновации за счет всех источников финансирования, руб.

Чем выше значение коэффициента конкурентоспособности технологической платформы, тем выше конкурентоспособность соответствующей технологической платформы.

По мнению авторов, можно классифицировать российские технологические платформы по трем группам в зависимости от уровня конкурентоспособности:

– 1-я группа – с высоким значением коэффициента конкурентоспособности (более 0.6 отн. ед.);

– 2-я группа – со средним значением коэффициента конкурентоспособности (от 0.3 отн. ед. до 0.6 отн. ед.);

– 3-я группа – технологические платформы с низким значением коэффициента конкурентоспособности (меньше 0.3 отн. ед.).

В таблице 6 показаны рассчитанные коэффициенты конкурентоспособности технологических платформ в Российской Федерации за 2012–2013 гг. по данным Росстата [3].

Как видно из таблицы 6, группы конкурентоспособности технологических платформ в 2013 году по сравнению с 2012 годом не изменились.

Низкий уровень конкурентоспособности технологических платформ в Российской Федерации

объясняется низким уровнем участия реального сектора экономики России в таких технологических платформах, как «Текстильная и легкая промышленность», «Медицина будущего».

Заключение

Таким образом, в результате исследования можно сделать вывод, что в Российской Федерации инициатива создания технологических платформ исходит на 65% от государственного сектора, в отличие от Китая, США, Германии, Израиля, где инициатива исходит от реального сектора экономики. Задача государства для поддержки технологических платформ – создавать центры поддержки инноваций, в России наблюдается рост этих центров.

Реальный сектор экономики не участвует в значительной степени в технологических инновациях из-за недостатка собственных источников финансирования, из-за высокой стоимости НИОКР. Преимущество участия реального сектора экономики в отличие от государства в технологических платформах – низкий уровень риска инвестирования.

Существующие методики оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ (российских авторов С.С. Елецкой, Ф.Ф. Галимулиной, И.А. Тронной; зарубежного опыта США, Великобритании, Канады) недостаточно проработаны и ориентированы на финансовые показатели. Поэтому для оценки результатов и эффективности процесса участия инжиниринговых компаний в работе технологических платформ необходима система показателей, которая учитывает особенности, характерные для Российской Федерации:

– число патентных заявок;

– интенсивность затрат на технологические инновации;

– коэффициент конкурентоспособности технологических платформ.

Инжиниринговые компании, участвующие в технологических платформах, необходимы для повышения качества инновационных продуктов на российском и на международном уровне.

Список литературы

1. Мисбахова Ч.А. Технологические платформы как институт развития инноваций в текстильной и легкой промышленности // Инновационная деятельность. 2016. № 3. С. 23.

2. Евразийская экономическая комиссия. Европейские технологические платформы. Аналитическая справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Европейские%20технологические%20платформы.pdf.

3. Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2016: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 320 с.

4. Мисбахова Ч.А. Эконометрическое моделирование институтов развития инноваций на мезоуровне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 48–56.

5. ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности». Справочник центров поддержки технологий и инноваций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www1.fips.ru/TISCs.

6. Шадрин А.Е. и др. Повестка развития инновационной инфраструктуры в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.engineering-info.ru/wp-content/uploads/2015/09/Povestka_razvitia_innovacionnoy_infrastrukturi.pdf.

7. Елецкая С.С. Управление процессом формирования технологических платформ как эффективного инструмента инновационного развития регионов: Автореф. дис. … канд. экон. наук. Орел, 2011. 24 с.

8. Галимулина Ф.Ф. Управление развитием технологических платформ в инновационных секторах российской экономики: Автореф. дис. … канд. экон. наук. Казань, 2015. 24 с.

9. Тронина И.А. Методология управления инновационным развитием интегрированных систем в высокотехнологичной сфере современной экономики: Автореф. дис. … д.э.н. Орел, 2014. 48 с.

10. Повалко А.Б. О создании и развитии инжиниринговых центров на базе образовательных организаций высшего образования. Итоги 2013 года и планы на 2014–2016 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/preza_1.pdf.

11. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Отчет о деятельности Роспатента за 2015 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rupto.ru/about/reports/2015.

ASSESSMENT OF THE RESULTS AND EFFECTIVENESS OF ENGINEERING COMPANIES' PARTICIPATION IN THE WORK OF TECHNOLOGY PLATFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

R.I. Zinurova, Ch.A. Misbakhova, A.A. Starodubova

Kazan National Research Technological University

This paper deals with theoretical and practical results concerning the effectiveness of engineering companies' participation in the work of technology platforms in the Russian Federation. We examine some options for the establishment of technology platforms, consider methods for evaluating the results and effectiveness of engineering companies' participation

in the work of technology platforms, and propose some indicators for evaluating the results and effectiveness of engineering companies' participation in the work of technology platforms. The developed system of indicators for the Russian Federation covering the period from 2009 to 2014 has been tested. It is shown that the initiative for the creation of technology platforms comes from the state or from the real sectors of the economy. Russia's real economy sector is not involved to a large extent in technological innovation, despite of some advantages that it has in contrast to public participation. Existing methods for assessing the results and effectiveness of engineering companies' participation in the work of the technology platforms are not sufficiently mature, therefore, a system of indicators is required for the Russian Federation that includes the number of patent applications, the intensity of expenditure on technological innovation, and the coefficient of competitiveness of the technology platforms.

Keywords: technology platform, innovation, patent, real sector, engineering companies, result, efficiency.

УДК 311.42

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2017 г.

В.А. Матвеев, А.О. Овчаров

Матвеев Виктор Александрович, к.э.н.; доцент кафедры информационных систем в финансово-кредитной сфере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
super.vma@yandex.ru
Овчаров Антон Олегович, д.э.н.; профессор кафедры информационных систем в финансово-кредитной сфере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
anton19742006@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.05.2017
Статья принята к публикации 26.07.2017

В современных условиях актуальной задачей является развитие методов статистической оценки инноваций. В статье раскрыты существующие формы статистического наблюдения за инновационной деятельностью. Выявлены проблемы неадекватного статистического учета российских инноваций. Представлена система статистических показателей инновационной деятельности, включающая семь групп абсолютных и относительных величин. Предложен ряд дополнительных показателей, связывающих результаты инновационной деятельности с эксплуатацией основных фондов и затратами труда. Разработана методика статистической оценки рыночной стоимости не отдельных объектов основных фондов, а всей совокупности основных фондов коммерческих организаций, сгруппированных по видам экономической деятельности (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и т.п.). Методика может использоваться как аналитическое подспорье для исследования эффективности производственной и инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации, формы статистической отчетности, система показателей, основные фонды, оценка рыночной стоимости.

Введение

В современных условиях возрастает важность статистических методов сбора, передачи, обработки и хранения статистической информации в самых разных сферах деятельности – демографии [1], науке и образовании [2], медицине [3], бухгалтерском учете и аудите [4] и т.п. Не является исключением и статистика инноваций. Учет инноваций крайне необходим для получения и использования результатов интеллектуальной деятельности: произведений науки, литературы и искусства, программ для ЭВМ и баз данных, изобретений, полезных моделей, высокотехнологичной продукции и услуг, ноу-хау, фирменных наименований, товарных знаков и т.п. Особое значение для реальной экономики имеют технологические инновации, конечным результатом которых является новый или усовершенствованный продукт, внедренный на рынке, либо новая или усовершенствованная технология [5, 6].

Большие объемы статистической информации, а также обобщающие количественные индикаторы инновационной активности являются необходимой методологической и информационной базой для формирования и совершенствования инновационной политики государства, муниципальных образований и предприятий. Таким образом, в современных условиях стратегически значимым и крайне важным направлением прикладной социально-экономической статистики необходимо считать статистику инновационной деятельности. Она решает самые разные задачи: классифицирует инновации по типам, измеряет объемы и эффективность различных видов ресурсов, направленных на инновационную деятельность, используется как инструментарий оценки инновационного развития отраслей и регионов [7, 8]. В любом случае, статистика инноваций должна давать актуальное, полное, адекватное и точное отражение количественной стороны исследуемых инновационных явлений и процессов.

Статистика инноваций в России ведет свой отсчет с 1994 г., когда в нашей стране впервые стали проводиться обследования инноваций в некоторых отраслях промышленности (крупные и средние предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности). Затем эта практика была распространена на сферу услуг (1998 г.) и малые предприятия (1999 г.). В 2000-х годах российская статистика инноваций была модернизирована в соответствии с международными стандартами (CIS-3, CIS-4, CIS-2008), она была вписана в крупный блок прикладной статистики – статистика науки и инноваций.

Вместе с тем сегодня остаются нерешенные проблемы в сфере статистики инноваций. Например, в РФ отсутствует единый критерий отнесения продукции к инновационной, что затрудняет ее учет. В настоящее время действуют 6 приказов различных министерств (№ 261 от 25.08.2015 г. Министерства транспорта РФ, № 286 от 10.10.2013 г. Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и др.), которые утверждают данные критерии. Предприятие само должно определить, к какой отрасли относится выпускаемая продукция или оказываемая услуга, выбрать соответствующий приказ и по критериям конкретного министерства определить факт наличия или отсутствия инновационности. С учетом того, что номенклатура продукции может быть разной, возможны ошибки в учете и предоставлении информации.

Формы отчетности и система статистических показателей инновационной деятельности

Из теории статистики известно, что одной из задач статистической науки является сбор массивов данных о различных социально-экономических объектах, явлениях и процессах. Это делается с помощью проведения специальных статистических обследований и путем заполнения соответствующих централизованных или децентрализованных форм отчетности. В современной статистике инноваций, на наш взгляд, можно выделить две группы форм статистической отчетности, в которых аккумулируется вся информация об инновациях. Назовем их основные и дополнительные. К дополнительным формам относят те, в которых нет прямых ссылок на заполнение разделов о разных типах инноваций и инновационной деятельности. Однако косвенно они связаны с инновациями, поскольку предполагают сбор данных о наукоемких технологиях, выполнении научно-исследовательских работ. В качестве примера такой дополнительной формы можно привести форму № 1-технология «Сведения о разработке и использовании передовых производственных технологий».

Что касается основных форм отчетности в отношении инноваций, то их в настоящий момент две – № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации» и №2-МП инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия». Первую ежегодно обязаны предоставлять в органы Росстата средние и крупные предприятия промышленности и сферы услуг, вторую – 1 раз в 2 года субъекты малого предпринимательства. Спектр охвата инноваций этими формами различен: если малые предприятия обязаны предоставлять информацию только о технологических инновациях, то крупный и средний бизнес дополнительно информирует Росстат еще и о маркетинговых, организационных и экологических инновациях. По данным трем группам инноваций в форме № 4 указывается только факт их наличия, а также капитальные и текущие затраты на их осуществление. Главный же экономический индикатор – объем инновационных товаров, работ, услуг за отчетный год (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей) – определяется только по технологическим инновациям, причем в разрезе их реализации как для российского, так и для международного рынка.

В содержательном плане в статистическом учете нет унифицированного перечня или четких критериев инновационности продукции. Имеются лишь пояснения к заполнению основных разделов, которые каждое предприятие может трактовать по-разному. Например, в сфере строительства в качестве продуктовых инноваций (один из подвидов технологических инноваций) могут быть указаны новые строительные материалы, обладающие повышенными эксплуатационными и потребительскими свойствами (теплосберегающие, звукоизолирующие и т.п.). Однако степень этой «повышенности», конкретные количественные характеристики, отличающие данные материалы от существующих «неинновационных» материалов, в пояснениях не указываются.

Кроме того, на наш взгляд, есть еще одно важное обстоятельство, усложняющее адекватный статистический учет инновационной продукции. Согласно действующим правилам, любая инновация, подлежащая учету, должна быть новой (не старше 3 лет) только для того предприятия, которое заполняет статистическую форму. Эта инновация не обязательно должна быть новой для рынка. Не имеет также значения, был ли разработан инновационный продукт данным предприятием или другими. Важно лишь то, что само предприятие считает этот продукт инновацией и готово отразить его в статистической отчетности.

Из этого следует как минимум одна проблема – возможность многократного учета одной и той же инновации, которая при определенных обстоятельствах уже не сможет считаться таковой. Предположим, что на рынке появился новый продукт – пусть некий строительный материал, который действительно обладает инновационными свойствами. При этом его разработала, производит и продает одна фирма, которая указывает данный продукт в форме № 4-инновация. В

этом случае никакой проблемы нет, поскольку наш продукт будет новым для рынка, и объемы его отгрузки будут отражать степень инновационной активности фирмы. Теперь предположим, что производство этого строительного материала будут ежегодно в течение 10 лет запускать по 100 других фирм – они имеют полное право в течение 3 лет учитывать этот материал как инновационный, поскольку ранее он у них не производился. Таким образом, более 10 лет одна и та же инновация будет учитываться многократно на разных предприятиях. Это уже противоречит экономической логике, поскольку у любой инновации должен быть «срок давности» безотносительно того, как долго она выпускается на конкретном предприятии. Допустим также, что другого инновационного строительного материала за все 10 лет не появилось. В результате будет складываться ситуация, когда на протяжении многих лет в статистической отчетности фигурирует (в неявном виде) один и тот же единственный продукт с многомиллионными оборотами, который формально считается инновацией. «Попав» в статистические сборники, он будет характеризовать высокую инновационную активность всей отрасли строительных материалов. Однако очевидно, что в реальности можно говорить лишь об инновационной активности ряда предприятий, которые в определенный период стали выпускать этот материал. В целом же рынок строительных материалов не может считаться инновационным, поскольку много лет на нем обращался одинаковый продукт, отсутствовали иные технологии и продукты.

Решить данную проблему с помощью усовершенствования форм статистической отчетности не представляется возможным. Любые формы, какие бы разделы они ни содержали, не могут адекватно характеризовать масштабы инновационной активности российской экономики. Эти формы ориентированы на предприятия, а не на сами инновации – в них много субъективного и неоднозначного. Достаточно сказать, что в существующей форме № 4-инновация из 10 разделов только для трех используются объективные количественные показатели (объем инновационных товаров, работ, услуг, затраты на инновации и число совместных инновационных проектов с партнерами). Остальные – это оценки, которые делаются руководством предприятия в отношении разных аспектов инновационной деятельности, например в отношении влияния результатов инноваций на развитие предприятия (раздел 6).

Таким образом, сбор информации об инновациях посредством заполнения специальных статистических форм является важной задачей статистического учета. Не менее важная задача – это обобщение такой информации и конструирование системы показателей инновационной деятельности. Эти показатели могут распределяться по разным типам инноваций, видам экономической деятельности, формам собственности предприятий, регионам и т.п. В настоящий момент в РФ наиболее полно такая система показателей представлена в ежегодных сборниках «Индикаторы инновационной деятельности», выпускаемых Высшей школой экономики совместно с Росстатом и Министерством экономического развития РФ [9]. Этот многостраничный документ, полученный в результате обобщения форм статистической отчетности и проведения специальных выборочных обследований инновационной деятельности, включает самые разные показатели. Однако, на наш взгляд, можно выделить следующие обобщенные группы показателей:

1. Совокупный объем инновационных товаров, работ или услуг и его удельный вес (доля) в общем объеме реализации на внутреннем и внешнем рынке.

2. Удельный вес (доля) организаций, осуществляющих инновации или приобретение (продажу) инновационных технологий, в общей численности организаций.

3. Число научно-исследовательских подразделений организаций, выполнявших инновационные исследования и разработки, численность работников этих подразделений, а также удельный вес (доля) таких работников в общей численности работников организаций.

4. Совокупная величина затрат на инновации, средняя величина этих затрат и их интенсивность.

5. Удельный вес (доля) затрат на отдельные типы инноваций в общем объеме затрат на инновации, а также в разрезе отдельных источников их финансирования.

6. Удельный вес (доля) импортируемых и экспортируемых инновационных технологий и инновационных товаров, работ, услуг в стоимостном объеме импорта и экспорта.

7. Экспертные рейтинговые оценки результатов инновационной деятельности, а также оценки факторов, сдерживающих инновационную активность организаций.

Следует отметить, что в представленных блоках отсутствуют показатели инновационной деятельности, привязанные к объектам основных фондов инновационных предприятий. При этом очевидно, что инновационная деятельность в различных секторах экономики напрямую связана с эффективностью использования

Таблица 1

Статистические показатели анализа основных фондов инновационных организаций

№	Наименование показателя	Методика расчета
1	Фондоотдача инновационных организаций	Отношение объема инновационных товаров, работ, услуг к полной учетной стоимости основных фондов организаций, осуществлявших технологические инновации
2	Фондоемкость инновационных организаций	Отношение полной учетной стоимости основных фондов организаций, осуществлявших технологические инновации, к объему инновационных товаров, работ, услуг
3	Фондовооруженность инновационных организаций	Отношение полной учетной стоимости основных фондов организаций, осуществлявших технологические инновации, к численности работников этих организаций

Таблица 2

Динамика показателей инновационных организаций в РФ по двум видам экономической деятельности

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.					
ДПИ	151581.1	516779.7	522890.9	523210.5	648533.0
ОП	990624.4	1309228.6	1973535.6	2518618.0	2362387.8
Наличие основных фондов по полной учетной стоимости на конец года, млн руб.					
ДПИ	9084573	10574297	12242237	14106953	15733599
ОП	7989040	8876602	9862265	11378966	13550258
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %					
ДПИ	6.6	6.8	7.0	6.4	6.5
ОП	11.3	11.6	12.0	11.9	12.2
Численность работников в организациях, осуществлявших технологические инновации, чел.					
ДПИ	н/д	3831	4524	4832	5793
ОП	н/д	75954	77616	84722	86490

основных фондов [10, 11]. Реализация практически любой технологической инновации коррелирует с основными фондами в двух аспектах. Во-первых, для того чтобы создать инновацию, нужен некий одиночный актив или их набор (оборудование, здания, сооружения, машины и т.п.), на базе которого будет проектироваться, производиться, выводиться на рынок и продаваться данная инновация. Другими словами, новая технология, благодаря которой возникнет новый продукт, невозможна без использования имеющихся активов. Во-вторых, произведенный в результате инноваций новый продукт выводится на рынок, покупается и учитывается на балансе предприятия как конкретный объект основных фондов. В этом смысле диффузия инноваций может приводить к увеличению балансовой и рыночной стоимости внеоборотных активов.

В табл. 1 представлены предлагаемые нами три дополнительных статистических показателя, характеризующих эффективность эксплуатации основных фондов инновационных организаций. Эти показатели могут рассчитываться для технологических инноваций в разрезе видов экономической деятельности.

В табл. 2 приведены исходные статистические данные, необходимые для расчета показателей из табл. 1, по двум видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых (ДПИ) и обрабатывающие производства (ОП). Данные брались нами из разделов сайта Росстата «Наука и инновации», «Основные фонды» и сборников НИУ ВШЭ «Индикаторы инновационной деятельности» за 2010–2016 гг. Результаты расчетов на примере двух показателей (фондоотдача и фондовооруженность инновационных организаций) показаны на рисунке. При проведении расчетов предполагалось, что стоимость основных фондов организаций, осуществлявших технологические инновации, пропорциональна удельному весу этих организаций в общем числе обследованных организаций.

Как это видно из рисунка, при относительно стабильном уровне фондовооруженность инновационных организаций в сфере добычи полезных ископаемых на порядок превышает аналогичный показатель организаций, работающих в сфере обработки. Это объясняется гораздо большей численностью работников, вовлеченных в инновационные процессы обрабатывающих предприятий. Обеспечение фондами трудовой деятельности этих работников в настоящее время явно недостаточно, что сказывается на показателе фондовооруженности. При этом реализация самой инновационной продукции в сфере обрабатывающих производств превышает реализацию в секторе добычи. Это является од-

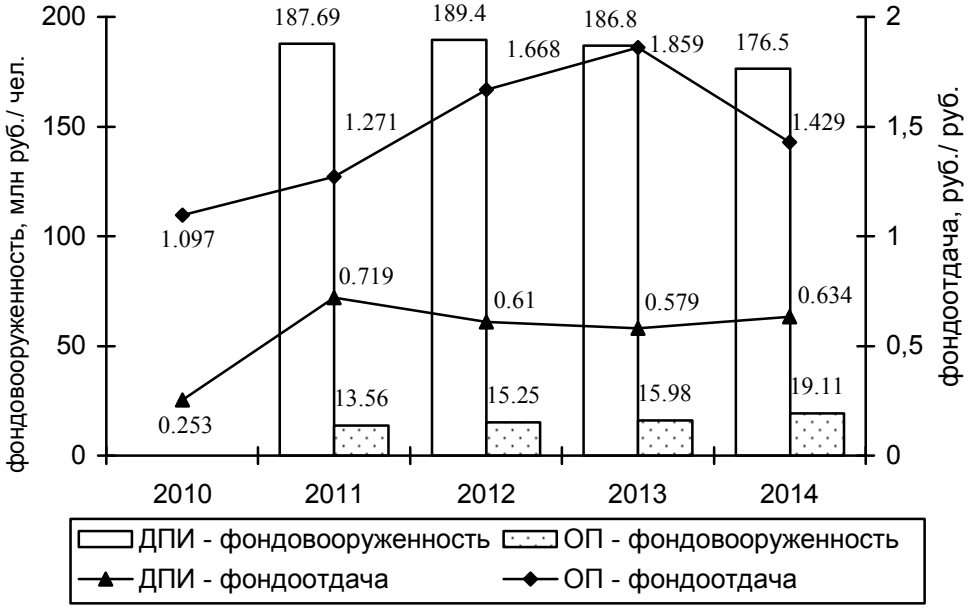


Рис. Фондоотдача и фондовооруженность инновационных организаций

ной из причин более эффективной эксплуатации фондов инновационных обрабатывающих предприятий, что находит свое отражение в показателе фондоотдачи.

Совершенствование статистической методики оценки объектов основных фондов как результата инновационной деятельности

В условиях значительной динамики рыночных цен на отдельные объекты основных фондов происходит формирование искаженного представления о реальной стоимости основных фондов, уже введенных в эксплуатацию. Поэтому адекватная статистическая оценка основных фондов является одной из наиболее сложных проблем. Для получения статистической оценки рыночной стоимости основных фондов необходимо иметь экспертные оценки, а также располагать статистическими данными об операциях купли-продажи основных фондов. Расчеты следует осуществлять по следующей формуле:

$$Ф_р = Ф_о \cdot К_ф \cdot К_р,$$

где $Ф_р$ и $Ф_о$ – рыночная и остаточная балансовая стоимость основных фондов; $К_ф$ – коэффициент фактической реализации – коэффициент, характеризующий соотношение между текущей рыночной стоимостью основных фондов при фактической реализации и остаточной балансовой стоимостью; $К_р$ – коэффициент текущей рыночной стоимости – коэффициент, характеризующий соотношение между текущей рыночной стоимостью основных фондов, установленной экспертным путем, и остаточной балансовой стоимостью.

Покажем последовательность расчета рыночной стоимости на примере данных о фондах, сгруппированных по видам экономической деятельности. Наличие основных фондов коммерческих организаций (по полной учетной стоимости $Ф$) на конец 2014 г. и стоимостная оценка их изношенности за этот год ($И$) представлены в табл. 3. Эти данные дополнены тремя коэффициентами, характеризующими состояние и динамику основных фондов, – коэффициентом обновления $К_{об}$, коэффициентом выбытия $К_{выб}$ и коэффициентом изношенности $К_{из}$.

Как известно, переоценка объекта основных фондов производится путем пересчета его первоначальной или восстановительной (текущей) стоимости (при условии, что данный объект переоценивался ранее) на начало отчетного года и суммы амортизации, начисленной за все время использования объекта. Этот пересчет осуществляется индексным методом или методом прямого пересчета по документально подтвержденным рыночным ценам на аналогичные объекты. В последнем случае допускается экспертное заключение о рыночной стоимости основных средств.

Таким образом, можно определить остаточную балансовую стоимость основных фондов коммерческих организаций $Ф_о$ путем вычитания из полной учетной стоимости на конец 2014 г. стоимостной оценки изношенности в 2014 г. Расчет коэффициента $К_ф$ связан с реализацией основных фондов, т.е. с их выбытием. В усло-

Таблица 3

Статистические показатели основных фондов коммерческих организаций РФ (без субъектов малого предпринимательства) в 2014 г.

Виды экономической деятельности	Показатели основных фондов, млн руб.		Коэффициенты, %		
	Ф	*И*	$К_{об}$	$К_{выб}$	$К_{из}$
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2005653	152028	4.0	1.8	37.0
Рыболовство, рыбоводство	73438	5341	3.9	3	43.3
Добыча полезных ископаемых	12753007	971910	5.8	0.8	53.0
Обрабатывающие производства	12784381	937975	6.9	1	44.7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9833150	520308	5.1	0.5	39.6
Строительство	1032694	101311	3.8	1.1	47.3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16988810	595978	7.5	0.6	62.3
Гостиницы и рестораны	260017	16078	3.5	0.5	29.2
Транспорт и связь	16758042	824517	4.0	0.4	42.7
Финансовая деятельность	2299512	256081	7.9	1.2	34.9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5988815	350553	2.6	1.1	42.5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	9462	521	5.0	1	28.8
Образование	3792	140	3.3	0.6	28.1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	173926	9867	3.8	1.1	35.6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	452245	46640	2.9	0.4	40.8
Итого	81416943	4789248	4.3	0.8	47.9

виях значительного роста цен на строительную продукцию выбытие основных фондов отражается в смешанных ценах разных лет на дату последней переоценки или ввода в эксплуатацию, поэтому соответствующие статистические данные будут несопоставимыми и недостаточно объективными. Другими словами, поскольку на данный момент времени достоверные статистические данные о стоимости выбытия основных фондов отсутствуют, а коэффициент выбытия не дает адекватного отражения данного экономического процесса, то расчеты коэффициента $К_ф$ будут приближенными.

Можно рекомендовать следующую формулу расчета коэффициента фактической реализации $К_ф$:

$$К_ф = 1 + \frac{К_{об}}{К_{из}}.$$

Используя эту формулу и данные табл. 3, можно рассчитать числовые значения коэффициента фактической реализации $К_ф$.

Следующий шаг – это определение коэффициента текущей рыночной стоимости $К_р$ как отношения полной стоимости фондов и их остаточной балансовой стоимости, с принятием за базу индекса динамики цен в строительстве. Так, по данным Росстата, в 2014 г. индекс цен на строительную продукцию инвестиционного назначения был равен 107.2%, индекс цен производителей на строительную продукцию – 104.6%, а индекс цен приобретения машин и оборудования инвестиционного назначения – 112.3% [12]. Соответственно средняя геометрическая величина индекса динамики цен в строительстве будет равна 108.1%.

При этом необходимо помнить, что расчет полной и остаточной восстановительной стоимости не означает получения текущей рыночной стоимости, поскольку в данном случае не учитываются ни реальный износ, ни возможность получения дохода в ходе предстоящей эксплуатации основных фондов. Кроме того, в отличие от восстановительной стоимости, оценка которой основана на применении затратного метода, оценка текущей рыночной стоимости осуществляется более сложным путем. Кроме затратного метода она предполагает возможность использования и других методов, в частности метода ожидаемых доходов и сравнения продаж. Все эти три подхода (сравнительный, затратный и доходный) дают схожий результат, поскольку при проектировании основных фондов заранее учитываются и соотносятся между собой предполагаемые затраты,

Таблица 4

Результаты расчетов по методике оценки рыночной стоимости основных фондов коммерческих организаций РФ (без субъектов малого предпринимательства) в 2014 г.

Виды экономической деятельности	Остаточная стоимость, млн руб.	Коэффициенты, %		Рыночная стоимость, млн руб.
	$Ф_о$	$К_ф$	$К_р$	$Ф_р$
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1853625	110.8108	116.9660	2402501
Рыболовство, рыбоводство	68097	109.0069	116.5785	86537
Добыча полезных ископаемых	11781097	110.9434	117.0180	15294662
Обрабатывающие производства	11846406	115.4362	116.6591	15953180
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9312842	112.8788	114.1395	11998600
Строительство	931383	108.0338	119.8586	1206027
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16392832	112.0385	112.0301	20575765
Гостиницы и рестораны	243939	111.9863	115.2249	314769
Транспорт и связь	15933525	109.3677	113.6939	19812447
Финансовая деятельность	2043431	122.6361	121.6470	3048454
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5638262	106.1176	114.8210	6869957
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	8941	117.3611	114.3991	12004
Образование	3652	111.7438	112.2440	4581
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	164059	110.6742	114.6015	208083
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	405605	107.1078	120.5303	523625
Итого	76627695	108.9770	114.8563	95912549

доходы и общий уровень цен на объекты, аналогичные создаваемым.

Таким образом, исходя из принятого предположения об усредненном результате применения различных методов оценки и имеющихся статистических данных, определим коэффициент текущей рыночной стоимости по следующей формуле:

$$K_р = \frac{Ф \cdot I_c}{Ф_о},$$

где I_c – индекс динамики цен в строительстве.

Таким образом, на основании предложенной выше модели можно получить статистические оценки всех имеющихся основных фондов в текущих рыночных ценах на конец 2014 г. Результаты расчетов представлены в табл. 4. Так, по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» получаем:

$$Ф_р = Ф_о \cdot К_ф \cdot К_р =$$
$$= 1853625 \cdot 1.108108 \cdot 1.16966 =$$
$$= 2402501 \text{ млн руб}.$$

Заключение

Применение представленной системы статистических показателей и методики статистической оценки рыночной стоимости основных фондов должно способствовать более детальному и адекватному освещению масштабов инноваций. Совершенствование методов статистики инновационной деятельности будет помогать выявлению основных закономерностей инновационного развития, моделированию и прогнозированию динамики инновационных факторов социально-экономического развития.

Список литературы

1. Лапина М.С., Сальникова Н.А., Астафурова О.А., Лопухов Н.В. Использование информационно-коммуникационных технологий для анализа, прогноза и управления демографической ситуацией и миграционными процессами в регионе (на примере Волгоградской области) // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2014. № 4 (28). С. 51–64.

2. Панишева Е.В. Педагогическая модель применения современных ИКТ в профессиональном образовании будущих инженеров // Образование и наука. 2015. № 9 (128). С. 107–119.

3. Какорина Е.П., Огрызко Е.В. Некоторые проблемы российской статистики в Российской Федерации // Менеджер здравоохранения. 2012. № 6. С. 40–46.

4. Сидорова М.И. Современные информационные технологии как инструмент автоматизации бухгалтер-

ского учета // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 28. С. 19–24.

5. Ольховский В.Б. Технологические инновации как нематериальные активы научно-технического прогресса // Вестник Саратовского социально-экономического университета. 2007. № 18. С. 62–64.

6. Акатьев В.А. От изобретений к технологическим инновациям // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 3–1. С. 80–82.

7. Кисельников А.А., Клементьева Н.П. О статистике наблюдений за инновациями и смежных вопросах // ЭКО. 2013. № 12 (474). С. 82–94.

8. Камалтдинова Р.М. Развитие статистики науки и инноваций // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2011. № 2 (54). С. 63–65.

9. Индикаторы инновационной деятельности: 2016: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 320 с.

10. Бойко А.А. Классификация видов инновационного воспроизводства основных фондов предприятий ракетно-космической промышленности // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2013. № 6. С. 78–83.

11. Гармаш Д.Е., Покровский Б.И., Костюкова О.И., Соломин А.И. Инновационный подход к развитию структуры и основных фондов рыбопромышленных предприятий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 38. С. 38–43.

12. Цены. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (дата обращения: 25.11.2016).

DIRECTIONS AND IMPROVEMENT OF STATISTICAL ESTIMATES OF INNOVATION

V.A. Matveev, A.O. Ovcharov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the current context, it is important to develop methods for statistical evaluation of innovation. In this article, we show the existing forms of statistical observation of innovation and reveal some problems related to inadequate statistical accounting of Russian innovations. A system of statistical indicators of innovation is presented, which includes seven groups of absolute and relative values. We propose a number of additional indicators that link the results of innovation with the use of fixed assets and labor costs, as well as a method for statistical evaluation of the market value of the entire aggregate of commercial organizations' fixed assets grouped by types of economic activities (agriculture, extraction of minerals, etc.). The method can be used as an analytical tool to study the effectiveness of production and innovation.

Keywords: innovation, reporting forms, system of indicators, fixed assets, market value appraisal.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИНЕЙНОЙ МОДЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В НЕЛИНЕЙНУЮ

© 2017 г.

Г.Е. Зборовский

Зборовский Гарольд Ефимович, д.филос.н., проф.; профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
garoldzborovsky@gmail.com

Статья поступила в редакцию 09.03.2017
Статья принята к публикации 27.07.2017

Рассматриваются проблемы методологии исследования процесса перехода от линейной к нелинейной модели высшего образования. Главная среди них – основные методологические и междисциплинарные подходы к изучению этого процесса. В качестве таковых – институциональный, системный, сетевой, общностный, ресурсный, пространственно-временной. Автор считает целесообразной их интеграцию. Предлагается общая трактовка линейной и нелинейной моделей высшего образования в России через определение их основных черт и признаков. Целью анализа является разработка такой методологии исследования трансформационных процессов в высшем образовании, которая была бы адекватна характеристикам его нелинейной модели, ее содержанию и особенностям. Каждый из названных выше подходов характеризуется под углом зрения его использования для выявления возможностей перехода современного российского высшего образования от его линейной к нелинейной траектории развития.

Ключевые слова: линейная и нелинейная модели высшего образования, методологические подходы к исследованию трансформации высшего образования, характеристики трансформации линейной в нелинейную модель высшего образования.

Актуальность и обоснование проблемы

Российское высшее образование в XXI в. находится в состоянии непрерывного реформирования. Начало этому процессу было положено переходом на позиции, выдвинутые в Болонской декларации. Однако добиться сколько-нибудь значимых успехов на этом пути за прошедшие годы так и не удалось. В России по-прежнему господствует линейная модель высшего образования. Ее основными характеристиками являются:

– жесткая, авторитарная система управления, не допускающая свободы и вариативности в деятельности вузов;

– превращение руководства вузов в самодостаточную структуру, сосредоточившую в одних руках всю полноту административной и академической власти;

– отсутствие органичных и тесных связей между системой высшего образования и внешней средой, в первую очередь экономикой, наукой, культурой;

– отсутствие академической мобильности студентов и преподавателей как реального массового феномена;

– ограничения в демократии и инакомыслии относительно выбора вариантов развития образовательных организаций;

– слабый уровень взаимодействия образовательных общностей в вузах, прежде всего научно-педагогического сообщества, студенчества и менеджеров (администрации);

– нивелирование роли регионов и макрорегионов в развитии высшего образования [1].

Предлагаемая нами нелинейная модель высшего образования отличается от господствующей сегодня линейной:

– широкой вовлеченностью в систему управления представителей научно-педагогического сообщества и студенчества;

– переходом к новому типу отношений между вузами и различными экономическими и социальными субъектами (стейкхолдерами), приобретающими статус их социальных партнеров;

– развитием различных видов академической мобильности преподавателей и студентов, особенно внутри страны;

– значительными возможностями влияния коллектива образовательных организаций на выбор вариантов их развития;

– активным взаимодействием между образовательными общностями, в том числе на основе выбора студентами в процессе их взаимодействия с преподавателями индивидуальных образовательных траекторий;

– органичным развитием высшего образования в регионах и созданием для этого необходимых условий управления вузами и в них самих на основе отказа от его авторитарных принципов [1].

Трансформация линейной модели высшего образования в нелинейную является очень сложным процессом, независимо от того, в каких общественных условиях, равно как и в условиях места и времени она происходит. Ее осмысление и изучение приобретает особое значение и требует специальной методологии исследования.

Объектом нашей работы стала трансформация линейной модели высшего образования в нелинейную в современной России. Предмет изучения составили методологические подходы к исследованию процесса трансформации. Целью анализа явилась разработка такой методологии исследования трансформационных процессов в высшем образовании, которая оказалась бы адекватной характеристикам его нелинейной модели, ее содержанию и особенностям.

Наше исследование было связано с теоретическим и эмпирическим обоснованием методологии изучения процесса трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную. В результате мы пришли к выводу о целесообразности интеграции общеметодологических и междисциплинарных подходов. Среди них были выделены как наиболее значимые институциональный, системный, сетевой, общностный, ресурсный, пространственно-временной подходы.

Анализ этих подходов и возможностей их применения для теоретического обоснования трансформации линейной в нелинейную модель был построен на таких характеристиках нелинейности высшего образования, как его возрастающая сложность, полиструктурность; парадоксальная динамика, многовекторность изменений; функциональная амбивалентность; гибкость и ситуативность реагирования на внешние и внутренние вызовы; чувствительность к влиянию слабых связей; открытость, высокая роль самоорганизации; веер альтернатив и сценариев развития при вероятностной реализации каждого из них.

Концептуально нелинейная модель, являясь по определению гибкой, флексибильной, динамичной, предполагает многообразные способы связи основных элементов высшего образования как системы и социального института, активное взаимодействие с внешней средой, иными социальными системами и институтами, инновационный и ресурсоемкий характер деятельности, позитивное отношение к рискам, наличие доверия как нормы отношений в системе высшего образования.

Теоретическое и методическое обоснование исследования

Теоретическая основа методологии исследования трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную может быть представлена различными концепциями, посвященными проблемам его реформирования и трактующими его в контексте демократизации управления этими процессами. Для нас особое значение имели теории, в которых рассматривались институциональные характеристики высшего образования. Именно институциональный подход представляется нам ведущим среди других методологических подходов, с помощью которых исследуется процесс трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную.

Институциональное разнообразие в высшем образовании является предметом активного обсуждения как в зарубежной, так и отечественной литературе [2, 3]. В ходе дискуссии вырабатывается общее отношение не только к его институциональному многообразию, но и к различиям внутри системы высшего образования как ее здоровому атрибуту, расширяющему возможности выбора для студентов. Здесь мы используем теорию зависимости от предыдущего развития, применяя ее к исследованию процессов трансформации высшего образования [4].

Еще одна теория зависимости – ресурсной – помогает понять переход к нелинейной модели высшего образования, поскольку в соответствии с этой теорией рассматривается не только зависимость организации и системы от окружающей среды, но и способность их самих влиять на нее [5]. Применительно к организациям высшего образования это означает важность изучения их возможностей тесно и плодотворно взаимодействовать с экономикой, наукой, социальной и культурной сферами. На это же ориентирует теория стейкхолдеров [6]. Сквозь призму этой теории образовательная организация рассматривается через интересы и требования субъектов, заинтересованных в ее деятельности. Названная теория может использоваться для анализа трансформации линейной системы высшего образования, ориентированной на одного стейкхолдера (государство), в нелинейную систему, сталкивающуюся с множеством стейкхолдеров (государство, наука, бизнес, семья, студенты).

В теориях сравнительного исследования национальных систем высшего образования отмечается неоднозначность термина «система высшего образования» и возможность его использования как в узком, так и в широком смысле. В узком – для обозначения совокупности формальных организаций, в широком – для включения в нее всех акторов, связанных с высшей школой [7–9]. Система высшего образования в последнее время начинает в корне изменяться практически во всех странах. Оценке подвергается ситуация неравенства и социальной стратификации в образовательных системах разных стран [10]. Сравнивается эффективность национальных систем образования по степени, в которой они помогают людям развивать возможности, необходимые для их успешной социальной интеграции (качество образования) и социального продвижения (образовательное равенство) [11].

Значительная часть научных работ посвящена внутрисистемным изменениям в сфере высшего образования, организации учебного процесса в контексте парадигмальных изменений [12], следствиям использования новых методик и их интеграции с традиционными формами обучения, повсеместному внедрению в учебный процесс новых технологий коммуникации, распространения онлайн-обучения [13].

Многие из названных выше проблем рассматриваются в работах российских исследователей. Особенно это касается проблем качества высшего образования [3], социального неравенства и дифференциации в этой сфере [14], сетевых университетских сообществ [15, 16].

Для разработки методологии исследования трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную понадобилось провести предварительное эмпирическое изучение проблемы. Были использованы преимущественно качественные методы, направленные на изучение мнений о путях развития высшего образования России и ее отдельных регионов. Исследование включало в себя применение комплекса методов: экспертного опроса, экспертного фокусирования, анализа документальных источников, вторичной информации, статистических данных, изучения сайтов ряда федеральных и национальных исследовательских университетов.

Особое значение имел экспертный опрос. В качестве экспертов выступали ректоры и проректоры университетов, директора институтов и деканы факультетов, заведующие кафедрами, известные ученые-педагоги, профессора университетов, представители стейкхолдеров. Среди экспертов были выделены две группы – стратегически мыслящих экспертов (они были названы «стратегами») и специалистов в решении конкретных задач высшего образования (они были названы «тактиками»). Общее количество экспертов, у которых было взято интервью, составило 80 человек.

В опросе использовались глубинные полуформализованные интервью. Использование указанного метода позволило получить ответы на несколько важных вопросов, объединенных в пять блоков: 1) об отношении к реформе высшего образования; 2) об управленческой политике в сфере высшего образования; 3) об инновационной деятельности университетов; 4) о том, насколько удовлетворяет научно-педагогическое сообщество и стейкхолдеров существующая линейная модель высшего образования, которая внедряется в ходе его реформы; 5) о том, нужна ли России и ее регионам новая, нелинейная модель высшего образования и что она собой может представлять. Опрос был проведен в мае – ноябре 2016 г.

Применение названных выше методов позволило получить ответы на три вопроса: 1) как оценивают позитивные и негативные стороны линейной и нелинейной моделей высшего образования в стране и в ее регионах представители экспертного, научно-педагогического сообществ и стейкхолдеров; 2) что может собой представлять нелинейная модель высшего образования в ее оптимальной структуре; 3) как могут выглядеть наиболее значимые и привлекательные особенности нелинейной модели высшего образования.

Общеметодологические подходы к исследованию трансформации

Успешный транзит от старой (линейной) к новой (нелинейной) модели требует в первую очередь его теоретического осмысления с помощью методологии исследования этого процесса. Проблема трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную настолько сложна, что для своего исследования на теоретико-эмпирическом уровне требует особой методологии. Эта методология включает в себя и ряд теоретических подходов, и методическую составляющую. В качестве общеметодологических выступают институциональный, системный, сетевой, общностный, ресурсный, пространственно-временной подходы. Институциональный подход в разработке этой проблемы представляется нам ведущим. При этом наиболее эффективным методологическим принципом является его сочетание с названными выше подходами.

Институциональный подход позволяет проводить теоретический анализ высшего образования как элемента системы общественных отношений, взаимодействующего с другими ее элементами; обратить внимание на выявление его связей с другими подсистемами образования, а также с властью, производством, наукой, культурой и иными социальными институтами, системами и подсистемами, их функциональными взаимодействиями. Институциональный подход к высшему образованию нацеливает на изучение его как определенной устойчивой и динамичной формы организации общественной жизни в сфере обучения и профессиональной подготовки (см. подробнее [17, с. 274–278]).

Особенности институционального подхода к нелинейным формам развития высшего образования становятся хорошо понятными при сочетании его с другими подходами. Лучше всего это сделать, сопоставляя институциональный и системный подходы, поскольку последний чаще других реализуется в ходе аналитической, исследовательской, управленческой и реформаторской деятельности в сфере высшего образования.

Системный подход позволяет исследовать высшее образование, с одной стороны, как автономное структурно-целостное единство, с другой – как элемент более широкой социальной системы образования. В рамках этого подхода исследовательский интерес фокусируется на организационных структурах и содержательных элементах высшего образования, их функциональности и эффективности в системе российского образования в целом, что позволяет поставить вопрос о конструировании организационных форм нелинейной модели высшего образования.

Анализ устойчивых и динамичных форм взаимодействий системы и института высшего образования дает возможность выявлять организационный потенциал его нелинейного развития в виде новых элементов его структуры, с иным функционалом и типами связей. Выявленный потенциал выступает как интеллектуальный ресурс для социального проектирования нелинейной модели высшего образования.

При этом высшее образование не только полиструктурно и многослойно, но и имеет сетевой тип организации. Сетевое взаимодействие между вузами обеспечивает инновационное развитие образовательных организаций за счет умножения их ресурсов путем эффективных обменов с партнерами. Сети лежат в основе организации всестороннего партнерства высшего образования и стейкхолдеров. Сети, создающиеся на инициативной, добровольной основе между институциями высшей школы, академической науки, культуры, обеспечивают синергетический эффект развития как их самих, так и всей социокультурной сферы. Будучи результатом проектного замысла, они предполагают достижение в конечном итоге активности и заинтересованности всех участников сетевого взаимодействия.

Все это, закладывая основы для эффективного развития нелинейных инновационных процессов межинституционального взаимодействия, требует особого внимания при разработке институциональных механизмов, схем взаимодействия, развития культуры участия (партисипативной культуры), культуры договора, культуры обмена, да и просто управленческой культуры, которая была бы ориентирована на нелинейные способы и средства реализации управленческого действия в условиях функционирования сети. Это является тем более актуальным, поскольку эффект сети в сфере высшего образования амбивалентен.

Простым примером может служить использование сетей для групповых и индивидуальных целей благополучия. Так, сети публикационной деятельности преподавателей, студентов, научных работников, опирающиеся на интернет-ресурсы, с одной стороны, помогают в реализации учебной и научной деятельности, с другой – могут служить средством искусственного завышения рейтингов публикационной активности и прочих побочных эффектов. Сетевое взаимодействие внутри и между общностями преподавателей и студентов, сетевые формы организации учебного процесса имеют в свою очередь как прямые позитивные, так и побочные негативные проявления. Причем они часто трудно различимы. Люди готовы приспосабливаться к неработающим, непродуктивным, официально спущенным сверху нормам, обходя их путем формирования неформальных, конвенционально организованных систем сетевой саморегуляции. Отдельные типы сетевых отношений могут иметь асоциальный, коррупционный характер. Именно поэтому позитивный эффект нелинейности сетевых связей в сфере высшего образования возникает при реализации грамотной управленческой политики.

Определенную «обезличенность» системного и сетевого подходов целесообразно дополнить еще одним методологическим средством – общностным подходом. Это позволяет в тех же границах институционального анализа рассматривать высшее образование сквозь призму взаимодействия социальных общностей. При этом речь идет не просто о взаимодействии, а о его организации таким образом, что оно будет оптимально способствовать достижению целей и выполнению задач обучения, развития личности, ее профессиональной подготовки, а более

широко – выстраиванию линейных и нелинейных стратегий развития и взаимодействия общностей как всех подсистем образования, так и внеобразовательных институций.

Для разработки методологии анализа высшего образования сквозь призму общностного подхода принципиально понимание сущностной близости социальной общности и культуры, поскольку образовательную общность целесообразно рассматривать не только как взаимосвязь (совокупность) людей с соответствующими характеристиками и признаками, но и взаимосвязь ценностей, норм, верований, обычаев, традиций, языка и т.д., на которых «держится» эта общность и которые скрепляют отношения между ее членами.

Особо затронем вопрос о методологической близости двух подходов – институционального и общностного. Дело в том, что интересы социальных общностей в сфере высшего образования (и тем более в их взаимодействии со стейкхолдерами) далеко не всегда и не во всем совпадают. В процессе их взаимодействия могут возникать противоречия. Оба подхода к сфере образования – общностный и институциональный – позволяют исследовать не только ее организацию, но и формы совместной деятельности различных групп и образовательных общностей. Эти подходы дают возможность определить эти противоречия и способы их разрешения как в самом высшем образовании, так и за пределами этого института, при его взаимодействии с другими социальными институтами.

Еще один важный аспект близости институционального и общностного подходов состоит в том, что оба они позволяют обратить внимание на объективные аспекты функционирования высшей школы и субъективные ее оценки. Они также дают возможность зафиксировать противоречия между звеньями и уровнями системы образования путем исследования отношения к ним различных групп населения.

Это означает, что мы можем оценить индивидуально-личностные стратегии движения социальных групп по разным траекториям перемещения с одного образовательного уровня на другой, охарактеризовать возможности конструирования как линейных, так и нелинейных способов достижения образовательного результата.

Общностный подход имеет прямую связь с сетевым, поскольку виртуальные общности в высшем образовании являются объектом изучения в нем нелинейных процессов. Это касается исследования и специфики открытого образования, и всего спектра внутри- и межгруппового виртуального взаимодействия преподавателей, студентов, административного персонала вузов.

В целом общностный подход предполагает анализ разных уровней, видов и типов взаимодействия социальных общностей, определенным образом организованных для достижения инновационных целей и задач высшего образования. Он также направлен на изучение нелинейных стратегий поведения образовательных общностей в условиях дифференциации и усложнения социальной жизни, обретения ими многоуровневых параметров и нелинейных характеристик.

Любая образовательная общность осуществляет свою деятельность во взаимосвязанном социальном времени и пространстве, в определенном хронотопе, в своеобразном социокультурном ареале. Поэтому жизнедеятельность образовательных общностей может быть рассмотрена с позиций конкретных пространственно-временных параметров. К ним могут быть отнесены продолжительность, длительность, последовательность, чередование, темпоритмы, расположенность, дистанция, пространственно-временное зонирование и другие. Деятельность этих общностей структурирована по временным и пространственным параметрам и зонам. Эти параметры и зоны выступают как своеобразный социальный «клей», связывающий людей, как маркер, подчеркивающий границы и специфику образовательных общностей.

Пространственно-временной подход к этим общностям сочетается с ресурсным подходом, благодаря которому выделяется главный их ресурс – образовательный и интеллектуальный капитал. Мы ставим вопрос именно об общностном капитале, не равном сумме индивидуальных человеческих капиталов составляющих ее членов. Будучи основным ресурсом образовательных общностей, их капитал проявляет себя в отношениях конкретных образовательных общностей с другими социальными субъектами, что позволяет подчеркивать специфику этих общностей.

Одним из основных ресурсов образовательных общностей, а стало быть, и системы высшего образования (поскольку эти общности есть ядро рассматриваемой системы), является ресурс времени, или темпоральный ресурс. Исходя из концепции капитала П. Бурдье [18], будем рассматривать время как особый вид капитала, в котором представлен физический капитал (возраст, биографическое время), экономический капитал («время-деньги», время как товар), социальный капитал (время как характеристика социального взаимодействия), культурный капитал (культура использования времени) и другие виды капитала. Таким образом, ресурсный подход к времени позволяет трактовать его как некую интегральную форму капитала образовательной общности.

Заключение

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о значительных перспективах применения указанных выше методологических подходов для анализа перехода от линейной к нелинейной модели высшего образования. Методологический потенциал описанных общенаучных подходов позволяет концептуализировать феномен нелинейности системы высшего образования, показать его связь с нелинейными стратегиями социальных общностей, включенных прямо или косвенно в образовательную сферу.

Демаркационная линия между рассмотренными подходами условна, именно поэтому возникает возможность реализации уникальной исследовательской стратегии, интегрирующей их широту и глубину с возможностями использования прогностических и проектных моделей социально-экономического и управленческого уровня. Предполагаемые для проведения исследования методологические междисциплинарные и предметные подходы требуют соответствующих им методов. Они позволяют выявить и проанализировать проблемы институционального обеспечения процессов трансформации высшего образования, разработать стратегии формирования нелинейного образовательного пространства региона и макрорегиона и критерии экономической, социальной, культурной эффективности интеграции трансформируемой системы в общероссийское и мировое образовательное пространство.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10046) «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

Список литературы

1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Каташинских В.С. и др. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности: Монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.

2. Huisman J., Meek L. & Wood F. Institutional diversity in higher education: A cross-national and longitudinal analysis // Higher Education Quarterly. 2007. Vol. 61. Iss. 4. P. 563–577.

3. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.

4. David P.A. Path dependence, its critics and the quest for «historical economics». Market failure or success. All Souls College, Oxford and Stanford University, 2002. 324 p.

5. Pfeffer J. & Salancik G. The external control of organizations: A resource dependence perspective. Stanford University Press, 2003. 336 p.

6. Freeman R.E., Moutchnik A. Stakeholder management and CSR: questions and answers // Umwelt Wirtschafts Forum. Springer Verlag, 2013. Vol. 21. № 1. P. 5–9.

7. Robertson S., Dale R. Critical cultural political economy of the globalization of education // Globalization, Societies and Education. 2015. № 13. P. 149–170.

8. Steiner-Khamsi G. The politics and economics of comparison. CIES 2012 Presidential Address // Comparative Education Review. 2010. № 54. P. 323–342.

9. Sidhu R.K., Christie P. Transnational higher education as a gybrid global/local space: A case study of a Malaysian-Australian joint venture // Journal of Sociology. 2015. № 51 (2). P. 299–316.

10. Buchmann C., Park H. Stratification and the formation of expectations in highly diferentiated educational systems // Research in Social Stratification and Mobility. 2009. № 27(4). P. 245–267.

11. Pfeffer F.T., Hertel F.R. How has educational expansion shaped social mobility trends in the United States? // Social Forces. 2015. № 94(1). P. 143–180.

12.Tejada Fernandez J., Ruiz Bueno. C. Evaluation of professional competences in higher education: challenges and implications // Educación XXI. 2016. **19.1.** P. 17–38.

13. Gamiz Sanchez V.,Gallego Arrufat M.J. Model for analyzing blended learning in higher education // Educación XXI. 2016. **19.1.** P. 39–61.

14. Константиновский Д.Л. Феномен неравенства в российском образовании // Социология образования. 2011. № 9. С. 22–44.

15. Ромм М.В., Заякина Р.А. Сетевые сообщества с участием вуза: сложившиеся практики социального взаимодействия // Высшее образование в России. 2016. № 11. С. 28–37.

16. Сухристина А.С., Зиятдинова Ю.Н., Кочнев А.М. Сетевое взаимодействие вузов как форма интернационализации: опыт КНИТУ // Высшее образование в России. 2016. № 11. С. 103–110.

17. Зборовский Г.Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. 484 с.

18. Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE TRANSFORMATION OF THE HIGHER EDUCATION LINEAR MODEL INTO A NONLINEAR MODEL

G.E. Zborovsky

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article deals with some problems of the methodological study of the transition from a linear to a nonlinear model of higher education. The main problem concerns the basic methodological and interdisciplinary approaches to the study of this process. They include the institutional, systems, network, community, resource, spatio-temporal approaches. The author

deems it expedient to integrate them. The article offers a general interpretation of linear and nonlinear models of higher education in Russia through the determination of their main features and characteristics. The aim of the analysis is to develop a methodology for the study of transformation processes in higher education, which would be adequate to the characteristics of its nonlinear model, its content and features. Therefore, each of the above approaches is characterized from the point of view of its use to identify opportunities for transition of modern Russian higher education from its linear path of development to a nonlinear one.

Keywords: linear and nonlinear models of higher education, methodological approaches to the study of the transformation of higher education, characteristics of transformation of the linear model of higher education into the nonlinear one.

УДК 316.4

ЗАЩИЩЕННОСТЬ РОССИЯН ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2017 г.

Т.Н. Юдина, Е.В. Фролова, Н.В. Медведева, О.В. Родимушкина, Л.В. Сеничева

Юдина Татьяна Николаевна, д.соц.н.; заведующая кафедрой социологии Российского государственного социального университета, Москва
ioudinatn@mail.ru
Фролова Елена Викторовна, д.соц.н.; профессор кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета, Москва
efrolova06@mail.ru
Медведева Наталия Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета, Москва
natali.ruza@mail.ru
Родимушкина Ольга Владимировна, к.ю.н.; ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, Москва
O-ovr@yandex.ru
Сеничева Людмила Викторовна, старший преподаватель кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета, Москва
lusikseny@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.05.2017
Статья принята к публикации 27.07.2017

Представлен анализ оценок уровня защищенности граждан от противоправных действий. На основе результатов исследований (2015 г.) анализируются факторы, определяющие уровень защищенности личности от противоправных действий; изучена специфика восприятия угроз криминогенного характера различными социальными группами. Особое внимание уделено анализу региональных аспектов данной проблемы. Методом исследования является количественный опрос населения во всех субъектах Российской Федерации (85 регионов), включая Республику Крым и Севастополь. Общий размер выборки составил 48 800 респондентов. Результаты исследования показали, что большинство россиян позитивно оценивают изменения уровня безопасности, произошедшие в их регионе за последние годы. Более половины опрошенных (54%) считают, что в последние год-два жить стало безопаснее. Оценки уровня защищенности граждан от преступных посягательств определяются такими факторами, как уровень доходов, возраст, пол, род профессиональной деятельности, место проживания.

Ключевые слова: безопасность, защищенность, противоправные действия, виктимность населения, уровень жизни, региональная дифференциация.

Развитие современного российского общества осложняется рядом социально-экономических и политических проблем. Экономический кризис, высокий уровень региональной дифференциации и неравенства доходов населения, распространение бедности, алкоголизма и наркомании, неконтролируемый приток мигрантов инициируют усиление криминальной напряженности в российском обществе [1]. На фоне катастрофического снижения жизненного уровня основной массы населения, его слабой адаптации к рынку происходит серьезная поляризация доходов, усиливающая виктимность [2]. Другими факторами, препятствующими обеспечению безопасности личности, являются тенденции, характерные не только для России, но и для других стран: национализм, религиозный экстремизм, террористические атаки, расовая нетерпимость, аддиктивное поведение [3].

В 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 2352.1 тыс. преступлений, что на 8.6% больше, чем за аналогичный период 2014 г. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 75 субъектах Российской Федерации, снижение – в 8 субъектах. В результате преступных посягательств погибло 32.9 тыс. человек, здоровью 48.8 тыс. человек причинен тяжкий вред. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 436.49 млрд руб., что на 24.9% больше аналогичного показателя предыдущего года [4]. По мнению экспертов, «качественные параметры насильственной преступности: общий рост ее интенсивности и тяжести последствий, возрастание ее отдельных видов темпами, заметно опережающими рост ненасильственных преступлений, – все это приобрело характер серьезной

угрозы безопасности общества. Последствия преступных посягательств ежегодно ощущают на себе миллионы людей» [5, с. 44].

Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [6]. Выделяются следующие компоненты безопасности: психологическая, духовно-нравственная безопасность, гражданско-правовая, информационная безопасность, экологическая, физическая безопасность. Отсутствие должного уровня защищенности личности от преступных посягательств ведет к всесторонней деградации человека и общества, способствует утрате его инициативы и творчества, которые, как известно, являются основными движущими силами прогресса [7].

Защищенность граждан представляет собой комплексную систему государственных гарантий, механизмов, направлений деятельности правоохранительных органов, эффективно обеспечивающих защиту социальных прав и свобод граждан, их безопасность от противоправных действий. Защищенность граждан является одним из ключевых показателей качества жизни. «В современных условиях деятельность органов внутренних дел оценивается в первую очередь с позиций общественного мнения, защищенности граждан и степени удовлетворенности граждан работой сотрудников органов внутренних дел» [8]. Оценки уровня защищенности носят субъективный характер, зависят от самочувствия, уверенности, активности людей. Детерминантами субъективного восприятия собственной безопасности выступают ситуационные аспекты, социально-экономические и политические факторы. В частности, актуализация тех или иных угроз существенно трансформирует оценки собственной защищенности. «Опасности рассматриваются как наличие и действие различных факторов, являющихся дисфункциональными, дестабилизирующими по отношению к человеку. Опасности носят потенциальный характер, и их актуализация происходит при определенных условиях» [9]. «В начале XXI века терроризм стал одним из самых страшных явлений, возникающих в результате преднамеренных действий человека или группы людей, направленных на причинение вреда, нанесение ущерба здоровью и физическое уничтожение других людей» [10]. Так, взрыв в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г. существенно изменил параметры восприятия собственной безопасности. Трагедия вызвала широчайший резонанс в российском обществе – о взрыве, повлекшем гибель людей, слышали 98% россиян. По оценке 60% респондентов, угрозы миру со стороны международного терроризма за последние годы усилились. По мнению генерального директора Фонда ВЦИОМ Константина Абрамова, «беспрецедентный уровень информированности россиян о теракте в Санкт-Петербурге говорит о высоком градусе в обществе восприятия угрозы базовым ценностям, среди которых на первом месте стоит безопасность жизни. Это происходит на фоне повышения уровня террористической угрозы во всем мире» [11]. «Криминальный акт, совершенный по идеологическим соображениям, вызывает совершенно иной резонанс в обществе и несет иную степень угрозы государственности, чем те же действия без идеологической подоплеки. В любой стране преступления против личности совершаются ежедневно, однако, за исключением критически высоких уровней преступности, они не угрожают государственной безопасности. Главная цель террористической деятельности состоит как раз в нарушении общественного спокойствия» [10].

Обеспечение защищенности граждан от противоправных действий относится к числу приоритетных задач государства на современном этапе развития российского общества. Только решение данной задачи может обеспечить достойную жизнь, благополучие каждой личности, ее свободное развитие. Научная и практическая значимость данной проблемы актуализирует необходимость исследований субъективных оценок уровня защищенности граждан от преступных посягательств; факторов, определяющих состояние безопасности личности; региональной специфики восприятия угроз криминогенного характера.

Методы

На протяжении длительного времени (с 2009 г.) по заказу МВД России ежегодно различными научно-исследовательскими учреждениями (ФОМ, ВЦИОМ, РГСУ) проводятся социологические исследования с целью изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел по всем субъектам Российской Федерации. Инструментарий количественного опроса населения в субъектах Российской Федерации разрабатывался с учетом рекомендаций ФГКУ «ВНИИ МВД России». В ходе исследований проводятся количественные опросы населения в каждом субъекте Российской Федерации. В 2014 и 2015 г. исследование проводилось в 85 регионах, включая Республику Крым и Севастополь. Опрашивалось население в возрасте от 18 лет и старше. Общий размер выборки составил 48 800 респондентов.

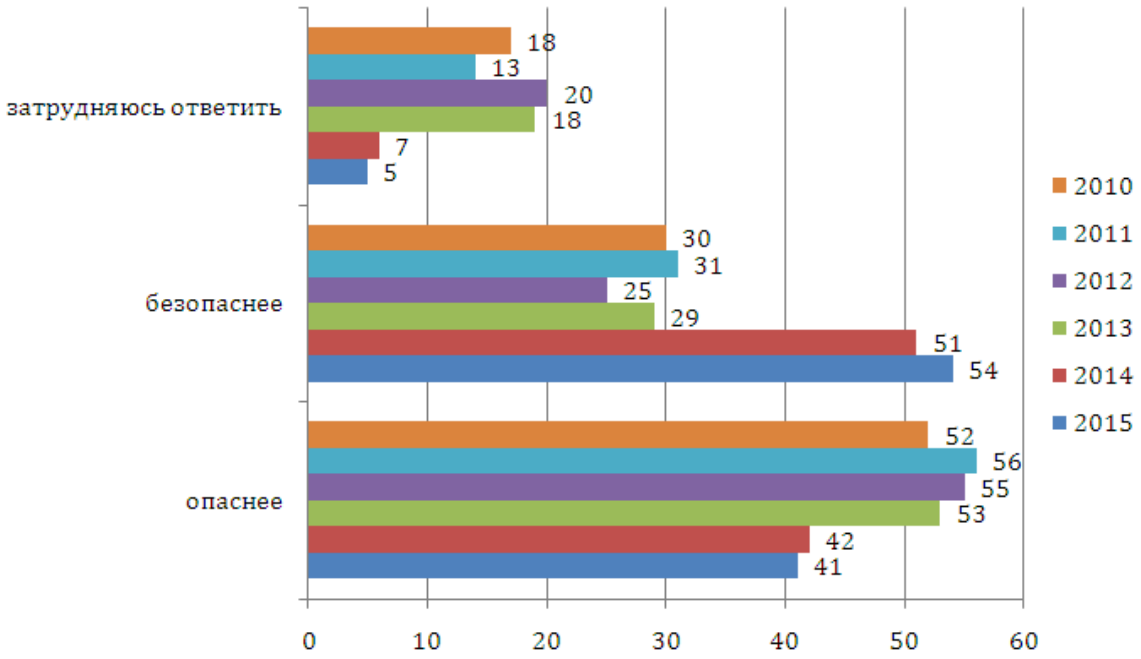


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, жить в Вашем регионе в последние год-два стало опаснее или безопаснее?» за период 2010–2015 гг. (в % от всех опрошенных)

Отбор домохозяйств в населенных пунктах проводится случайным маршрутным методом. Для интервью в домохозяйстве отбирается один респондент. Отбор респондентов проводится в соответствии с заданными квотами. Применяется связная квота по полу и возрасту и отдельная квота по уровню образования. Квота по возрасту включает в себя пять позиций: 18–24 года; 25–34 года; 35–44 года; 45–59 лет; 60 лет и старше. Квота по образованию содержит четыре градации: а) высшее или незаконченное высшее образование, б) среднее специальное образование, в) среднее общее образование, г) ниже среднего образования.

Был применен метод индивидуального стандартизированного интервью с респондентами по опросным листам, согласованным с заказчиком.

Опрос проводился в период достаточной стабильности, что и отразили результаты социологического исследования. Ослабление актуальности доминантных страхов инициировало достаточно высокие оценки уровня защищенности граждан.

К сожалению, в 2017 г. опрос не проводился, что не позволяет дать объективную оценку произошедших изменений в вопросах восприятия защищенности личности в связи с изменившимися социально-экономическими и политическими условиями, обострившимися террористическими угрозами.

Результаты исследования

1. *Оценка уровня безопасности граждан*

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что россияне в большинстве своем позитивно оценивают изменения уровня безопасности, произошедшие в их регионе за последние годы. Более половины опрошенных (54%) считают, что в последние год-два жить стало безопаснее, а 41% придерживаются противоположного мнения. Не смогли оценить произошедшие изменения 5% респондентов.

Результаты опроса позволили выявить ряд позитивных тенденций. Так, начиная с 2011 г. заметно снижается доля тех, кто отмечает возрастающую опасность жизни в стране. К моменту последнего замера она составляла 41%, что на 11 п.п. ниже, чем в 2010 г. Кроме того, увеличилась доля тех, кто считает, что жизнь в России в последние год-два становится безопаснее (см. рис. 1).

Представления о направленности изменений уровня безопасности в стране определяются полом, возрастом, уровнем образования респондентов, а также местом их жительства. Представители старших возрастных групп в большей степени отмечают возрастающую опасность условий жизни в своем регионе [12]. Почти половина респондентов старше 61 года (44%) чувствуют, что в течение последних лет стали подвергаться большей опасности. В то же время в возрастной группе от 18 до 24 лет только 38% отмечают усиление криминологических угроз. У возрастной группы старше 70 лет показатели оценки произошедших изменений в сфере безопасности приближены к средним значениям (41%). Для женщин характерен более высокий уровень тревожности, и, соответственно, они чаще дают пессимистичную оценку про-

Таблица 1

Чувство защищенности. Распределение по возрасту (в % от групп)

	Возраст, лет				
	18–24	25–34	35–44	45–59	старше 60
Вы в целом чувствуете себя скорее защищенным(-ной) или незащищенным(-ной) от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество и т.д.?					
Защищенным(-ной)	23	18	17	17	17
Скорее защищенным(-ной), чем незащищенным(-ной)	40	41	39	38	37
Скорее незащищенным(-ной), чем защищенным(-ной)	26	31	31	32	31
Незащищенным(-ной)	8	8	10	10	12
Затрудняюсь ответить	3	2	3	3	3

изошедшим изменениям (43% считают, что жить стало опаснее), среди мужчин этот показатель несколько ниже – 39%. Наблюдается существенная дифференциация ответов и по уровню образования опрошенных. Чем более образован человек, тем безопаснее ему кажется жизнь в России. Среди респондентов с высшим образованием доля позитивно оценивающих тенденции в сфере безопасности несколько выше, чем среди тех, кто имеет уровень образования ниже среднего (54 и 48% соответственно). Столичные жители чаще других выбирают вариант ответа «жить стало опаснее» (43% по сравнению с 40% в других городах и 39% в сельских поселениях).

Ощущение защищенности от преступных посягательств – важный показатель социального самочувствия общества. В целом, результаты исследования свидетельствуют о том, что в обществе снижается уровень настроений «абсолютной незащищенности». Граждан, ощущающих себя абсолютно незащищенными, в три раза меньше, чем тех, кто просто чувствует себя «скорее незащищенным, чем защищенным» (10% и 30% соответственно). Одновременно результаты опросов показывают рост доли граждан, чувствующих свою защищенность от преступных посягательств на их жизнь, здоровье и имущество, – с 34% в 2009 г. до 57% в 2015 г.

Значительное влияние на формирование чувства защищенности от преступных посягательств, как и на оценки изменений в уровне безопасности оказывает возраст респондентов. Представители более молодой возрастной группы (от 18 до 24 лет) чувствуют себя более уверенно по сравнению с людьми среднего и старшего возраста. Чем старше участник опроса, тем менее защищенным он себя чувствует (табл. 1).

Еще одним фактором, влияющим на оценку уровня защищенности личности от криминальных угроз, является материальное положение респондента. Россияне с более высоким уровнем доходов дают более оптимистичные характеристики состоянию своей защищенности (61%). Чувство защищенности определяется также родом деятельности и местом проживания респондентов. Наибольшую обеспокоенность по данному поводу ощущают неработающие пенсионеры (45% чувствуют себя незащищенными). Наиболее оптимистично оценивают уровень своей защищенности респонденты, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью (58% чувствуют себя защищенными), и руководители подразделений (59%). Респонденты из сельских поселений (село/поселок/деревня) чувствуют себя более защищенными, чем жители столицы (59 и 54% соответственно).

Результаты исследования показали, что среди тех, кто подвергался преступным посягательствам, доля респондентов, чувствующих себя незащищенными (40%), выше средних значений на 10%. Примечательно, что и уровень доверия к полиции выше у тех, кто не подвергался преступным посягательствам (69%), чем у тех, кто имеет такой печальный опыт (61%). Среди респондентов, доверяющих полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности, доля тех, кто чувствует себя защищенным (74%), превышает среднее значение на 6%.

Помимо вопроса о том, как россияне оценивают, опаснее или безопаснее стало жить в их городе или районе в целом, респондентам предложено было отметить, как изменилось их личное чувство безопасности за последние годы. Ответы на данный вопрос иллюстрируют некоторые позитивные тенденции. Только 19% опрошенных стали чувствовать себя менее защищенными за последние годы, 47% считают, что в их ощущениях ничего не изменилось, 29% в той или иной мере позитивно оценивают произошедшие изменения.

2. *Региональная специфика восприятия криминогенных угроз*

На уровне федеральных округов самые благополучные оценки уровня личной защищенности

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Вы в целом чувствуете себя защищенным(-ной) или незащищенным(-ной) от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество?» (в % от общего числа опрошенных в федеральном округе)

	Федеральный округ								
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Крымский
Защищенным(-ной)	17	15	21	27	17	15	16	20	19
Скорее защищенным(-ной), чем незащищенным(-ной)	37	35	39	39	42	38	38	37	63
Скорее незащищенным(-ной), чем защищенным(-ной)	33	35	27	20	31	31	33	27	11
Незащищенным(-ной)	10	11	7	12	7	12	12	14	3
Затрудняюсь ответить	2	4	5	3	3	3	3	2	4

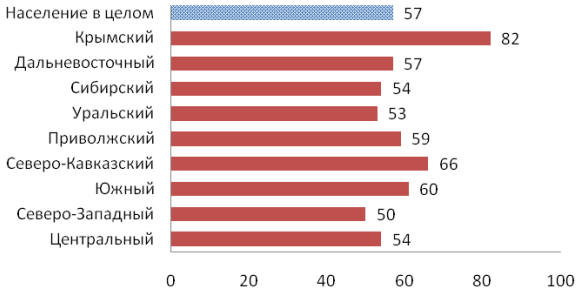


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Вы в целом чувствуете себя защищенным(-ной) или незащищенным(-ной) от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество?». Позиция «Защищенным(-ной)» (в % от общего числа опрошенных в федеральных округах), 2015 г.

характерны для Крымского и Северо-Кавказского федеральных округов (см. таблицу 2).

Для Крымского федерального округа характерна особая ситуация по субъективным оценкам уровня безопасности граждан. Средние значения по округу являются достаточно выраженными и иллюстрируют наиболее высокие показатели уровня защищенности личности от преступных посягательств, а также самые оптимистичные оценки происходящих изменений в сфере безопасности. В Крымском ФО подавляющее большинство респондентов (82%) чувствуют себя защищенными от преступных посягательств, что на 25 п.п. выше, чем среднероссийская статистика (см. рис. 2).

Аналогичная ситуация прослеживается и в ответах на вопрос «По Вашему мнению, жить в Вашем регионе в последние год-два стало опаснее или безопаснее?»: именно жители Крыма наиболее оптимистично оценивают произошедшие изменения (84% считает, что жить стало безопаснее, в то время как в среднем по России – только 54%). Отметим, что данные оценки являются, видимо, отражением общего позитивного отношения жителей Крыма к произошедшим социально-политическим изменениям, иллюстрируя общее улучшение социального самочувствия.

Благоприятная ситуация по субъективным оценкам уровня защищенности складывается и в Северо-Кавказском ФО, три из семи регионов которого занимают первые позиции в списке наиболее благополучных по анализируемому вопросу: Чеченская Республика (93% чувствуют себя защищенными), Республика Северная Осетия – Алания (81%), Карачаево-Черкесская Республика (77%). Полученные результаты опроса подтверждаются статистическими данными. Так, в 2014 г. к регионам с низким числом зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения относились Чеченская Республика (258 преступлений), Республика Ингушетия (354), Карачаево-Черкесская Республика (729), Республика Северная Осетия – Алания (848). Данные показатели значительно ниже общероссийской статистики: в 2014 г. в РФ было зарегистрировано 1499 преступлений на 100 тыс. человек населения [13]. Статистические и

эмпирические данные, характеризующие криминальную ситуацию в регионах Северо-Кавказского федерального округа, обусловлены рядом специфических факторов. В первую очередь, это «этнопсихологические особенности, детерминирующие высокую латентность составляющей преступности. Местные жители предпочитают решать возникающие проблемы уголовно-правового характера самостоятельно без участия правоохранительных органов. Более того, на фоне общей нестабильности многим общеуголовным преступлениям придается гораздо меньшее значение, в том числе и со стороны потерпевших» [14].

По сравнению с Крымским и Северо-Кавказским федеральными округами ситуация в остальных федеральных округах менее благоприятная. Самые низкие показатели уровня личной защищенности зафиксированы в Сахалинской области. Там самая высокая доля ответов «чувствую себя незащищенным» – 56%.

В группу регионов с самыми низкими показателями уровня личной защищенности от преступных посягательств, помимо Сахалинской области, вошли Брянская область (55%), Челябинская область (55%), Кемеровская область (55%), Саратовская область (54%), Пермский край (54%).

Рассмотрим различия в степени распространенности конкретных криминогенных страхов и тревог. Из такого рода опасений респондентами чаще других упоминается страх, что «убьют или покалечат близких родственников» (20%), а среди жителей Крымского и Сибирского федеральных округов этот показатель значительно выше – 35% и 27% соответственно.

Заметим, что в регионах Крымского федерального округа доли граждан, испытывающих страх за близких родственников, существенно разнятся. В Севастополе – 4%, что ниже средних значений, а в Республике Крым – 40%, что в 2 раза превышает средние значения. Кроме того, в Крымском ФО наиболее высока доля тех, кто опасается посягательств на свою жизнь и здоровье (25%, что выше средних значений на 10 п.п.). Таким образом, распространенность криминогенных страхов в Крымском федеральном округе превышает средние значения по ряду показателей. Здесь наиболее высоки доли граждан, опасающихся за свою жизнь и здоровье, за жизнь и здоровье близких родственников.

Рассмотрим статистические данные, иллюстрирующие криминогенную обстановку в регионе. Так, в январе – декабре 2015 г. зарегистрировано 36.1 тыс. преступлений, в том числе в Республике Крым – 27.8 тыс. и г. Севастополе – 8.3 тыс. В результате преступных посягательств погибло 496 человек, здоровью 520 человек причинен тяжкий вред. Существенная часть (41.2%) преступлений регистрируется в городах Севастополе и Симферополе – всего 14.89 тыс., почти пятая часть (19.1%) – в сельской местности, где зарегистрировано 6.9 тыс. преступлений. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных составил 20.3% [15].

По распространенности криминогенного страха лишиться имущества в результате ограбления, кражи или мошенничества среди регионов лидирует Республика Марий Эл – почти каждый третий ее житель (35%) испытывает беспокойство за свое имущество. Выше среднего этот показатель поднимается также в Иркутской области и Республике Татарстан – там примерно треть населения испытывают беспокойство за свое имущество (33% и 32% соответственно). К регионам с самым низким уровнем опасений по данному вопросу (уровень беспокойства составляет 0–3%) относятся Чукотский АО, Еврейская АО, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Удмуртия, Республика Калмыкия.

Важным показателем состояния правоохранительной системы и отношения к ней общественности является распространенность опасения стать жертвой произвола со стороны ее сотрудников. В среднем доля россиян, часто испытывающих такого рода беспокойство, составила 7%, что на 4% ниже, чем в 2014 г. Снижение уровня беспокойства по поводу проявлений произвола со стороны сотрудников полиции наблюдается во всех федеральных округах.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что россияне в большинстве своем позитивно оценивают изменения уровня безопасности, произошедшие в их регионе за последние годы. Так, более половины опрошенных (54%) считают, что в последние год-два жить стало безопаснее. Показатели уровня криминологической тревоги в целом иллюстрируют тенденцию роста доли граждан, чувствующих свою защищенность от преступных посягательств на их жизнь, здоровье и имущество, с 37% в 2010 г. до 57% в 2014 г. Оценки уровня защищенности граждан от преступных посягательств определяются такими факторами, как уровень доходов, возраст, пол, род деятельности, место проживания. На уровне федеральных округов самые благополучные оценки уровня личной защищенности характерны для Крымского и Северо-Кавказского федеральных округов. Для Крымского федерального округа характерна особая ситуация по субъективным оценкам

уровня безопасности граждан. Средние значения по округу иллюстрируют наиболее высокие показатели уверенности граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств, а также самые оптимистичные оценки происходящих изменений в сфере безопасности.

В качестве дальнейших направлений исследований по данной тематике наиболее актуальными являются следующие: анализ социально-экономических и политических детерминант социального самочувствия в группах, наиболее остро ощущающих свою уязвимость перед преступными посягательствами; исследование взаимосвязи показателей социально-экономической дифференциации регионов и оценок уровня защищенности граждан; изучение роли социальных институтов (семья, школа, средства массовой информации) в формировании общественной безопасности.

Список литературы

1. Фролова Е.В., Медведева Н.В., Сеничева Л.В., Бондалетов В.В. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 525–537.

2. Невский Н.Н. Маргинальность и криминальная виктимность // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4. С. 104–109.

3. Кисляков П.А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 5.

4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 г. / Министерство внутренних дел России. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».

5. Юзиханова Э.Г., Нифонтов В.А. Виктимологическая обусловленность насильственной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. №4 (26). С. 43–48.

6. Гаджиев Д.М. Безопасность Дагестана: криминальные угрозы и меры противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 57–61.

7. Ревягин А.В., Бойко О.А., Жайворонок А.В., Теохаров А.К. Обеспечение криминологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 54–57.

8. Рахматуллин А.Ф. Модернизация подходов к оценке деятельности современных органов внутренних дел // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1 (27). С. 30–40.

9. Ежевская Т.И. Безопасность личности: система понятий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4. С. 47–49.

10. Зинченко Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 98–111.

11. Теракт в Санкт-Петербурге: первые оценки / Всероссийский центр изучения общественного мнения. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155 (дата обращения: 29.04.2017).

12. Исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах Российской Федерации. Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России) / А.Н. Малолетко, Т.Н. Юдина, И.В. Долгорукова и др.

13. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения. Социально-экономические показатели – 2015 г. / Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 12.09.2016).

14. Федоренко С.А. Криминологический анализ общих тенденций преступности на территории Северо-Кавказского федерального округа // В сб.: Актуальные проблемы современной науки. Всероссийская научно-практическая конференция / Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт, Северо-Кавказский государственный технический университет, Филиал ВНИИ МВД России в г. Ставрополе. 2012. С. 185–189.

15. Краткая характеристика состояния преступности в Крымском федеральном округе // Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 г. / Министерство внутренних дел России. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».

PROTECTION OF RUSSIANS FROM UNLAWFUL ACTIONS: A REGIONAL ASPECT

T.N. Yudina,[1] E.V. Frolova,[1] N.V. Medvedeva,[1] O.V. Rodimushkina,[2] L.V. Senicheva[1]

[1]Russian State Social University
[2] All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article presents an analysis of the assessments of citizens' protection against unlawful actions. Based on the results of research (2015), the article analyzes the factors that determine the level of protection of an individual from unlawful actions. We examine how different social groups perceive threats of criminal nature. Particular attention is given to the analysis of the regional aspects of this problem. Research method: quantitative survey of the population in all subjects of the Russian Federation (85 regions), including the Republic of Crimea and Sevastopol. The overall sample size was 48 800 respondents. The results of the research show that the majority of Russians positively assess the changes in the level of security that have occurred in their region in recent years. More than half of the respondents (54%) believe that during the

last year or two life has become safer. The assessments of the level of citizens' protection against criminal encroachments depend on such factors as income level, age, sex, occupation, place of residence.

Keywords: security, degree of protection, illegal actions, victimization of the population, standard of living, regional differentiation.

УДК 316.344.232

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАЛОГО БИЗНЕСА И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМА НЕРАВЕНСТВА

© 2017 г.

А.А. Иудин

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н., проф.; профессор кафедры прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin@fsn.unn.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2017
Статья принята к публикации 24.07.2017

Нормальное существование предприятий малого бизнеса в условиях экономического кризиса имеет много проблем, и одна из них – взаимодействие с представителями муниципальных и государственных организационных структур, а также с представителями крупного бизнеса. Эта проблема слабо разработана в современной отечественной социологии, и совсем мало работ по этой проблеме с использованием эмпирических данных. Данная работа построена на серии глубинных интервью с представителями малого бизнеса различных отраслей деятельности. Рассмотрены проблемы малого бизнеса в контексте взаимодействия с основными партнерами; характерной чертой такого взаимодействия является то, что малые предприятия имеют устойчивых партнеров преимущественно крупнее себя. Отмечается неравенство в положении этих акторов экономической деятельности в связи с наличием национальных традиций недоверчивого отношения общества к малому бизнесу и с несовершенством федерального законодательства, уравнивающего права малого, заведомо более слабого бизнеса и крупного.

Ключевые слова: малый бизнес, предприниматель, чиновник, бюрократия, экономический кризис.

Формирование класса предпринимателей – сложный и долговременный процесс, причем этот класс (или слой, группа) абсолютно необходим в условиях рыночной экономики. Само существование малого бизнеса в социальной структуре современного общества решает целый комплекс задач нормального функционирования общества. «Сторонники развития малого бизнеса указывают на уникальные возможности демонополизации, демократизации экономической жизни, формирования среднего класса и мощный импульс социального и экономического развития, заданного экономической самостоятельностью, социально-инновационной деятельностью людей» [1, с. 3]. Представления о важности и необходимости малого и среднего бизнеса в экономической структуре российского общества являются чрезвычайно распространенными, постоянно декларируется важность поддержки и развития малого бизнеса, однако проблем в этой области остается немало. С целью определения проблем существования бизнеса в условиях экономического кризиса в первой половине 2016 г. было проведено социологическое исследование с использованием метода глубинного интервью. Было собрано 16 интервью владельцев предприятий малого бизнеса, работающих в сфере торговли, строительства, сервиса, консалтинга, высоких технологий. Некоторые результаты этого исследования приводятся в данной статье, где формулируется мнение предпринимателей о проблемах их существования в современном российском обществе.

Представление о том, что частный бизнес социально ущербен, отчасти даже в чем-то вреден для общества, сохраняется с советских времен, и это представление нашло свое подтверждение в период возникновения сильно криминализованного частного бизнеса в 1990-х годах. Однако серьезные ученые рассматривают предпринимательство как важнейший фактор развития общества. Например, Й. Шумпетер оценивал роль и место предпринимательства как особого экономического фактора, обеспечивающего развитие общества в добавление к капиталу, труду и земле [2]. Следует отметить, что именно малый бизнес выпадал из криминальной схемы формирования российского капитализма и пытался существовать в нормативном пространстве, действовать в соответствии с законом [3, с. 135–139]. Именно эта часть предпринимателей смогла сохраниться до нынешних времен. Из них значительную часть составляет последнее поколение советской интеллигенции, значительная часть которого вынуждена была, чтобы выжить, в 1990-х гг. пойти в бизнес, и те, кто занимается этим уже по 20–25 лет, заслуживают уважения. Эксперты называют три пути формирования предпринимательского слоя в России в 1990-х гг., в период радикальной экономической реформы:

– конверсия должности в богатство, в капитал;

– повышение активности теневой экономики и прямой криминал;

– использование собственных способностей, идей и энергии для развертывания собственного дела [3, с. 19].

Первые два пути вырастают в недрах советской социально-экономической системы, и, например, многие из крупных российских частных банков выросли из недр финансовых управлений советских союзных министерств. В редких случаях крупные объединения смогли сохраниться как самостоятельные экономические единицы. Так, «Газпром», в 1989 г. преобразованный из Министерства газовой промышленности в государственный газодобывающий концерн, смог сохраниться до наших дней, а Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР распалось на несколько самостоятельных компаний. В частности, таким образом появилась компания ЮКОС, оказавшаяся впоследствии в центре крупного международного скандала. И только третий путь оказался свободным от криминала, и именно в рамках этого пути формировался отечественный малый бизнес. Нынешнее поколение российских предпринимателей в большинстве своем имеет хорошее образование и прекрасно ориентируется в социально-экономическом пространстве. Ментальность предпринимателей в силу их очень сложного существования быстро приспосабливается к новым условиям, и они быстро обретают необходимую квалификацию.

Жизнь – это движение, и это принцип распространяется и на жизнь социально-экономическую. Предпринимателями становятся активные люди, имеющие потребность двигаться, генерировать новые идеи, осваивать новые пространства. Немало примеров, когда новые направления деятельности в бизнесе приходили у предпринимателей из хобби или из форм досуга (многие направления туристического бизнеса задумывались и планировались во время активного отдыха предпринимателей). Немало оригинальных направлений бизнеса возникали из хобби. И собственный отдых предприниматели обычно рационализируют и в трудные времена, не ограничивая себя в отдыхе, не делая его менее комфортабельным, а перераспределяя силы и средства, корректируют свои планы. В этом проявляется одна из самых привлекательных черт предпринимательства – свобода. В принципе, очевидно, желание новизны, развития является необходимой чертой характера предпринимателя. И *«если не будут возникать желания новые, не будут поставлены какие-то новые задачи, интересы новые найдены, то сама по себе жизнь становится более пустой, независимо от того, сколько ты зарабатываешь денег».* Но если эта потребность новизны связана не с бизнесом, а с личными запросами, обязательно возникнут проблемы. Например, потребность купить или улучшить жилище, купить машину или дачу будет поглощать слишком большое внимание предпринимателя – вплоть до экономии средств бизнеса и перевода оборотных средств на личные нужды. Он неизбежно будет терять контракты, клиентов и в конце концов приведет фирму к банкротству. Движение должно быть внутри бизнеса, а не вокруг него.

Но есть социальный слой, с которым предприниматель постоянно контактирует, взаимодействует, слой, с которым ему приходится постоянно конкурировать. Это чиновники. Эти две группы – чиновники и предприниматели – находятся в принципиально разном положении: если допускает ошибку предприниматель, он разоряется. А если допускает ошибку чиновник, в худшем случае ему грозит рокировка в длинную сторону – он с этой должности уйдет на другую. Чиновник, как и предприниматель, не бедный человек, но он вынужден постоянно подлаживаться под обстоятельства, а предприниматель творит обстоятельства сам. Он свободен в социальном творчестве, но свободен лишь до тех пор, пока он понимает и учитывает закономерности социума. Разница их социального положения в том, что предприниматель вынужден сам решать возникающие проблемы, изыскивать ресурсы, а чиновник перекладывает свои проблемы на предпринимателей.

В период кризиса встает вопрос о выживании – о выживании любой ценой... Но предприниматели и чиновники (и их структуры) выживают по-разному. Предприниматели выживают за счет внутренних резервов, за счет своей силы, энергии, сообразительности. Они начинают работать эффективнее, стимулируют своих работников лучше, производительнее работать, освобождаются от балласта. Чиновники же находят свой резерв на стороне – вытягивают деньги из предпринимателей, начинают «доить» предпринимателей. И это совсем другая система. Они даже и не пытаются найти свои собственные внутренние резервы.

Позитивно, что предприниматели не видят себя ни в какой другой роли: в случае ухудшения ситуации они будут искать ресурсы, выходить на новые сегменты рынка. Чиновник ищет место, где можно пристроиться. Поэтому первая реакция отношения предпринимателей к государственным органам – как к ленивым, неподвижным структурам, озабоченным прежде

всего вопросами сохранения собственного статуса. Такое отношение предприниматели проявляют в первую очередь к экономическому блоку правительства РФ. Аналогичное отношение к налоговым органам и к местной власти, которые усугубляют проверки, сборы, штрафы, поборы. В условиях кризиса они находят возможность взять средства там, где их раньше не было: *«... свежий пример – выписка из ЕГРЮЛ раньше была бесплатная, а теперь 200 рублей. А без нее не обойдешься в банке, не заключишь серьезные договоры. Эта выписка периодически нужна. Копейки! Что им эти двести рублей? Но с миру по нитке. У них психология такая».* И у тех, и у других в период кризиса ресурсы сокращаются, но этот вопрос они решают принципиально по-разному. Одни вынуждены искать собственные ресурсы, другие находят ресурсы на стороне – в той сфере, которой они управляют. Для предпринимателей стиль работы чиновника распространяется и на менеджмент крупного бизнеса.

Сегодня, например, доля стоимости оборудования в строящемся здании, особенно импортного, стремительно растет в общей стоимости объекта. Недобросовестные конкурсы понижают цену объекта, и доля стоимости импортного оборудования в объекте (в валютном выражении) растет быстрыми темпами. В этих условиях, если заказчики (а это чаще всего госчиновники и чиновники – представители крупных компаний) не будут подходить к выбору застройщика (и любого исполнителя) тщательно и вдумчиво, многие добросовестные производственники просто разорятся и рынок оголится. Эта ситуация во многом порождена смягчением некоторых положений федерального законодательства, касающегося госзакупок, из которого ушел важный этап отбора. Сейчас не рассматриваются важные характеристики компании, претендующей на выполнение работ, в частности ее репутация, ее возможности, кадры, сертификаты, наличие требуемых мощностей. Поэтому в конкурсах участвуют недобросовестные игроки, сбивающие цены и плохо выполняющие работу. Более того, получив деньги, они могут просто исчезнуть из области данного бизнеса. Но те, кто остался в этом поле делового взаимодействия, получают комплекс дополнительных проблем, и прежде всего падение цен на выполненную работу или услугу.

Работа с госчиновниками по формированию заказа требует от исполнителя определенной сноровки, и у некоторых предпринимателей здесь появляется возможность оптимистического восприятия действительности. Например, люди, успешно сотрудничающие с госструктурами, хорошо начинают понимать, даже чувствовать, как работают эти структуры. Этот опыт позволяет кому-то из них создавать консалтинговые бюро, помогающие заинтересованным лицам, с которыми этим бизнесменам приходится взаимодействовать по работе, находить точки соприкосновения с госструктурами, через их офисы, отделы, подразделения, отдельных сотрудников. И здесь малый бизнес подчас находит для себя новые ниши.

Процесс становления малого бизнеса, с точки зрения его государственной поддержки, не достиг необходимого уровня, и связано это с тем, что само законодательство в развитых странах имеет регламентирующий и поощряющий характер, а у нас в стране – регламентирующий и контролирующий. Государственное регулирование малого бизнеса в нашей стране движется по линии ограничения, а не развития. На развитие ориентируется только сам малый бизнес и развивается только там, где не находит бдительного ока контролирующего чиновника. В нашем городе это проявилось, например, в кампаниях запрета разносной торговли в центре города (цветами, хот-догами, шаурмой) на том основании, что это неэстетично, неопрятно, негигиенично, нецивилизованно. Причем в европейских странах такого рода деятельность широко представлена. Представители малого бизнеса отмечают, что одной из важных характеристик неэффективности работы местных и федеральных административных органов является давление на предпринимательство в процессе муниципального, регионального и федерального управления. Но это не является сущностью государственных структур и во многом связано с процессом становления новых форм государственного управления, основанных на функциях регулирования. Предприниматели неоднократно отмечали, что министерство обороны с приходом нового человека и новой команды стало работать очень эффективно. Причем речь идет не только о новой технике и новых формах организации военного дела, произошли прорывные изменения и в сфере информационной войны. *«Сделано множество пресс-туров в Латакию, когда иностранным журналистам показывают все – и технику, и людей. Отвечают на все вопросы. Так эффективно у нас никто никогда не работал».* Некоторые предприниматели добавляют: *«При Сердюкове оно* <министерство обороны> *работало, как сегодня работает Центробанк».*

Малые предприниматели тонко чувствуют издержки кризисных явлений, в том числе и те, кто достиг успехов на поприще новых направлений деятельности, новых технологий. С одной стороны, например, предприятия, зани-

мающиеся внедрением новых технологий в торговых сетях, имеют сегодня определенный импульс для развития в связи с тем, что торговые сети должны быть оснащены дополнительными устройствами и программным обеспечением для создания федеральных структур учета товарных и финансовых потоков. Но при этом они *«вынуждены работать на основе прежних договоров, не учитывающих, что новое оборудование, стоимость которого измеряется в долларах и евро, постоянно дорожает – вместе с курсом иностранной валюты».* В этих условиях существенной проблемой может стать поломка импортного оборудования, используемого предпринимателем: его ремонт и обслуживание завязаны на евро. Даже в том случае если удается поднять выручку, работа импортного оборудования остается узким местом. В связи с этим расширение объемов производства проблематично: выручка рублевая, а закупаемое, ремонтируемое и обслуживаемое оборудование требует вложений в валюте. Работа с бюджетными организациями чревата тем, что финансирование из бюджета с начала 2000-х гг. не меняется, а расходы (материалы, топливо) ныне несравнимы с тем периодом.

Увеличение объемов производства малых фирм проблематично и в связи с тем, что крупный контракт, если его выполнять на качественном уровне, требует серьезной подготовки и серьезных вложений, нужна квалифицированная и трудоемкая плановая деятельность, необходима основательная техническая подготовка к большому контракту. Рассчитывать на то, что предприятие получит какие-то преференции, аналогичные тем, которые получают крупные предприятия, малому бизнесу не приходится. Для крупного контракта нужны средства, но проблема подготовки к нему усугубляется высокими ставками кредитов, на которые можно было бы опереться. При этом серьезный контракт обладает высокой неопределенностью, а подготовиться к нему крайне сложно, и поэтому повседневная жизнь маленькой фирмы базируется на маленьких, нередко случайных подрядах. Поэтому достаточно солидные и успешные предприятия малого бизнеса существуют ныне на грани того, что дешевле не работать, чем работать, и понятно, что в этой связи речь идет не о развитии, а о выживании. Малому предприятию в условиях кризиса остается только выживать за счет собственных резервов. Такие внутренние резервы изыскиваются и при отсутствии прибыли, без увеличения производства развитие фирмы возможно за счет интенсификации работы персонала, который, испытывая заинтересованность в сохранении компании, начинает работать более производительно, более квалифицированно, улучшается управление производственными и финансовыми процессами, и это становится своего рода инвестицией в будущее. А в условиях кризиса персонал все более плотно интегрируется в фирму, обретает намерение выживать не в одиночку, а вместе с ней.

Вопрос развития малого предприятия даже в условиях кризиса остается актуальным, а для этого необходима работа по новым направлениям. К этому предприниматели подходят с большой осторожностью. Слишком большие риски связаны с нынешнем положением отечественных финансов – не столько с низким, сколько с нестабильным курсом рубля. Эта нестабильность усугубляется тем, что крупные клиенты стараются переложить на мелких подрядчиков риски возможных осложнений. Тем не менее некоторые из них идут на известный риск и вкладывают собственные средства в фьючерные проекты (под крупных и надежных партнеров) в надежде на то, что в будущем это как-то поддержит бизнес, даст ему импульс нового развития.

Большие проблемы малого бизнеса возникают подчас из-за небольших прорех в законодательстве. Так, в соответствии с федеральным законодательством крупные госкомпании, естественные монополии, госкорпорации работают на условиях оплаты после завершения работы. Поэтому *«фирмы-подрядчики сначала должны оплатить обеспечение заявки, потом должны сделать обеспечение контракта, потом все выполнить. И только потом получают оплату, обычно с задержкой. Причем некоторые компании откладывают выплату 5–10% контракта на два-три года как своего рода страховой запас. В этих условиях работать чрезвычайно трудно».* Компании малого бизнеса в период кризиса живут за счет внутренних резервов, и основной проблемой является своевременная выплата зарплат, и поэтому подчас приходится брать кредиты в счет будущих выплат. А это дополнительные расходы и дополнительные проблемы. При этом изменения в федеральном законодательстве, призванные упростить работу подрядчиков, не всегда дают положительный эффект. Многие предприниматели отмечают, что упрощение схем государственных закупок привело к появлению на рынке большого числа *«недобросовестных предпринимателей, которые сначала демпингуют, затем срывают поставки и тем усложняют работу нормальных компаний».* Добросовестные предприниматели, имеющие опыт работы с конкретными руководителями организаций, готовы помочь им, идут навстречу и исправляют недостатки выполненных работ, понимая, что эти руководители вы-

нуждены использовать исполнителя на основе тендера, хотя нередко знают, что участник торгов не сможет качественно выполнить условий договора. Понятно, что предприниматели помогают таким руководителям в надежде на будущие заказы, и руководители демонстрируют готовность работать с такими предпринимателями, в добросовестности которых они уверены, однако существующие правила нарушать нельзя даже в случае, когда риски, связанные с выполнением этих правил, очевидны.

Особенно напряженной становится ситуация, связанная с импортным оборудованием, когда такое оборудование необходимо ставить на вновь создаваемые объекты. В таких условиях предприниматели ведут себя очень осторожно, испытывая ответственность за своих работников, освоивших сложное оборудование и уже поэтому представляющих сугубую ценность для фирмы, успех которой связан с тем, что инженерные службы могут решать многие проблемы своими силами. Стремление сохраниться на рынке за счет экономии ресурсов и сил приводит к тому, что предприниматели вынуждены отказываться от добросовестных и интересных предложений, которые требуют некоторых дополнительных сил или ресурсов. Впрочем, и те предприниматели, *«которые завязаны на отечественное оборудование, тоже ведут себя осторожно: стараются не делать резких движений и придерживают деньги, приготовленные на новое оборудование, его покупка планируется лишь в том случае, если по этому новому направлению есть надежный задел и риск минимизирован»*.

Привязка российской экономики к доллару и евро приводит к тому, что колебания курса рубля определяют собой состояние не только малого и среднего бизнеса, но и всей экономики. И это тонко чувствуют представители малого бизнеса, это одна из их существенных проблем. Важно, по их мнению, что *«российское общество, в частности, в лице государства, не осознало, что именно предпринимательское сообщество должно будет дать обществу недополученную ценность, помочь людям справиться с насущными бытовыми проблемами. Это произойдет ... когда общество будет воспринимать предпринимателей более адекватно и не будет усматривать в деятельности представителей малого бизнеса какой-то воровской антиобщественный контекст. Это осознание – и есть лучшая помощь и поддержка малому предпринимательству. Другой помощи малому бизнесу и не надо»*.

Важной частью предпринимательских претензий является неудовлетворенность работой банковской системы. Прежде всего, это связано с проблемой доступности кредита, а именно возможность получения банковского кредита нередко является условием выживания и развития малого бизнеса. Размышления предпринимателей о проблемах кредитования нередко обретали характер просьб о помощи. *«Малый бизнес никогда особо не кредитовался, кому-то денег не давали, потому что не было обеспечения, а кто мог бы взять кредит, тот обходился своими средствами»*. Но в период обострения кризиса, когда деловая жизнь начинает замирать, банки легче стали давать кредиты, и ставки стали понижаться. Спрос на кредиты упал и, соответственно, банки стали легче идти на сделку. Тем не менее *«процент по кредиту явно высок, и длинные кредиты для малого бизнеса неподъемны»*. Поэтому малый бизнес предпочитает не брать кредиты до последней возможности в силу того, что и получение, и возврат кредита создает много дополнительных проблем. Выдача кредита сопровождается длинной и подчас непонятной процедурой: *«...тут застрахуйся, тут договоры, жизнь свою застрахуй, кредит застрахуй. Кредит, как таковой, обманывает. То есть, ты рассчитываешь, например, на четырнадцать, а в конечном счете получишь восемнадцать процентов»*.

Банки испытывают сложности в своей работе в связи с тем, что нередко происходит отзыв лицензий Центробанком у банков с сомнительной репутацией. Предприниматели отмечают факты скандальных случаев отзыва лицензий у крупных банков, по отношению к которым предполагалось осуществлять санацию и у которых при проверке *«оказались просто сочиненные, нарисованные балансы, что показывает плохую работу Центробанка»*. Последний имеет множество инструментов контроля и слабо использует их. Основная причина этого явления в том, что государство поддерживает крупные банки, а по отношению к более мелким ведет себя весьма сурово. Эта тактика проецируется и на работу самих банков, которые вынуждены жестче подходить к формированию своего кредитного портфеля. От этого страдает в первую очередь опять же малый бизнес: предприниматели, желающие получить кредиты, но по какой-то причине не имеющие долгой кредитной истории, обладают очень небольшими шансами на получение хорошего кредита. В последнее время, отмечают предприниматели, *«большой ажиотаж вызвала работа коллекторов по потребительскому сектору. Но многие банки с малым бизнесом примерно так же работают»*. Подчас поиск доступных средств заставляет предпринимателей задуматься о том, чтобы

свернуть свое дело и найти другие, более простые и общепринятые способы существования.

В силу того, что малый бизнес по разным причинам вынужден отказываться от кредитования, его представители должны очень аккуратно работать с клиентами. Прежде всего, это опора на старых клиентов, которые не подводят и с которыми со временем складываются доверительные, подчас товарищеские отношения. С крупным бизнесом и с государственными структурами таких отношений не бывает из-за ротации кадров, хотя подчас удается поддерживать нормальные отношения с руководителями небольших подразделений, работающих на одном месте в течение долгого времени. Работа с новыми клиентами обычно требует тщательного ознакомления с их деятельностью, репутацией, причем, как отметил один предприниматель, с московскими фирмами можно работать только на стопроцентной предоплате, иначе обязательно обманут.

Важной чертой современности является то обстоятельство, что предприниматели сами готовы оказывать давление на недобросовестных коллег, сообщая в контролирующие органы о случаях недобросовестной работы отдельных предпринимателей. Тем самым создается своего рода очень важный социальный прецедент самоуправления в среде малого бизнеса, невозможный для большого бизнеса. Следует отметить, что когда предприятия большого бизнеса начинают плотно конкурировать, стремясь отобрать друг у друга привлекательные куски рынка, наступает хорошее время для малого бизнеса, который всегда работает более эффективно, чем большой, и к нему, а не к крупным компаниям начинают обращаться большие игроки для решения своих задач, с разными вопросами и предложениями. Предприниматели понимают, что это временное явление, и когда рынок будет поделен, крупные игроки опять впадут в состояние спячки, но период очень приятный и полезный для малого бизнеса.

Наличие оптимизма у предпринимателей сегодня связано только с возможными изменениями в высших эшелонах власти. Они отмечают, что на уровне мэра или губернатора можно решить отдельные и в целом не особенно существенные вопросы. Основные надежды предпринимателей на то, что *«должен же прийти реальный человек в экономический блок правительства, которому можно поверить, бренд – как Шойгу. Человек, что-то сделавший своими руками и демонстрирующий возможность решать вопросы и проблемы».*

Список литературы

1. Портнов И.А. Организационная культура российского малого бизнеса: Автореф. дис. … кандидата соц. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2007. 27 с.

2. Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

3. Иудин А.А. Социальные трансформации: экономические установки населения и массовое политическое сознание (1988–1999 гг.). Нижний Новгород: НИСОЦ – Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. 330 с.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF SMALL BUSINESS AND THE ADMINISTRATIVE SYSTEM: THE PROBLEM OF INEQUALITY

A.A. Iudin

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

There are many problems for normal existence of small businesses in the context of the economic crisis, and one of them is interaction with representatives of municipal and state organizational structures and with representatives of large businesses. There is a lack of research on this issue in modern Russian sociology, and there are very few papers on this problem that use empirical data. This study is based on a series of in-depth interviews with representatives of small businesses in various industries. The article considers the problems of small business in a context of its interaction with key partners. A characteristic feature of such interaction is that small companies' stable partners are mostly larger than themselves. We note unequal position of these economic actors, which is due to the existence of national traditions of society's distrust towards small business and due to the imperfection of federal legislation that provides equal rights to big and small business, while the latter is obviously weaker.

Keywords: small business, entrepreneur, official bureaucracy, economic crisis.

УДК 316.012

АНОМИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2017 г.

М.Д. Напсо

Напсо Марианна Давлетовна, д.соц.н., проф.; профессор кафедры философии
и гуманитарных дисциплин
Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, Черкесск
napso.marianna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2016
Статья принята к публикации 26.07.2017

Исследуются социальная природа аномии, факторы, определяющие расширение пространства аномии и девиации. Раскрывается обусловленность социального содержания аномии условиями социальной практики, рассматриваются причины рассогласованности ценностных представлений, ведущие к проявлениям культурной аномии, воздействие аномии на массовое и индивидуальное сознание. Анализируется рискогенное содержание аномии для функционирования общества и его институтов. Утверждается мысль о сложности феномена аномии, необходимости ее всестороннего исследования всем комплексом социально-гуманитарных наук, использования междисциплинарных подходов.

Ключевые слова: аномия, девиация, социальная дифференциация, социальное отчуждение, депривация, самоубийство, риск.

Проблематика аномии была и остается одной из наиболее обсуждаемых социально-философским и социологическим знанием тем. Глубокие трансформации социальной структуры современных обществ приводят к расширению пространства разделительных линий – экономических, политических, социальных, культурных, которые во многом становятся причиной возникновения деструкций разного рода, что с неизбежностью актуализирует проблему анализа социальной природы аномии. Необходимость исследования аномии связана с вызываемыми ею рисками, которые делают современные общества менее устойчивыми, а процессы, в них происходящие, все более хаотичными. Повсеместно наблюдаются ослабление отношений социальной солидарности, усиление дезинтеграционных тенденций, рост в целом негативных проявлений. Поскольку процессы социального расслоения и социальной дифференциации имеют тенденцию к расширению, аномия в таких условиях становится одним из самопродуцирующих факторов, что создает объективные предпосылки для возникновения социальных патологий разного рода, угрожающих целостности общества.

Введя понятие аномии в научный оборот в качестве явления, связанного с кризисом ценностей, их рассогласованностью, Э. Дюркгейм исследовал свойственные переходным периодам процессы социальной дезорганизации, результатом которых становятся социальная деструкция, различные формы девиантного и делинквентного поведения. В условиях отсутствия или снижения нравственных императивов, являющихся результатом перехода от механической солидарности к органической, возникают социальные угрозы, на что ученый обратил пристальное внимание в работе «О разделении общественного труда». Следствием неполноты этого перехода, по мнению исследователя, становится утрата коллективных форм жизнеустройства, разрушение патриархально-общинного уклада, расшатывание основ веками закрепленного социального порядка, утверждение нового мировоззрения и иной системы ценностей.

Процессы становления буржуазных общественных отношений, приведшие к трансформациям социально-экономического, политико-культурного и ценностно-мировоззренческого характера, изменили жизненный уклад архаичных обществ, наполнили новым смыслом, соответствующим времени и его императивам, понятия ответственности и свободы. Механическая солидарность как тип социальной связи и социального взаимодействия вкупе с господством многовековой традиции, ограничивавшей пределы и возможности социального развития, уступила место органической солидарности, востребованной капиталистическим способом производства, развитие которого предполагало и требовало преодоления жесткости предписанных норм и правил. Ослаблению уз механической солидарности способствовал и тот факт, что многие социальные институты перестали быть основополагающими механизмами влияния.

Теряла роль всеобъемлющего властителя религия, которая в условиях перехода от одной ступени социально-экономического развития к другой «охватывает все более и более умень-

шающуюся часть социальной жизни. Вначале она простирается на все, что социально, религиозно; оба слова суть синонимы. Потом мало-помалу функции политические, экономические, научные освобождаются от религиозных, устанавливаются отдельно и получают все более… светский характер. Бог…, который присутствовал во всех человеческих отношениях, удаляется от них; он предоставляет больше простора свободной игре сил. Индивид меньше чувствует себя лицом, которое заставляют действовать, он больше становится источником самопроизвольной деятельности. …Область религии не только не увеличивается параллельно с областью мирской жизни, но все более и более сокращается» [1].

Утрачивает свое воздействие и дух корпоративизма, свойственный различным ремесленным объединениям. В традиционном обществе, в котором господствует механическая солидарность, работник повсюду живет вместе с хозяином, разделяя его труды «в той же лавке, за тем же станком». Оба составляли часть одной и той же корпорации и вели одинаковое существование. «И тот и другой почти равны…». С разделением труда «цех более не общее убежище, – это исключительная собственность хозяев, которые одни вершат так свои дела… С тех пор устанавливается глубокая демаркационная черта…». По мере социального продвижения, считает Э. Дюркгейм, «ослабляются узы, связывающие индивида с его семьей, с родной землей, с завещанными прошлым традициями, с коллективными обычаями группы. Более подвижный, он легче изменяет среду, покидает своих, чтобы идти жить в другом месте более автономной жизнью» [1]. Следует, однако, признать, что, с одной стороны, свойственная традиционному обществу привязанность к клану, гильдии, сословию вела к существованию в изоляции, которое, при всех издержках, обеспечивало стабильность и подтверждало целесообразность традиционных и апробировавших себя форм жизнеустройства; с другой – жесткая организация жизненного процесса сковывала развитие, требовавшее перемен.

В ситуации перехода от традиционного общества к модернизирующемуся, каковым явился капитализм, нарушается установленный порядок, дисфункциональность приобретает всеобъемлющие черты, а свойственные архаичному обществу стабильность и гомеостатичность уступают место хаотическим состояниям. В результате этих процессов дезинтеграция одерживает верх над интеграцией. На смену традициям коллективизма и чувствам солидарности пришли отношения, основанные на идеологии и психологии индивидуализма, следствием чего стала утрата индивидом смысложизненных ориентиров. Возникает конфликт интересов между набирающими силу классами и «старой» структурой, который в переходный период достигает своей кульминации, выражением чего становится аномия.

Размах экономической и предпринимательской деятельности, которая во многом подрывала основы механической солидарности, тем самым ослабляя специфику традиционного общества, уступавшего дорогу производственным отношениям иного рода, не мог не приводить к аномии, формой выражения которой становились процессы социальной разобщенности и дезорганизации. Общинное мировоззрение с системой присущих ему моральных установок, продолжавшее господствовать в общественном сознании, не соответствовало ни духу, ни скорости экономических преобразований. Целостность личности, которая поддерживалась этим мировоззрением, оказалась в таких условиях серьезно подорванной. Становление буржуазного мира с его объективными требованиями органической солидарности, индивидуализации, расширения рамок свободы, преодоления изолированности бытия, ослабления прикрепленности к локусу, жесткости социальных иерархий сопровождалось увеличением пространства проявлений аномии. Несмотря на то, что с приходом капитализма сформировались благоприятные условия для разделения общественного труда, что, несомненно, открывало широкие перспективы для социального развития – индивидуального и коллективного, дезинтеграционные тенденции становились неизбежными. В результате таких и множества других явлений общество оказывается социально расколотым, его целостность и единство нарушаются, и в таких обстоятельствах аномия становится его неизбежным спутником и атрибутом.

Развитие капитализма сопровождалось установлением и использованием рационализированных, формализованных практик, которые, потеснив неформальные способы организации жизни, способствовали успешной организации системы социальных отношений. На смену архаичной нормативной системе приходит новая, соответствующая сложности экономического и политического развития, результатом чего становится конфликт между еще не утвердившими себя институционализированными формами социальных взаимодействий и прежними, уже недостаточно эффективными, с точки зрения регуляции. Закрытое общество, характеризовавшееся господством неизменных, статичных форм жизни, неподвижной в целом социальной структуры, ограниченной социальной мобиль-

ностью, достаточно консервативной системой нравственных и этических ценностей, сменилось открытым. Становление последнего, вызванное развитием буржуазных отношений, сопровождалось усилением процессов, значение которых для социального развития оказалось более чем продуктивным. Общество становилось все более демократичным, социально мобильным, а ограниченность восприятия мира сменилась мировоззренческим и идеологическим плюрализмом. С одной стороны, это расширяло социальные горизонты, в результате чего индивиды и группы индивидов могли более свободно осуществлять собственный выбор, соизмеряя его с системой собственных моральных установок, и это имело своим следствием появление более широких возможностей для творческой самореализации. Ответом на ситуацию перехода от традиционного общества к индустриальному были в том числе и аномичные проявления, которые обнаруживались с различной степенью интенсивности во всех сегментах общества. И хотя преодоление границ прежнего, закрытого, бытия позволяло минимизировать негативное воздействие аномии, развитие капитализма было сопряжено с ее воспроизводством.

Э. Дюркгейм обратил внимание на особенности социально дифференцирующих признаков индустриального общества, которые и придают общественным процессам хаотичный характер, а социальным состояниям, связям, взаимодействиям и т.д. – противоречивые черты. В таких условиях проявления аномии предопределены: множатся риски социальной дезорганизации, а во множестве случаев и деструкции. Причину таких социальных проявлений ученый видел в процессах социального отчуждения, к которому вела организация общественного разделения труда. Но социальное отчуждение может быть результатом не только экономических преобразований, но и несовпадения насаждаемой или господствующей системы нравственных ценностей и мировоззрения отдельно взятого индивида. Происходит дезориентация личности, а выходом из ситуации неопределенности может стать и нередко становится либо социальное отчуждение, либо уход в себя как результат дезинтеграции – внешней и внутренней.

Социальное отчуждение может выступать в различных формах отклоняющегося, аномичного поведения, к каковым Э. Дюркгейм отнес явление самоубийства, причины возникновения и специфику действия которого связал с проявлениями не столько индивидуально-личностного, сколько социального характера, и это несмотря на анализ внесоциальных факторов, ведущих к самоубийству. Распространенность последнего приходится, как считал исследователь, на периоды социальных преобразований и потрясений нравственного и этического свойства. Рассматривая самоубийство (эгоистическое, альтруистическое, аномичное) в качестве социального факта, исследователь видит его причину в разрушении социальных связей, ослаблении механизмов, способствующих социальной интеракции, следствием чего становится негативное воздействие социальной среды на сознание и поведение индивидов.

Тип самоубийства, по мнению Э. Дюркгейма, зависит от характера связи индивида и общества. В ситуации ослабления отношений солидарности, нарушения единства с социумом происходит эгоистическое самоубийство: «если разрываются узы, соединяющие человека с жизнью, то это происходит потому, что ослабляется его связь с обществом» [2]. Чрезмерное же давление, ограничение свободы создают почву для альтруистического самоубийства: «когда человек отделился от общества, то в нем легко зарождается мысль покончить с собой; то же самое происходит с ним и в том случае, когда общественность вполне и без остатка поглощает его индивидуальность» [2]. Что касается аномичного самоубийства, то оно является следствием слабости регулирующих норм, что может вести к выбору девиантных форм поведения в качестве нормативных: «в момент общественной дезорганизации…, в период благоприятных, но… внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно неспособным проявлять нужное воздействие на человека» [2]. При всех отличиях, существующих между различными видами самоубийства, причины, ведущие к его совершению, видятся Э. Дюркгеймом в таких явлениях, как социальная апатия, социальная безысходность, социальное одиночество, затрудняющие процессы адаптации к изменившимся и изменяющимся условиям жизни, результатом чего становится суицид.

Не избежали аномичных проявлений и общества эпохи постиндустриализма. Скорость, с которой разворачиваются современные социальные процессы, а также их противоречивое содержание создают условия для воспроизводства социальной аномии. Среди причин первого порядка следует выделить факторы, имеющие отношение к сфере экономики, на что обратил внимание французский исследователь, который рассматривал аномию в контексте противоречивых процессов, связанных с разделением труда [1], и это придает его размышлениям современное звучание. Современные тенденции демонстрируют неравномерность развития эконо-

мики, выражением чего являются полюса богатства и бедности, и эта пропасть в большинстве государств все более увеличивается. Экономическая нестабильность, невысокие уровень и качество жизни основной части населения, расширение пространства экономической стратификации, недостаточность материальных и финансовых средств для обеспечения более или менее приемлемого образа жизни, невозможность удовлетворения потребностей, в изобилии предлагаемых обществом консюмеризма, и многое другое благоприятствуют развитию аномии, проявляющейся в самых различных формах – от собственно экономической до профессиональной и моральной.

Особенно остро общество реагирует на экономическую депривацию, проявляющуюся в несправедливом распределении материальных ресурсов, что ограничивает уровень потребностей определенных групп населения, с одной стороны. С другой – это недостаточное потребление или вынужденный отказ от необходимых для развития индивида материальных потребностей и необходимого набора социальных услуг. В ситуации лишения – реального или мнимого, формируемого под влиянием как объективных условий, так и субъективных ощущений (так называемая относительная депривация), конфликта между социальной реальностью и социальными экспектациями (между тем, что индивиды желают, и тем, что они имеют) возникают состояния, близкие к аномичным.

Экономическая депривация, а значит, и аномия обнаруживаются в различных формах бедности и социального неблагополучия. И этому способствуют не только низкий уровень материального достатка, на что болезненно реагирует индивид, но и невостребованность на рынке труда знаний и квалификационных умений, невозможность реализации в полной мере своих дарований, иными словами, неудовлетворенность в реализации базовых потребностей, в том числе и потребности в самовыражении и самоидентификации. Формируются чувства социальной ненужности, ущемленности, брошенности, следствием чего становятся неравномерность процесса социализации, ослабление социабельности, возникновение таких «альтернативных» социальных явлений, как социальное изгойство.

Социальная аномия возникает как результат социальной, а точнее, «множественной» депривации. Значительную роль в расширении пространства аномии играют процессы углубляющейся социальной дифференциации, формой выражения которой является неравенство, при котором индивиды и группы индивидов находятся на различных ступенях социальной иерархии, а социальная пропасть, отделяющая их, все более углубляется, становясь символом социального неблагополучия. Это и неравный доступ к основным жизненным благам, и неравные шансы в возможности самореализации, и несправедливое вознаграждение и т.д. С углублением неравенства масштабы и объем среднего слоя сокращаются, а доля бедного населения в социальной структуре большинства современных государств увеличивается. Высокими оказываются и показатели преддонья, к которому относятся те слои населения, или социальные аутсайдеры, у которых достаточно высоки риски социального падения. С усилением факторов неравенства и имущественного расслоения, создающих широкое пространство социальной несправедливости, увеличиваются и риски аномичных проявлений. Конкуренция, свойственная рыночной экономике, не только не ослабевает, а приобретает самые неожиданные формы. Проблемы собственности в широком смысле слова придают рыночной конкуренции крайне противоречивый характер, в результате чего социальное неравенство все более углубляется, становясь источником аномии. Не последнюю роль играют критерии стратификации, которые также являются показателями социального благополучия или неблагополучия. Связь аномии и социально-экономического статуса очевидна, и это подтверждают результаты социологических исследований: наиболее высокий процент лиц, совершающих девиантные и делинквентные поступки, относится к низшим слоям. Социальное неравенство, выступающее в том числе и в форме дифференциации социальных статусов, является одной из причин аномичного поведения.

В условиях транзита расширяется пространство социального и морального отчуждения. В нормативно-ценностной системе происходит своеобразный «разлом» по причине того, что прежние идеалы и нормы разрушены, а новые находятся на стадии становления. Сформировавшийся «стык» времен приводит к маргинализации и «вакуумизации», в результате чего конфликт индивида с обществом становится неизбежным, а процессы адаптации к быстро меняющимся условиям внешней среды – все более затруднительными. Итогом становятся проявления ценностного нигилизма, следование не общепринятым, а отвечающим индивидуальным и коллективным запросам нормам. Происходит размывание этической традиции, ее содержание наполняется псевдосмыслами, формируются установки ложно понимаемого прагматизма. Некритическое восприятие сформировавшихся таким образом этических установок

ведет к деформациям и девиациям различного содержания, создавая условия для депривации – индивидуальной и групповой. Вследствие этих и совокупного эффекта многих других факторов, в том числе и ослабления контролирующей функции государства и его институтов, аномия приобретает черты всеобщности, что подтверждает факт наличия социальных патологий.

Аномия в личностном измерении проявляет себя достаточно противоречиво: с одной стороны, она затрудняет процессы адаптации к быстро меняющемуся социально-историческому контексту, что приводит к кумулятивному эффекту (негативные проявления нарастают по принципу «снежного кома»), а с другой – отклоняющиеся от нормы явления воспринимаются многими как социально одобряемые, более того – как возможность успешной интеграции в социум. Возникает ситуация, когда аномичное поведение становится в такие периоды фактором, во многом детерминирующим вектор жизненных устремлений. В результате подобной инволюции, или подмены понятий, происходит смещение акцентов: норма замещается псевдонормой, справедливость – псевдосправедливостью, истина – ложью и т. д. Следование квазинравственным установкам обрекает общество и индивида на саморазрушение и деградацию, а значит, делает возможности социального предвидения, в том числе и в вопросах преодоления последствий аномии, достаточно призрачными.

Процессы дезориентации личности, сопровождаясь утратой идентичности и самоидентификации, ведут к внутренней дезорганизации. Это состояния индивидуальной аномии, которая является логическим следствием социальной аномии в целом: процессы, происходящие на макроуровне, проецируются, как известно, и на микроуровень, вызывая следствия как общего, так и специфического свойства. Кризисное состояние общества приводит – при совпадении объективных и субъективных факторов – к личностной дезорганизации, нарушению общепринятых норм, девальвации ценностей, распространению девиации, которая рассматривается многими как норма, обеспечивающая успешность социальной адаптации. Социальная аномия сопровождается и кризисом в сфере культуры, когда процесс выработки и трансляции культурных норм и ценностей оказывается затрудненным и не в последнюю очередь по причине слабости интегрирующих и регулирующих функций культуры.

Немаловажную роль играет и недостаточность действия механизмов интернализации, обеспечивающих «прохождения» социализации благодаря формированию внутреннего «Я», направленного на неприятие культурных норм аномичного свойства. В ситуации когда индивидуальное и коллективное сознание оказывается охваченным социально-патологическими представлениями о должном, когда антинорма выступает как ценностная установка, возникают угрозы для социума в целом, и примеров этого – множество. Происходит распад ценностно-нормативной системы, расширяется пространство девиантных проявлений. При слабости механизмов социального контроля – внутреннего и внешнего, благодаря которому обеспечиваются целостность и устойчивость культурных норм, асоциальность приобретает угрожающие размеры: императивность социально-культурных установок замещается требованиями прагматического свойства и целесообразности, понимаемой как соответствие историческому моменту и экономической ситуации.

В потоке времени и в ситуации неопределенности целей, обусловленной во многом разворачивающейся во всех сегментах социума конкурентной борьбой, происходит конфликт индивида с внешней средой и с самим собой, и это неизбежно приводит к аномии. Этому благоприятствует и то, что ею оказывается пронизана и сама структура общества во всех своих подсистемах. Аномичный хаос и связанные с ним негативные процессы различного рода формируют широкое пространство социальной деструкции, когда свобода во всем своем многообразии – как возможность выбора и самовыражения, активного социального действия, ориентированного на самоутверждение, – оказывается предельно ограниченной.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ckp.ru/biblio/d/dur_labour.htm. (дата обращения: 07.09.2016).

2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socioline.ru/files/5/88/6_durcheim–samoub.doc. (дата обращения: 17.09.2016).

3. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. 272 с.

4. Мещерякова Н.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3(27). С. 104–113.

5. Плетнев А.В. Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета. 2010. № 124. С. 353–356.

6. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 88–92.

ANOMIE AS A SOCIAL PHENOMENON

M.D. Napso

North-Caucasus State Academy for the Humanities and Technology, Cherkessk

This paper considers the social nature of anomie and the factors that determine the expansion of the space of anomie and deviation. We reveal that the social content of anomie depends on the conditions of social practice and examine the reasons for the mismatch of value conceptions leading to the manifestations of cultural anomie. The impact of anomie on mass and individual consciousness is also examined. The risk that anomie presents for the functioning of society and its institutions is analyzed. The complexity of the phenomenon of anomie is highlighted, and the need is stressed for its comprehensive research by the whole complex of social and humanitarian sciences and the use of interdisciplinary approaches.

Keywords: anomie, deviation, social differentiation, social alienation, deprivation, suicide, risk.

УДК 316.1

МОДЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФОРМЫ СУПРУЖЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

© 2017 г.

Н.Ю. Егорова, Г.Л. Воронин

Егорова Надежда Юрьевна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nadegorova@yandex.ru
Воронин Геннадий Леонидович, д.соц.н., доц.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
voroninglmail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2017
Статья принята к публикации 26.07.2017

На основании демографической статистики и данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) рассматриваются тенденции, определяющие формирование новых стратегий выстраивания семейного/ брачного поведения, способствующие разнообразию форм супружества: зарегистрированного/незарегистрированного, первобрачного/повторного. Анализируются социально-демографические характеристики супругов/партнеров, с помощью дискриминантного анализа выделяются наиболее значимые социальные, демографические, экономические факторы, определяющие принадлежность индивида к той или иной семейной группе. Результаты дают основание говорить, что в числе сожителей проще оказаться представителям низкостатусных групп: с низким уровнем образования, невысоким доходом, неработающим и т.д. «Качественные» характеристики отношений (продолжительность проживания, число детей) также стали важным дифференцирующим показателем состоящих в официальном браке и сожительствующих супругов. Длительный союз, бо́льшее число детей скорее является признаком брака, чем сожительства.

Ключевые слова: формы супружества, брак, сожительство, социально-демографические характеристики супругов/ партнеров.

Признаки перестройки семейных отношений, медленные трансформации супружеского/репродуктивного поведения стали заметны, в том числе в России, уже во второй половине XX столетия. Негативная динамика показателей семейного поведения в конце прошлого века в нашей стране заставила отечественных исследователей обратить более пристальное внимание на семью, супружество, родительство, выдвинуть гипотезы относительно причин таких резких изменений [1]. Данные процессы часто связывались со сложной социально-экономической и политической ситуацией в стране в 90-х гг. Однако относительная ее стабилизация не привела к возврату к прежним вариантам супружеского и репродуктивного поведения, а, скорее, высветила появление новых моделей, которые заняли прочное место в стратегиях поведения индивида в приватном пространстве. В данном контексте речь пойдет о трансформациях супружества, по мнению ряда авторов, определяющих, в целом, характеристики семейных отношений [2]. Особенностью современного супружества становится разнообразие его форм и, как следствие, расширение пространства, в рамках которого реализуется взаимодействие мужа и жены, выходя за пределы привычных брачных/зарегистрированных практик и способствуя распространению незарегистрированных союзов /сожительств как одного из вариантов существования семьи.

Сожительство, как и другие аспекты семейных изменений, неоднозначно оценивается российскими социологами и демографами. Для сторонников концепции кризиса моногамии такие явления – еще одно доказательство деградации и разрушения веками существовавших и обеспечивающих стабильность общества устоев традиционной семьи [3]. Существование незарегистрированных семей воспринимается как связанное с кризисным состоянием общества. Так, Л.В. Карцева считает, что изменения в институте семьи, в том числе и распространение сожительств, – своеобразная адаптивная брачно-семейная стратегия в социально-экономических условиях современной России. «Сужение структуры семьи, как и ограничение спектра и объема выполняемых ею функций, необходимо рассматривать как стратегии негативной адаптации к условиям социальных реформ. Более того, в настоящих условиях действует закон центробежной силы: чем выше уровень дестабилизации общества, тем активнее идет процесс дезинтеграции социальных институтов, взаимосвя-

занных с институтом семьи, тем сильнее семья как малая социальная группа стремится освободиться от социального контроля и обрести неформальный статус либо в формальных рамках, либо вне его» [4, с. 94]. В рамках трансформационной парадигмы [5, 6] «многообразие организации семейной жизни современного человека – один из элементов сегодняшней семейной системы…», результат перехода моногамной семьи от традиционной / патриархальной модели к современной / эгалитарной, отвечающей потребностям личности в индустриальном и постиндустриальном обществах, и неинституциональный характер связи вполне встраивается в описание супружества «как личностного взаимодействия мужа и жены, регулируемого и поддерживаемого принципами и нормами, выработанными в процессе такого взаимодействия» [7, с. 85].

Сегодня сожительство все чаще становится объектом отечественных исследований, хотя пока они немногочисленны, а результаты их противоречивы. С одной стороны, анализ подобных союзов чаще осуществляется исходя из положений трансформационной концепции. Сожительство в этом случае – стремление выстроить отношения, основанные на партнерстве, понимании, равенстве [8, 9], отсутствие регистрации не мешает партнерам заботиться друг о друге и о детях, считать себя такой же семьей, как и в случае наличия штампа в паспорте [10, с. 51–60]. С другой стороны, отказ от регистрации часто связан с материальными проблемами [10, с. 51–60], а следовательно, может быть характерен для стратегии действий определенных, точнее, нуждающихся, низкостатусных групп. Кроме того, только молодежное сожительство оказывается столь неоднородным, что часть пар вполне может отвечать критериям «продвинутости», а другие живут вместе, больше исходя из соображений удобства, возможности снизить материальные затраты (например, на жилье) [11]. Противоречивость подобных практик подчеркивается и при оценке восприятия населением консенсуальных союзов [12, 13]. Безусловно, сожительство как альтернативная форма современного супружества в России нуждается в дальнейшем подробном анализе.

Цель данной работы – сравнение основных характеристик различных семейных групп (зарегистрированных или нет) и построение модели, позволяющей выявить дифференцирующие признаки браков и сожительств и определить принадлежность индивида к той или иной группе с учетом социально-демографических характеристик.

Методика исследования

Первые возможности предоставляют мониторинговые исследования, где инструментарий включает вопрос о наличии / отсутствии регистрации отношений. В рамках данной статьи в качестве эмпирической основы используются данные Всероссийских переписей населения, а также мониторинга социально-экономического положения населения РФ[1], проводимого с 1994 г. по настоящее время. В целом, в рамках данной статьи анализировались репрезентативные базы (индивидуальные опросы) начиная с 1998 г., когда в вопрос о семейном положении был включен вариант ответа о регистрации брака. Последние используемые данные собраны в 2015 г. В ряде случаев учитывались только данные более поздних опросов, что связано с отсутствием интересующих нас вопросов в ранних версиях индивидуальных опросников. Данные обработаны с помощью пакета IBM SPSS Statistics, V21.

Результаты исследования

Сожительство: какое оно? Анализ основных характеристик

Включение в микроперепись 1994 г. вопроса о регистрации брака впервые позволило статистически оценить степень распространения сожительств в России. Согласно данным середины 90-х гг., доля проживавших вместе как семья, но без регистрации составляла 7%. К 2002 г. она увеличилась до 10%, в 2010 г. достигла 13%. По материалам последней микропереписи населения (2015 г.), ситуация существенно не изменилась: каждая 8-я пара не зарегистрировала свои отношения (рассчитано авторами по данным [14]). Выборочные опросы показывают еще большую степень распространения сожительств в нашей стране. Так, согласно данным *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ,* в 1998 г. доля проживающих совместно без регистрации фиксировалась на уровне 10%, в 2002 г. – 14%, в 2010 г. – 17%. Судя по данным, в последние пять лет ситуация оставалась стабильной, и к 2015 г. в незарегистрированном супружеском союзе находилась почти каждая 5-я пара (см. табл. 1). Тенденция устойчива и очевидна: наблюдается медленный рост сожительств, причем фактически во всех исследуемых возрастных подгруппах.

То же исследование показывает, что за исследуемые десятилетия сожительство заняло прочные позиции, как минимум в качестве пробного брака. Так, по данным 24-й волны (2015 г.), среди тех, кто зарегистрировал супружество до 1970–1980-х гг., доля начавших семейную жизнь с совместного проживания (сожительства) была минимальна и составляла не более 10–15%. В течение следующих двух

Таблица 1

Доля респондентов, живущих без регистрации, в общем числе супружеств, %[2]

Год опроса	Возраст респондентов					Всего
	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
1998	17	11	9	7	7	10
2000	20	13	10	7	7	11
2001	23	15	10	10	7	13
2002	28	16	11	10	8	14
2003	27	16	14	10	8	15
2004	29	19	12	10	8	15
2005	26	18	12	11	7	14
2006	25	17	12	12	9	14
2007	24	18	14	12	9	15
2008	23	14	12	12	10	14
2009	29	17	14	12	12	16
2010	32	18	15	12	10	17
2011	30	18	17	13	10	17
2012	31	18	17	13	9	17
2013	31	19	16	13	9	17
2014	33	18	17	14	10	17
2015	35	18	17	14	9	17

Таблица 2

Наличие/ отсутствие сожительства до брака (с учетом года вступления в брак), %

Год заключения брака	Не жили вместе до брака	Продолжительность сожительства				
		Меньше года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 лет до 10 лет	От 10 лет и больше
1969 и ранее	90	6	2	1	1	-
1970–1979	85	12	3	-	-	-
1980–1989	77	14	5	2	1	1
1990–1999	63	19	12	4	1	1
2000–2009	37	23	21	8	6	5
2010–2015	28	28	22	8	7	7
Всего	62	18	11	4	3	2

Разница статистически значима с использованием критерия χ^2 при $p<0.001$.

Таблица 3

Наличие сожительства до брака (с учетом года опроса), %

Год проведения опроса	Жили до брака без регистрации	Не жили до брака без регистрации
2009	31	67
2010	33	67
2011	35	65
2012	38	62
2013	37	63
2014	39	61
2015	39	61

десятилетий она выросла почти в 3 раза и достигла 40%, а в первые десятилетия XXI века респонденты, регистрирующие семью без проверки отношений на прочность, остались в меньшинстве, их оказалось 28%. Продолжительность пробных отношений, как правило, не превышает 2–3 лет, что вполне укладывается в оптимальный срок ухаживания. Большинству пар независимо от года регистрации, видимо, этого периода вполне достаточно, чтобы определиться с выбором будущего супруга. Гораздо реже (в 7–10 случаях из 100) и только в последние годы парам требуется больше 5 лет, чтобы осознать правильность принятого решения. Фактически пары, живущие столь продолжительное время, мало перспективны с точки зрения формирования официальной семьи (см. табл. 2).

Положительная динамика прослеживается и при анализе групп состоящих в браке в разные годы опроса. За шесть лет (с 2009 по 2015 г.) доля начинающих семейную жизнь с проживания без официальной регистрации отношений постоянно увеличивалась и выросла на 8%: с 31% до 39% (см. табл. 3).

Стоит отметить, что совместное проживание далеко не всегда заканчивается регистрацией супружества, некоторые пары так и живут вместе, официально не закрепляя семейный статус.

Таблица 4

Продолжительность сожительства (на момент исследования)

Продолжительность	Кол-во, %
Меньше года	13
От 1 до 3 лет	20
От 3 до 5 лет	12
От 5 до 10 лет	19
От 10 до 15 лет	13
15 лет и больше	23

Таблица 5

Число детей в сожительствах (с учетом стажа совместной жизни), %

Число детей	Продолжительность сожительства						
	Меньше года	1–3 года	3–5 лет	5–10 лет	10–15 лет	15 и больше	Всего
Нет детей	55	58	48	24	22	7	33
Один	30	26	28	30	44	43	34
Двое	13	13	13	32	26	33	23
Трое и больше	2	3	11	14	8	17	10

Анализ данных различных лет мониторинга (2009–2015 гг.) показывает, что средний стаж сожительств достаточно высок – 8–9 лет, что делает невозможным рассмотрение таких союзов исключительно как пробных. Более того, данные 24-й волны (2015 г.) дают основания говорить, что половина сожительств, скорее всего, так ими и останутся из-за уже слишком длительного периода совместной жизни – более 5 лет (см. табл. 4). Учитывая продолжительность (до 3 лет), только у трети сожителей отношения можно считать «пробными». В остальных случаях сожительство плавно переходит в устойчивый вариант, становясь альтернативой зарегистрированной семье. Максимальный стаж сожительства, согласно данным, составил 63 года, а в 95% случаев предельная граница продолжительности отношений достигала 31 года. Таким образом, сожительство как форма семейных отношений существует в России уже не одно десятилетие.

Значительная продолжительность незарегистрированных супружеских отношений подразумевает возможное наличие в них детей, что и подтверждает исследование. Данные 24-й волны (2015 г.) показывают, что длительность отношений связана с наличием/количеством детей в семье. В «пробных браках» меньше половины сожителей имеют детей, чаще всего одного. У 80–90% сожителей «со стажем» есть дети, иногда не по одному. В целом же треть сожителей являются бездетными, еще треть имеют одного ребенка, почти четверть – двоих и только каждый 10-й – троих и больше (см. табл. 5).

К сожалению, данные индивидуальных опросников не дают нам ответа на вопрос, рождены ли дети в рамках актуальных союзов, проживают ли вместе с родителем. Учитывая факт распространения сожительств среди различных групп с точки зрения предыдущего брачного статуса, скорее всего, нет. Согласно данным 2015 г., только половина (49%) сожителей никогда не состояли в браке, для другой половины опыт семейной жизни не является первым: 42% сожителей разведены, 9% – вдовые. В среднем самые низкие показатели детности имеют именно добрачные сожители – 0.6 ребенка против 1.6 в группе имеющих опыт предыдущих отношений. Согласно данным, сожительство является наименее детной формой среди различных вариантов супружества, включая повторное. Среднее количество детей в незарегистрированных парах значительно ниже, чем в брачных, с учетом всех лет анализа – 1.2 ребенка в среднем в сожительстве против 1.7 в браке. Возможно, из-за неопределенности/неустойчивости отношений репродуктивные установки в таких союзах полностью не реализуются, а может, планы сожительствующих относительно количества детей вообще не столь высоки.

Итак, сегодня мы можем говорить о сожительстве как о статистически значимой альтернативе брачной семье, которая становится, с одной стороны, еще одной формой существования супружества и, учитывая факт наличия детей в таких союзах, семьи, а с другой стороны, элементом стратегии выстраивания семейного поведения, делая существовавшую на протяжении столетий цепочку «брак – сексуальность – прокреация» необязательной. Тем не менее говорить о том, что сожительство заменяет привычные формы и модели существования индивида в семейном пространстве, тоже не стоит, даже если речь идет о рассмотрении незарегистрированных союзов как пробных отношений. По-прежнему часть россиян сразу регистрируют отношения, а большинство живет в браке, используя традиционную стратегию брачного поведения.

Таблица 6

Уровень образования мужчин/женщин, состоящих в браке и сожительстве (с учетом наличия детей), %

Уровень образования	Всего		Есть дети		Нет детей	
	Брак	Сожит-во	Брак	Сожит-во	Брак	Сожит-во
Незаконченное среднее	12	19	12	19	11	19
Среднее общее	31	35	32	39	25	26
Среднее специальное	25	26	26	25	26	28
Высшее	32	20	30	17	38	27

Социально-демографические факторы определения формы супружества: описание модели

В условиях разнообразия форм семьи, выработки и распространения новых брачных стратегий актуальным становится вопрос о факторах и группах, предпочитающих ту или иную модель поведения. Есть ли действительно специфика сожителей и вступающих в брак либо тенденция распространения сожительств затрагивает все без исключения слои российского общества? Предполагая, что среда, в которой формируется индивид, его социальное положение / статус, может определять действия, в том числе выбор модели семейного поведения, постараемся, учитывая социально-демографические характеристики, определить, есть ли признаки, на основании которых индивида можно причислить к группе сожителей или состоящих в браке.

Предварительный анализ данных 24-й волны (2015 г.) показывает, что между группами респондентов с разным брачным статусом (зарегистрированным или нет) существуют отличия. Так, сожители моложе, чем состоящие в браке. Средний возраст в группах 42 и 49 лет соответственно. Доля сожителей среди самых молодых возрастных групп (20–29 лет) максимальна (см. выше табл. 1). Тем не менее считать, что «сожительство – удел молодых», неверно. Половина сожителей старше 40 лет, почти трети (31%) больше 50.

Средний доход сожителей в целом ниже, чем состоящих в браке, хотя не всегда эта разница предполагает серьезные разрывы. Так, при сравнении в целом состоящих в браке и сожителей разница в доходах оказалась невелика и колебалась от 0.49 до 2.2 тыс. руб. (доверительный интервал 95%) при средних доходах 21.0 и 19.7 тыс. руб. соответственно. Сравнение детных и бездетных партнеров демонстрирует более серьезные различия. Разница в доходах есть и в первом, и во втором случаях. Но когда речь идет о сожителях / состоящих в браке с детьми, становится более заметной и значимой. В 95% случаях расхождения в средних находятся в пределах от 1.0 до 2.8 тыс. рублей при средних доходах 19.0 и 20.9 тыс. руб. соответственно.

Оценка уровня образования дает похожую картину. Сожители чаще оказываются в группах с более низким уровнем образования (см. табл. 6). Только 46% сожителей имеют профессиональное образование (среднее специальное или высшее), среди состоящих в браке таких большинство (57%). Но группой с самым низким уровнем образования оказываются сожители, воспитывающие детей. Только 42% из них имеют профессиональное образование (среднее специальное или высшее), а значит, теоретически большую возможность более высокого дохода. Среди брачных пар с детьми таких большинство (56%). Каждый 5-й состоящий в сожительстве и имеющий детей против каждого 8-го в браке имеет незаконченное среднее образование, а 39% против 32% имеют только школьное образование.

Вместе с более низким уровнем образования сожители, воспитывающие детей, обладают и более низким профессиональным статусом. Среди них почти на треть меньше (39% против 27%) специалистов высшего и среднего уровней и в два раза больше (5% против 11%) неквалифицированных рабочих. Если среди родителей, состоящих в браке, это почти каждый 10-й (9%), то среди родителей без регистрации супружества – почти каждый 5-й (17%).

Расчеты, сделанные на основании данных других лет мониторинга [15, 16], также показывают, что социально-демографические характеристики являются значимым дифференцирующим признаком сожителей и состоящих в браке. Для подтверждения гипотезы о статусных различиях лиц, состоящих в браке, и лиц, состоящих в незарегистрированных союзах, был проведен дискриминантный анализ, где в число независимых переменных были включены, во-первых, доход респондента, уровень образования, наличие работы (дихотомическая шкала – отсутствие / наличие работы), количество лет, потраченных на получение образования, количество рабочих часов в неделю, место проживания (преобразованная из номинальной порядковая шкала: 1 – областной центр, 2 – город, 3 – ПГТ, село). Во-вторых, в модель были введены параметры, отражающие не только статус респондента, но и качественные характеристики самого супружества: наличие / количество детей (от «0» – нет детей до «3» – трое и более детей); продолжительность проживания (как было пока-

Таблица 7

Коэффициенты канонической дискриминантной функции

Переменные, включенные в анализ	Коэффициенты
a. Количество полных лет	–0.078
b. Наличие работы	0.208
c. Место проживания	0.104
d. Законченное образование (группы)	0.208
e. Сколько всего денег в течение последних 30 дней Вы лично получили, считая все: зарплату, пенсии, премии, прибыли, пособия, материальную помощь, случайные заработки и другие денежные поступления?	0.0000043199
f. Количество детей	0.408
g. Количество лет, потраченных на образование	0.039
h. Продолжительность совместного проживания с партнером/партнершей, мужем/женой (мес)	0.010
Константа	–1.411

Таблица 8

Функции в центроидах групп

Наличие регистрации супружества	
Брак	0.270
Сожительство	–1.178

зано выше, они также могут считаться самостоятельными дифференцирующими признаками партнерств разных форм), а также возраст опрашиваемого.

В результате расчетов в анализе оказались практически все предварительно заявленные переменные (см. табл. 7) и 7976 наблюдений (из них 6488 – состоящие в браке; 1488 – сожители). Полученная функция правильно классифицирует 77.1% наблюдений.

На основании полученных коэффициентов составим уравнение, позволяющее включить респондента в ту или иную группу (состоящий в браке / сожительстве): $f = -0.078a + 0.208b + 0.104c + 0.208d + 0.0000043199e + 0.408f + 0.039g + 0.010h - 1.411$.

Оценка результатов расчетов определяется показателями функции в центроидах групп (см. табл. 8). Сожителями окажутся те, чей показатель будет меньше арифметического среднего (т.е. меньше –0.45402), состоящими же в браке – соответственно, наоборот.

Как видно из уравнения, социальные характеристики будут играть серьезную роль и определят попадание респондента в ту или иную группу. Положительные коэффициенты, связанные с данными параметрами, означают, что высокий уровень образования и, соответственно, большее количество потраченных на него лет, наличие работы, высокий уровень дохода будут приближать человека к группе состоящих в браке.

В то же время, видимо, большая анонимность городской среды способствует и большему распространению сожительств в областных центрах и городах. Сохраняющийся контроль в сельской местности и, возможно, более традиционные нормы в сфере семейно-брачных отношений делают негородских жителей приверженцами брачной модели.

Если оценивать переменные, включенные в анализ как качественные характеристики супружеств, полученная функция говорит не в пользу сожительства. Длительность, а значит, и стабильность отношений, наличие детей / большего количества детей становятся признаками скорее брака, чем сожительства (и в том, и в другом случае коэффициенты функции положительны).

Первоначально несколько выбивается из общей картины отрицательный коэффициент переменной возраста. Получается, что чем моложе респондент, тем вероятнее он будет состоять в браке, и, наоборот, чем старше, тем ближе к сожительству. Учитывая тесную связь возраста, например, с продолжительностью отношений, такой показатель становится объясним. Если мужчина или женщина молоды, то долго проживать в партнерстве еще не могут, определяющими здесь станут другие характеристики. Если же речь идет о принадлежности к старшей возрастной группе, то большой стаж совместного проживания будет говорить скорее в пользу брака, небольшой – в пользу сожительства.

Выводы

Безусловно, появление и распространение сожительств делает супружество разнообразным, расширяя его границы: рядом с брачной семьей оказываются новые варианты супружеских отношений, которые могут оцениваться по-разному. По своему функциональному потенциалу такие союзы становятся все ближе к браку: это не только выбор партнера на этапе ухаживания и удовлетворение потребности в близости / интимности, пары могут на протяже-

нии многих лет жить вместе без регистрации, рожать и воспитывать детей.

В то же время анализ, проведенный в рамках статьи, показывает: сожительства и браки следует пока рассматривать как разные модели семейных отношений. Приближаясь к браку, сожительство все-таки оказывается отличным от него. Судя по результатам данного исследования, среди живущих без регистрации брака более вероятно оказаться представителям низкостатусных групп: с невысоким уровнем образования, небольшим доходом, без постоянной работы и т.д. Это делает тенденцию распространения сожительств скорее адаптивной стратегией людей из «малоресурсных» социальных групп. Кроме того, с точки зрения отдельных характеристик «качества супружеских отношений»: детности союза, длительности совместной жизни – официально зарегистрированный брак ближе к представлениям о стабильных семейных отношениях.

Примечания

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms).

2. Из таблицы исключены возрастные группы до 20 лет из-за небольшого числа совместно проживающих (с регистрацией или без).

Список литературы

1. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. Жизненные миры современной семьи: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

2. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // СОЦИС. 2008. № 1. С. 40–49.

3. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования (электронный журнал). 2014. Апрель. URL: https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273 (дата обращения: 24.03.2017).

4. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // СОЦИС. 2003. № 7. С. 92–99.

5. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

6. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

7. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С. 74–87.

8. Шпаковская Л.Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 3–16.

9. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. 2005. №1. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 31.03.2017).

10. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.

11. Егорова Н.Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 12–21.

12. Богданова Л.П., Щукина А.С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // СОЦИС. 2003. № 7. С. 100–104.

13. Исупова О. Российские консенсуальные союзы XXI века // Мониторинг общественного мнения. 2015. 2(126). С. 153–164.

14. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru.

15. Егорова Н.Ю. Отсутствие регистрации супружеских отношений: семейная стратегия низкостатусных групп? // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. 10696 с. (DVD ROM).

16. Егорова Н.Ю. Социально-демографические характеристики сожителей и состоящих в браке: есть ли разница? // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке: Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского 10–12 ноября 2016 года / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 612–614. URL: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100.pdf (дата обращения: 30.04.2017).

A MODEL FOR DETERMINING MARRIAGE FORM: SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS

N.Yu. Egorova, G.L. Voronin

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper analyzes some trends that determine the formation of new strategies for building family/marriage behavior and diversity of marriage forms (marriage/cohabitation, marriage/remarriage). The study is based on demographic statistics and on the data of the Russian monitoring of economic situation and public health (*RLMS-HSE*). Socio-demographic cha-

racteristics of spouses/partners are analyzed; discriminant analysis reveals the most significant social, demographic, economic factors that determine the individual's belonging to a particular family group. The results suggest that cohabitation is more common in low-status groups: among those with a low education level, low income, unemployed, etc. The «qualitative» characteristics of the relationship (duration of living together, number of children) are also an important differentiating indicator for married and cohabiting spouses. A longer period of living together and a greater number of children are more likely to be the signs of marriage rather than cohabitation.

Keywords: forms of marriage, marriage, cohabitation, socio-demographic characteristics of spouses/partners.

УДК 316.334.22

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ РАБОТНИКОВ ВУЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2017 г. ***Н.Н. Буреева, М.С. Козлова, И.Э. Петрова, М.А. Тухватуллина***

Буреева Наталья Николаевна, к.ф.-м.н., доц.; начальник управления персонала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bureeva@unn.ru
Козлова Мария Сергеевна, к.х.н.; заместитель начальника управления персонала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kozlova@chem.unn.ru
Петрова Ирина Эдуардовна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irinapetrova@cmail.ru
Тухватуллина Марина Александровна, к.соц.н., доц.; ведущий специалист по кадровой работе
отдела кадров сотрудников управления персонала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
uk@unn.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2017
Статья принята к публикации 27.07.2017

Представлены результаты социологического исследования, проведенного в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского с целью оценки организационной лояльности и удовлетворенности трудом, построения мотивационного профиля и выявления особенностей трудовой мотивации различных категорий работников вуза. Выполнен анализ факторов, оказывающих влияние на степень лояльности работников к организации, уровень удовлетворенности работой и мотивации трудового поведения. Установлено, что в целом респонденты демонстрируют средний уровень удовлетворенности условиями труда в университете; основными мотивами их трудовой деятельности являются потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении, потребность в ощущении востребованности выполняемой работы и в завоевании признания со стороны других людей. Отмечено, что организационная лояльность работников университета относится к эмоциональному (аффективному) типу привязанности к организации, они испытывают теплые чувства к университету и значительный психологический дискомфорт при возникновении необходимости сменить место работы. Полученные данные коррелируют с результатами исследований, проводимых в других вузах, что свидетельствует о наличии устоявшейся тенденции. Анкета, использованная в исследовании, разработана коллективом кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при участии доктора исторических наук, профессора З.Х. Саралиевой и кандидата социологических наук, доцента С.А. Судьина.

Ключевые слова: лояльность, удовлетворенность, мотивация, мотивационный профиль.

Введение

Российские вузы в настоящее время находятся в глобальной конкурентной среде. Выход на мировые рынки вузовского образования и производства научной продукции был нелегок, и государственная интервенция оказала существенную помощь ведущим российским вузам в позиционировании себя в международных рейтингах.

Как подчеркивают российские исследователи, конкурентоспособность страны начинает зависеть от экспорта образовательных услуг, потому что они «продвигают» на внешний рынок одновременно социальные, технологические и экономические стандарты [1].

Вместе с тем глобальная конкурентная среда предъявляет новые требования к работе с персоналом вузов. Формирование качественно нового корпуса сотрудников прежде всего основано на повышении мотивации к работе в вузе.

Многочисленные исследования в России и за рубежом посвящены этой теме. Исследование вузов Австралии показывает, что персонал, демонстрирующий большую успешность, более мотивирован на работу и достижение высоких целей [2]. Анализ работы с персоналом в европейских университетах показывает, что рационально-экономическая модель, социальная модель, модель самоактуализации и комплексные модели мотивации служат основой для формирования мотивации персонала как центрального

вопроса в развитии вуза. В качестве основных экологических факторов рассматриваются, в том числе, разнообразие опыта персонала и ролей, личной автономии и организационной структуры [3]. Сохранение высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава в условиях глобальной конкурентной среды является трудной задачей для руководства вуза. Анализ зависимости мотивации работы персонала с помощью отношения вышестоящего сотрудника в вузах Индонезии показывает, что связь между стилями руководства и мотивацией труда является значительной [4].

Тайваньские исследования выявляют сильную степень связи между удовлетворенностью трудом и мотивацией труда сотрудников вузов. Исследование сосредоточено на специфике мотивации труда в негосударственных и, особенно, частных университетах. По их мнению, сотрудники частных вузов более удовлетворены межличностными отношениями и саморазвитием [5].

Исследование удовлетворенности условиями труда сотрудников вуза становится непременным и регулярным действием современного менеджмента в Европе и США. Множество университетов публикуют отчеты по результатам опроса своих работников и учтывают их мнение в формировании кадровой политики [6].

Формирование системы мотивации персонала вузов современной России

В связи с постоянно действующей реформой российского высшего образования исследования трудовой мотивации и удовлетворенности трудом работников вузов в современной России проводят представители социологии, психологии, педагогики, а также юристы и экономисты. Во многом этому способствовали меры поддержки конкурентоспособности вузов Правительством РФ: предоставление статусов федеральных, национальных исследовательских, опорных университетов; программа «5-100»; конкурсы на получение мегагрантов.

«Дорожные карты» вузов, получающих эти меры поддержки, сформированы в последние пять лет и включают разнообразные способы работы с персоналом вузов. Целью является оптимизация состава персонала, совершенствование кадрового потенциала и повышение мотивации трудовой деятельности и лояльности сотрудников к вузу.

Российские ученые раскрывают различные аспекты трудовой мотивации и удовлетворенности трудом сотрудников вузов разных регионов России. Следует подчеркнуть непропорционально большое количество научных трудов, посвященных изучению факторов и способов формирования систем мотивации труда, в ущерб оценке удовлетворенности трудом различных категорий вузовского персонала.

О.П. Денисова описывает зависимость эффективности работы высшей школы от профессиональной успешности сотрудников вуза [7].

И.Н. Забелина и И.О. Трубина отмечают важность влияния научных школ на формирование позитивной мотивации персонала вузов. Авторы подчеркивают значимость нематериальных стимулов в трудовой мотивации сотрудников вузов, в том числе мотивы, связанные с содержанием и условиями труда [8].

Л.Ф. Красинская исследует изменение трудовой мотивации преподавателей вузов в условиях оптимизации высшего образования. Автор считает, что отношение преподавателей вузов к работе изменяется в связи с непрерывным мониторингом деятельности вузов, нескончаемыми министерскими проверками, ожиданием закрытия вуза или его присоединения/реформирования. Результаты исследования трудовой мотивации преподавательского состава подтверждают ухудшение ее почти в половине случаев, а в качестве основных негативно влияющих факторов называются резкое увеличение учебной и учебно-методической нагрузки, невысокая заработная плата, усиление бюрократических процессов в системе образования и возрастание количества отчетной документации. Как подчеркивает ученый, по сравнению с подобным опросом 2010 г., респонденты отмечают снижение значимости внутренних стимулов – сузились возможности творчества в работе, реализации индивидуальных способностей, уменьшается стремление заниматься наукой и передавать опыт подрастающему поколению, исчезает благоприятный психологический климат в коллективе. Большинство преподавателей, участвующих в опросе 2017 г., отрицательно относятся к введению балльно-рейтинговой системы. Респонденты указывают на «огромную диспропорцию в оплате труда управленческого и профессорско-преподавательского состава» и отмечают, что при переходе к системе эффективных контрактов эта разница только увеличится [9].

О.К. Минёва фокусирует внимание на изучении мотивации труда неучебного персонала российских вузов. Она справедливо отмечает, что основным предметом исследований российских ученых в последние десятилетия становится трудовая мотивация преподавательского состава, в то время как большую часть сотрудников вузов составляет неучебный персонал. В условиях действия бессрочных договоров возникает проблема старения персонала – методистов,

бухгалтеров, экономистов. В отличие от преподавателей, представителей неучебного состава сотрудников вдохновляют «гигиенические», по классификации Ф. Герцберга, мотивы – величина заработной платы, стабильность и надежность вуза, льготное обучение членов семьи, близость к дому. Автор считает важным формирование современной системы трудовой мотивации неучебного персонала в российских вузах [10].

В.Г. Белов с соавторами исследуют мотивационные характеристики, в том числе социально-психологические установки профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения [11].

О.М. Сафонова исследует особенности трудовой мотивации кадрового состава экономических вузов, выделяя бо́льший, чем в других сферах, разрыв между профессионалами и теми, кто их учит, в размере заработной платы и условиях труда [12].

Л.А. Кавешникова, М.С. Агафонова указывают, что «мотивация является определяющим фактором эффективности профессиональной деятельности преподавателя высшей школы и необходимым условием качества и уровня эффективности процесса обучения в целом» [13].

Д.Н. Соколов анализирует эффективность мотивации персонала с точки зрения системы взаимных обязательств, внесенных в трудовой договор. Автор справедливо подчеркивает важные особенности трудовых отношений в вузах: наличие академических свобод, сложная структура иерархии и большое количество начальствующих субъектов сообразно большому количеству видов деятельности. Ученый формирует систему приоритетов среди взаимных обязательств, которая позволяет учесть интересы обеих сторон договора в вузе [14].

М.С. Гусарова и А.В. Копытова исследуют мотивацию и стимулирование трудовой деятельности персонала вуза в рамках реализации кадровой стратегии [15]. Ю.Р. Галиханова определяет мотивы трудовой деятельности как регулятора мобильности научно-педагогических кадров негосударственных вузов [16]. Ю.Н. Карасёва анализирует мотивацию трудовой деятельности преподавателей вузов в контексте становления экономики знаний [17].

С.М. Юсупова проводит оценку удовлетворенности сотрудников, связанную с трудовым коллективом, социальными гарантиями. По ее мнению, наиболее значимыми позитивными факторами удовлетворенности работников вуза являются блоки «оплата труда», «служебная карьера» и «трудовой коллектив». Автор приводит результаты кластерного анализа и определяет две группы респондентов. Более трети сотрудников принадлежат к группе, характеризующейся средней удовлетворенностью оплатой труда, слабой мотивацией со стороны руководства и неудовлетворенностью процессом организации труда, а также низкой оценкой за конечный результат работы. Для второй группы характерны удовлетворенность работой, хорошие отношения с администрацией, взаимоотношения внутри факультета между сотрудниками, желание в будущем работать с руководителем и чувство значимости своей работы. Ученый делает выводы о распространенности представленных мнений и необходимости учета их в стимулировании труда сотрудников вуза [18].

В современных условиях залогом успешной работы на рынке образовательных услуг является постоянное повышение эффективности деятельности вуза. Одним из важнейших критериев, определяющих эффективность работы вуза по всем направлениям деятельности, являются позитивная трудовая мотивация персонала и его удовлетворенность трудом. Оценка организационной лояльности и удовлетворенности трудом, построение мотивационного профиля и выявление особенностей трудовой мотивации различных категорий работников вуза представлены на примере Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Мотивация труда и удовлетворенность трудом сотрудников ННГУ

Социологическое исследование, посвященное оценке удовлетворенности трудом и мотивации труда персонала, было проведено в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в течение 2014 и 2015 г. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики: шкалы измерения лояльности Л. Портера, Дж. Мейера – Н. Аллена, шкалы измерения мотивационного профиля Ф. Герцберга, Ш. Ричи и П. Мартина [19–22]. Опрос сотрудников проводился в три этапа методом анкетирования в форме заполнения печатной анкеты или электронной формы. Апробация инструментария проводилась в 2013 г. и включала опрос 250 человек (около 10% сотрудников университета). Всего в бланк опроса включены 566 переменных, сгруппированных в 138 открытых и закрытых вопросов.

В ходе исследования было опрошено 1396 респондентов (40% мужчин, 60% женщин) из общего числа 2723 человека (51% сотрудников без учета филиалов ННГУ). В целях исследования респонденты были разделены на три группы в соответствии с подразделением, в котором они работают:

а) работники факультетов и институтов;

б) работники управленческих и административно-хозяйственных подразделений;

в) работники общеуниверситетских подразделений.

Существует множество подходов к пониманию и измерению лояльности персонала к организации. В рамках исследования мотивации данный параметр заслуживает особого внимания. Интересная работа является одним из ключевых аспектов в формировании лояльности, следовательно, удовлетворенность работой можно считать устойчивым коррелятором организационной лояльности [23, 24].

Индикаторами лояльности нами выбраны субъективно ощущаемое единство личных и организационных целей, готовность к сверхурочной работе на благо организации, забота о ее судьбе, чувство удовлетворенности выбором организации, ориентация на максимально продолжительную трудовую деятельность. Отрицательными признаками лояльности являются несогласие с политикой руководства, фиксация на монетарных аспектах деятельности, уверенность в том, что организация является лишь одним из возможных вариантов для трудоустройства и самореализации, а также признание решения о работе в организации ошибкой.

В ходе исследования установлена тесная связь между уровнем доходов респондентов и уровнем их лояльности (чем выше уровень доходов, тем выше лояльность сотрудников).

Следует подчеркнуть высокую значимость обратной связи между средним возрастом и стажем работы сотрудников и их организационной лояльностью. Вопреки возможным ожиданиям установлено, что с возрастом и ростом стажа работы в университете уровень лояльности сотрудников к организации падает. Этот факт не может не вызывать озабоченности, поскольку, с одной стороны, может свидетельствовать о том, что со временем у сотрудников университета складывается ощущение нереализованных ожиданий, кроме того, накладывает свой отпечаток и синдром профессионального выгорания.

Важным фактором, способствующим росту организационной лояльности, является обучение в университете. В подразделениях, где более 65% сотрудников окончили ННГУ, установлена очень тесная связь между этим фактом и уровнем организационной лояльности.

Организационная лояльность сотрудников университета выражается в достаточно высокой преданности университету, уверенности в правильном выборе университета среди других возможных работодателей и привязанности к университету (в основном среди бывших его выпускников). Отношение работников к ННГУ соответствует эмоциональному (аффективному) типу привязанности к организации, они рассматривают причастность к университету как принадлежность к семье и желают в дальнейшем здесь работать. Исследование показало, что наибольшую организационную лояльность проявляют сотрудники общеуниверситетских подразделений (управление персонала, бухгалтерия, канцелярия, управление информатизации).

Наряду с лояльностью важнейшим фактором, определяющим эффективность деятельности вуза по всем направлениям, является удовлетворенность работой в вузе. В целом респонденты демонстрируют средний уровень удовлетворенности условиями труда в университете (3.7 балла по 5-балльной шкале). Работники факультетов (институтов), в основном это профессорско-преподавательский состав, демонстрируют бо́льшую неудовлетворенность условиями труда в университете по сравнению с сотрудниками общеуниверситетских подразделений. Весьма негативно сотрудники общеуниверситетских подразделений оценивают график работы. Скорее всего, это связано с необходимостью выполнения поручений в рамках ненормированного рабочего дня. Сотрудники факультетов (институтов) выражают заметное недовольство качеством оснащения учебных аудиторий. Кроме того, в силу территориальной разобщенности учебных корпусов университета профессорско-преподавательский состав подчеркивает недовольство тем, что перемещения между корпусами создают дополнительные трудности. Основной фактор, который снижает общий показатель удовлетворенности условиями труда по всем анализируемым подразделениям, – это малая доступность системы питания.

Помимо удовлетворенности условиями труда в ходе исследования был проанализирован интегральный показатель удовлетворенности работой в университете, который состоял из анализа двух групп факторов:

– во-первых, оценка субъективного уровня восприятия тех или иных характеристик работы в университете, вызывающих или способных вызвать снижение удовлетворенности работой, – факторы снижения уровня удовлетворенности (рисунок 1);

– во-вторых, анализ положительных переживаний, связанных с работой в университете и компенсирующих выявленные негативные факторы, – факторы повышения уровня удовлетворенности (рисунок 2).

Рис. 1. Структура факторов, снижающих уровень удовлетворенности работой

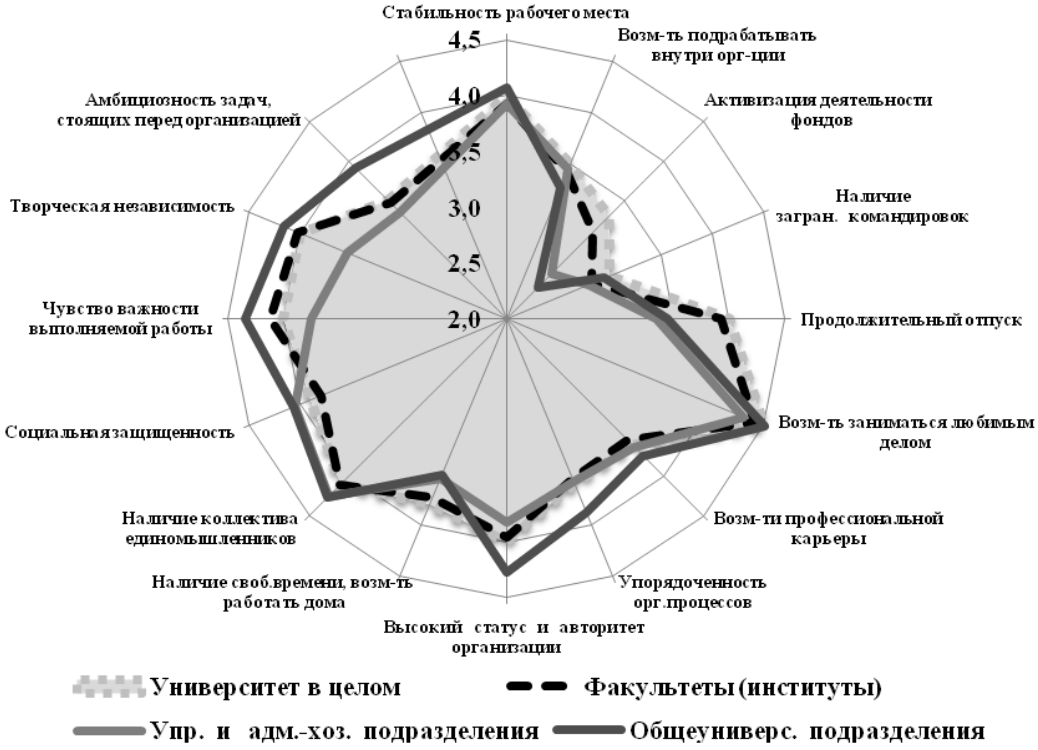
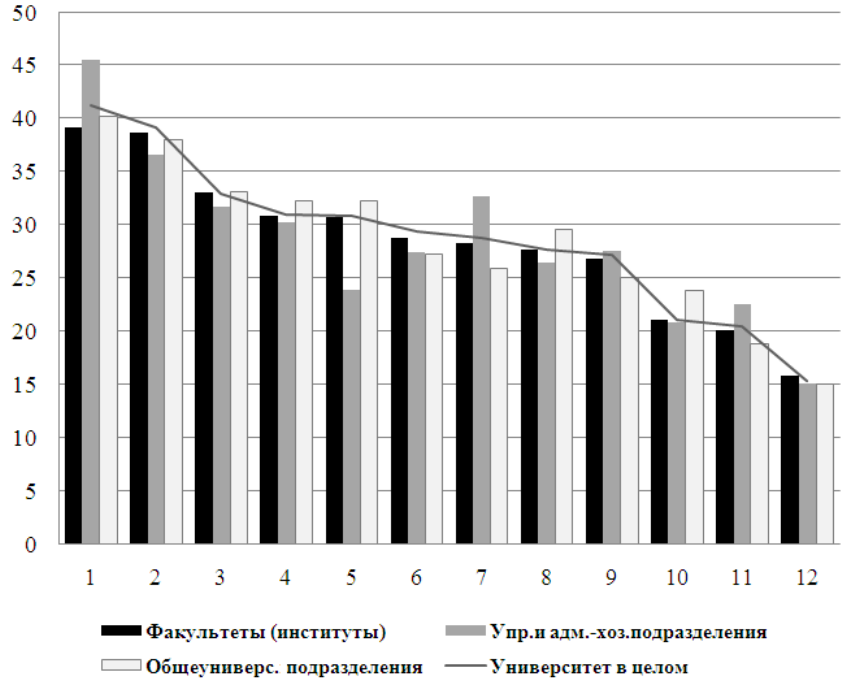


Рис. 2. Структура факторов, повышающих уровень удовлетворенности работой

Как видно из рисунка 1, основным фактором, снижающим уровень удовлетворенности работой, для всех подразделений является низкая оплата труда по сравнению с другими отраслями экономики, а также несправедливое, по мнению работников, распределение финансо-



1 – потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении; 2 – потребность в ощущении востребованности выполняемой работы; 3 – потребность в завоевании признания со стороны других людей; 4 – потребность в совершенствовании, росте и развитии личности; 5 – потребность быть креативным, анализирующим, думающим работником; 6 – потребность ставить сложные цели и достигать их; 7 – потребность в четком структурировании работы, снижении неопределенности; 8 – потребность в разнообразии, переменах; 9 – потребность в хороших условиях работы; 10 – потребность в социальных контактах; 11 – потребность в долгосрочных стабильных взаимоотношениях с коллегами; 12 – потребность во влиятельности и власти

Рис. 3. Структура мотивационного профиля работников ННГУ (в баллах)

вых ресурсов и, как следствие, необходимость постоянных подработок. Структура факторов, снижающих уровень удовлетворенности работой, в зависимости от типа подразделения обладает определенной спецификой. Общеуниверситетские подразделения демонстрируют меньшую озабоченность такими факторами, как высокая конкуренция в коллективе, «сезонный» характер выплат по возмездным научным исследованиям, для них не столь актуальна проблема крайней централизации управленческого процесса. Для сотрудников управленческих и административно-хозяйственных подразделений больше, чем для других подразделений, актуальны проблемы низкой оплаты труда и малых возможностей построения внутриорганизационной карьеры. Сотрудники факультетов (институтов) более критичны в оценках кадровой политики и отношения к ним руководства.

Из анализа рисунков 1 и 2 можно сделать вывод, что работа в университете обладает рядом преимуществ, которые способны перекрыть возможные ощущаемые недостатки (средний балл оценки факторов повышения уровня удовлетворенности составляет 3.8 балла из 5 возможных против 2.8 балла оценки факторов снижения уровня удовлетворенности). Однако отметим неоднородность значимости позитивных факторов для работников различных типов подразделений университета. Возможность участия в грантовой деятельности значима только для научных работников и профессорско-преподавательского состава, поскольку работники административных и общеуниверситетских подразделений в этой деятельности не задействованы. Для работников общеуниверситетских подразделений более значимы ощущение важности выполняемой работы для общества; амбициозность стоящих перед университетом задач; высокий статус и авторитет организации. Профессорско-преподавательский состав отмечает в качестве ощутимого преимущества работы в университете продолжительный отпуск в летнее время.

Наряду с удовлетворенностью трудом важным фактором влияния на эффективность деятельности организации является профессиональная мотивация ее сотрудников. Мотивационный профиль работников университета, сформированный по итогам исследования, представлен на рисунке 3.

Из рисунка 3 видно, что основными мотивами трудовой деятельности работников универ-

ситета являются потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении, ощущение востребованности выполняемой работы и возможность завоевания признания со стороны других людей.

Работники с высокой *потребностью в деньгах*, ориентируясь в основном на материальное вознаграждение, часто игнорируют условия контракта или технологические требования, что может привести к потере управленческого контроля. Такие работники предпочитают трудиться индивидуально, получая деньги за собственные усилия, а коллеги воспринимаются ими как мешающие работе элементы или потенциальные конкуренты. Исследование показало, что потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении больше, чем у других, актуализирована у работников управленческих и административно-хозяйственных подразделений. Кроме того, работники указанных подразделений в большей степени нуждаются в четком структурировании работы, снижении неопределенности. Для них важны четкость поставленной задачи, строгая регламентация деятельности.

На втором месте в структуре мотивационного профиля работников университета находится *потребность в ощущении востребованности выполняемой работы*. Данная потребность в равной степени актуальна для респондентов всех трех групп. Исследования мотивационного профиля свидетельствуют, что среди различных факторов мотивации стремление к интересной и полезной работе имеет наибольшую важность и предоставляет широкие возможности регулирования уровня мотивации. Деятельность работников с высокой потребностью в интересной и полезной работе должна быть организована таким образом, чтобы они могли воспринимать свою работу как «интересную» и «полезную», иначе воздействие других мотивационных факторов становится менее выраженным.

Наконец, замыкает тройку лидирующих потребностей *потребность в завоевании признания со стороны других людей* (исключение составляют сотрудники управленческих и административно-хозяйственных подразделений, для которых на третьем месте стоит потребность в структурировании работы, снижении неопределенности, о чем говорилось ранее). Положительная динамика уровня мотивации наблюдается в случае, если признание проявляется непосредственно после заслуживающих его действий работника, при этом признание заслуг не обязательно должно сопровождаться материальным вознаграждением. Высокие показатели потребности в признании могут служить маркером зависимости работника от одобрения окружающих и значительной неуверенности в себе, неспособности принимать самостоятельные решения. В этом случае для мотивации работника эффективна критика его действий с уверением, что, несмотря на обсуждаемые недостатки, работника все равно ценят, а также персональные рекомендации, направленные на корректировку поведенческих индикаторов работника и способствующие повышению уровня самооценки, независимости и самостоятельности.

Заключение

Результаты проведенного исследования демонстрируют средний уровень удовлетворенности трудом работников университета. Основным фактором, снижающим общий уровень удовлетворенности, является размер заработной платы. Среди факторов оценки условий труда у работников университета вызывают недовольство техническое оснащение рабочих мест (аудиторий – для профессорско-преподавательского состава) и организация системы питания. Вместе с тем возможность заниматься интересной, полезной для общества, творческой работой в организации с высоким статусом и авторитетом вполне компенсирует возможные ощущаемые недостатки и делает университет привлекательным местом работы.

Принадлежность к выпускникам ННГУ существенно влияет на лояльность сотрудников по отношению к университету как работодателю. Вполне объяснимо наибольшей организационной лояльностью обладают сотрудники общеуниверситетских подразделений, которые зачастую олицетворяют собой политику ННГУ в разных сферах деятельности (управление финансов и отчетности, учебно-методическое управление и др.).

Именно профессорско-преподавательский состав демонстрирует бо́льшую неудовлетворенность условиями труда в университете, в том числе качеством оснащения учебных аудиторий. Территориальная разобщенность учебных корпусов университета также является фактором снижения удовлетворенности условиями труда.

По итогам анализа интегрального показателя удовлетворенности работой можно составить рекомендации по формированию системы мотивации персонала университета.

Для повышения мотивации удовлетворенности трудом сотрудников, в структуре мотивации которых *потребность в деньгах* имеет высокие показатели, должна быть обеспечена строгая причинно-следственная связь между усилиями и вознаграждением: чем больше усилий прилагаешь, тем больше можешь заработать.

Для работников с *высокой потребностью в структурировании* хорошим мотиватором будет наличие четкого порядка деятельности или возможности устанавливать этот порядок, в то время как ситуации неопределенности будут вызывать у них стресс. Следует учитывать, что вклад данной потребности в структуру мотивации работников может изменяться во времени и под влиянием обстоятельств, увеличиваясь в периоды неопределенности и перемен и снижаясь в условиях стабильности.

Потребность в ощущении востребованности выполняемой работы в равной степени актуальна для респондентов всех трех групп. При разработке мероприятий, направленных на повышение мотивации персонала, руководителю необходимо учитывать, что именно каждый конкретный работник понимает под «интересной» и «полезной» работой. Восприятие полезности работы можно усилить, разъясняя работникам смысл, ценность и значимость их работы для организации.

Для мотивации работников с высокой *потребностью в признании* можно использовать различные средства удовлетворения указанной потребности: от устной благодарности до материального поощрения. Форма признания зависит от психологии работника, на восприятие проявлений признательности оказывает непосредственное влияние искренность руководителя. Если работник чувствует неискренность, формальность признания, оно может стать демотивирующим фактором (разрушать мотивацию).

В целом, работа в университете обладает рядом преимуществ, которые способны перекрыть возможные ощущаемые недостатки.

Исследование мотивации труда и удовлетворенности трудом персонала должно стать регулярной мерой и научным базисом кадровой политики университета. Мониторинги, проводимые раз в два-три года, могли бы дать объективный срез мнения сотрудников вуза и стать действующим механизмом обратной связи подчиненных с руководством организации.

Список литературы

1. Пузатых А.Н. Российские вузы в современной рейтинговой системе (рейтинг газеты Times и Шанхайского университета) //Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 6 (37). С. 119–121. URL: www.gramota.net/materials/1/2010/6/42.html (дата обращения: 10.01.2017).

2. Rowley J. Motivation and academic staff in higher education // Quality Assurance in Education. 1996. Vol. 4. Iss. 3. P. 11–16. URL: http://dx.doi.org/10.1108/09684889610125814 (дата обращения: 20.12.2016).

3. Bailey J.G. Academics' motivation and self-efficacy for teaching and research // Higher Education Research & Development. 1999. V. 18. Iss. 3. P. 343–359. URL: http://dx.doi.org/10.1080/0729436990180305 (дата обращения: 21.12.2016).

4. Rawungl F.H. The effect of leadership on the work motivation of higher education administration employees (Study at Manado State University)// IOSR Journal of Business and Management. Vol. 15. Iss. 1 (Nov. – Dec. 2013). P. 28–33.

5. Fang-Mei Tai, Po-Yao Chuang. Job satisfaction of university staff. URL: www.hraljournal.com/Page/6%20Fang-Mei%20Tai-%202.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

6. Executive Summary (2015 Employee Engagement and Satisfaction Survey) Helena College University of Montana, USA. URL: http://www.umhelena.edu/aboutmc/institutional_research/docs/2015_CESS_Executive_Summary-2.0.pdf (дата обращения: 21.12.2016).

7. Денисова О.П. Взаимосвязь эффективности работы высшей школы и профессиональной успешности сотрудников вуза // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2(16). С. 379–383.

8. Трубина И.О., Забелина И.Н. Формирование позитивной мотивации персонала вузов в процессе образования и развития научных школ // Креативная экономика. 2011. № 1. С. 30–37.

9. Красинская Л.Ф. Трудовая мотивация преподавателей в условиях оптимизации системы высшего образования: результаты исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 8. № 11. С. 112–114.

10. Минёва О.К. Исследование мотивации труда неучебного персонала российских вузов// Вестник АГТУ. 2006. № 4 (33). С. 46–53.

11. Белов В.Г., Парфенов Ю.А., Косинова Е.П., Грибова И.М. Мотивационные характеристики профессорского-преподавательского состава высшего учебного заведения// Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2014. № 6 (112). С. 24–28.

12. Сафонова О.М. Особенности профессиональной мотивации преподавателей экономических вузов // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 152–156.

13. Кавешникова Л.А., Агафонова М.С. Мотивация преподавателей как основа качества высшего образования // Научное обозрение. Экономические науки. 2016. № 2. С. 78–81.

14. Соколов Д.Н. Анализ обязательств сторон трудовых отношений как направление исследования мотивации персонала в сфере высшего образования// Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление». 2016. № 2. С. 101–104.

15. Гусарова М.С., Копытова А.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала вуза в рамках реализации кадровой стратегии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2014. № 4. С. 14–22.

16. Галиханова Ю.Р. Мотивы трудовой деятельности как регулятор мобильности научно-педагогических кадров негосударственных вузов г. Уфы // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 921–924.

17. Карасёва Ю.Н. Мотивация трудовой деятельности преподавателей вузов в контексте становления экономики знаний // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 4. С. 601–603.

18. Юсупова С.М. Оценка качества трудовой жизни преподавателей высшей школы // Гуманитарный научный журнал. 2015. № 2. С. 27–31.

19. Meyer J.P., Allen N.J., Smith C.A. Commitment to organizations and occupations: Extension and test of a three-component conceptualization // Journal of Applied Psychology. 1993. Vol. 78. P. 538–551.

20. Porter L.W., Steers R.M., Mowday R.T., Boulian P.V. Organizational commitment, job satisfaction, and turnover among psychiatric technicians // Journal of Applied Psychology. 1974. Vol. 59. P. 603–609.

21. Ричи Ш., Мартин П. Управление. М.: Юнити, 2009.

22. Мескон М.Х., Альберт Н., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992. 973 с.

23. Буреева Н.Н., Петрова И.Э., Судьин С.А. Исследование профиля трудовой мотивации профессорско-преподавательского состава современного университета (на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // В сб.: Социокультурный менеджмент: содержание, проблемы, перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции. Ульяновск: Ульяновский госуниверситет, 2014. С. 7–11.

24. Саралиева З.Х., Судьин С.А. Материальный фактор в структуре мотивации сотрудников вуза (на примере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского) // В сб.: Социокультурный менеджмент: содержание, проблемы, перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции. Ульяновск: Ульяновский госуниверситет, 2014. С. 37–41.

WORK MOTIVATION AND JOB SATISFACTION OF UNIVERSITY EMPLOYEES

N.N. Bureeva, M.S. Kozlova, I.E. Petrova, M.A. Tukhvatullina

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This paper presents the results of sociological research, which was carried out at the National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod with the aim of evaluating organizational loyalty, job satisfaction, building motivational profile and identifying the features of university employees' work motivation. The factors that influence the degree of organizational loyalty, job satisfaction and motivation of work behavior were analyzed. It was found that, on the whole, respondents demonstrate an average level of satisfaction with the working conditions at the university; the main motives for their work include the need for high wages and material remuneration, the need to feel that the work they perform is in demand and the need to gain recognition from other people. It is noted that the organizational loyalty of the university employees belongs to the emotional (affective) type of attachment to the organization; they have warm feelings for the university and experience considerable psychological discomfort when they need to change the place of work. The obtained data correlate with the results of studies conducted at other universities, indicating the presence of an established trend. The questionnaire used in the study was developed by the team of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences of the National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod with the participation of Professor Z.H. Saralieva and Associate Professor S.A. Sud'in.

Keywords: organizational loyalty, job satisfaction, motivation, motivational profile.

УДК 316.4

ЭМОТИВНО-МОРАЛИЗАТОРСКИЙ ДИСКУРС КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ ПАНИК

© 2017 г.

А.А. Ефанов

Ефанов Александр Александрович, к.соц.н., доцент кафедры журналистики
Оренбургского государственного педагогического университета
yefanoff_91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.05.2017
Статья принята к публикации 24.07.2017

Дается социологическое обоснование технологии конструирования моральных паник. Само понятие моральной паники рассматривается на основе двух составляющих – морали и паники, имеющих традиции изучения в рамках общественных наук (с позиций этического, психологического и социологического подходов). В ходе теоретического исследования определяется, что технологией конструирования моральных паник является эмотивно-морализаторский дискурс, в результате использования которого моральное псевдоапеллирование к ценностям и нормам, осуществляемое посредством СМИ, мобилизует у индивидов чувства опасности и страха за свое будущее. Делается вывод, что подобные стратегии медиаконтролеров имеют исключительно материальную природу. Призывая общество защищать свои границы и обличая «нарушителей» определенных норм и правил, медиа выступают в качестве посредников, отстаивающих интересы непосредственных «заказчиков» моральной паники.

Ключевые слова: моральные паники, мораль, паника, технология, морализаторство, эмотивно-морализаторский дискурс, массовое сознание, манипулирование, СМИ.

В современном информационном обществе СМИ оказывают значительное влияние на сознание и поведение больших и малых социальных групп во всех сферах повседневной жизнедеятельности. Возникают особые формы программирования поведения индивидов, одной из которых являются моральные паники. До настоящего времени в современной российской социологической науке существовал значительный методологический пробел в исследовании данного социального феномена, его природы и способов организации.

Отечественные ученые рассматривали моральные паники исключительно в контексте социальных проблем, применяя их к тому или иному проявлению: заболеваемости ВИЧ/СПИД (И.Г. Ясавеев); наркотизму (А.В. Дмитриева, И.П. Жерлицына, П.А. Мейлахс); преступности (Я.И. Гилинский, Н.Г. Щитов); миграции (М.В. Ваккасова); терроризму (Н.Д. Климкина, А.М. Понамарева, С.Т. Сулейманова); разрушению морального облика детей и подростков (А.В. Голубинская, И.В. Кукулин, С.Н. Майорова-Щеглова); сексуальной свободе (И.С. Кон); сиротству (О.А. Андриенко, П.И. Городецкая); молодежным субкультурам (Т.С. Абдуллина, У.А. Блюдина, А.А. Булкина, Д.В. Громов, Е.Э. Еникеева, М.А. Жаркова, М.И. Колесникова, Р.П. Лисеев, А.С. Макаров, Н.Ю. Масленцева, С.Б. Масленцева, Е.Л. Омельченко, А.О. Райхштат, А.М. Рюмин, С.А. Сергеев, Н.В. Шумкова, В.Н. Ярская-Смирнова); сознательным отказам от рождения детей (А.А. Луговая, Е. Селивирова); нетрадиционной религиозности (В.А. Мартинович). Используя достижения конструкционистского подхода, исследователи детально изучали механизмы проблематизации определенных социальных прецедентов, получения ими статуса социальной проблемы, при этом исключая из фокуса внимания технологии культивирования аффективных реакций на социальный стресс, нередко приобретающих форму моральных паник. Цель настоящего исследования заключается в социологическом обосновании технологии конструирования моральных паник.

Определение понятия «моральные паники» считается крайне неоднозначным, поскольку само явление имеет достаточно сложные и неоднородные механизмы возникновения. Для понимания сущности моральной паники необходимо отметить, что данное понятие формируется на основе двух составляющих – морали и паники, имеющих свои традиции изучения в рамках общественных наук.

Понятие «мораль» этимологически происходит от латинских слов moralis – нравственный, mores – нравы. Мораль, прежде всего, является предметом изучения этики. По мнению Р.Г. Апресяна, посредством морали «в мыслительном и практическом опыте людей вычленяются такие обычаи, законы, поступки, харак-

теры, которые выражают высшие ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное создание (существо). <…> Представления о морали формируются в процессе осмысления, во-первых, правильного поведения, порядка в нравах, должного характера («морального облика») – отличных от тех, что стихийно обнаруживаются у людей в повседневной жизни; а во-вторых, условий и пределов произволения человека, ограничиваемого собственным (внутренним) долженствованием, или пределов свободы в условиях извне задаваемой организационной и (или) нормативной упорядоченности» [1]. Таким образом, с позиций этического знания мораль преимущественно определяется как система норм индивидуального поведения, поскольку каждый индивид усваивает нравственные ценности в процессе личностной социализации.

Кроме того, мораль формирует у индивидов нормы морального поведения, которые опираются на нравственное сознание личности. Моральное поведение понимается как отражение нравственной культуры, которая проявляется в поступках и действиях индивидов. В данном контексте побудителем к действию выступает мотивация, а оценка, в свою очередь, представляет собой индикатор требований морали – соответствия или несоответствия выработанным в обществе социальным нормам и ценностям.

Мораль также является предметом изучения социологии. Преимущественно она рассматривается в двух значениях: во-первых, как «социальный институт, система норм, санкций, оценок, предписаний, образцов поведения, выполняющих функции социального контроля и регулирования социальных отношений в той или иной социальной группе, обществе», во-вторых, как «совокупность потребностей, установок индивида поступать в соответствии с принятыми в данном обществе представлениями о добре и зле» [2, с. 189].

Э. Дюркгейм одним из первых концептуализирует понимание морали в рамках социологической науки, став основоположником нового направления – социологии морали. В его представлении общество – это «саморегулирующийся структурно-функциональный организм», где общественный порядок является его нормальным состоянием, а мораль выступает в качестве «регулирующего механизма, формирующего ценностные ориентации личности» [3, p. 27–28]. Если исходить из теоретических установок Э. Дюркгейма, мораль представляет собой первооснову общественного порядка. При этом любые противоречащие нормам морали проявления общества отождествляются с нравственным упадком как предтечей социальной дезорганизации.

В отечественной социологической науке о существовании социологии морали как полноценной научной дисциплины впервые заявляет В.М. Соколов. Изучив состояние морали в период кризисных перемен, он приходит к выводу, что «в сознании людей намного уменьшается роль рационального мышления (нравственность, как известно, в основном «гнездится» в психологической сфере сознания), с трудом воспринимаются различные теоретические постулаты, концепции, существенно возрастает действенность психологических, эмоциональных факторов» [4, с. 82].

В этой связи мораль представляет собой систему социальной организации, зависящую от внешних факторов и тем самым нередко превращающуюся в инструмент манипулирования массовым сознанием. Б.А. Грушин определяет массовое сознание как широкую совокупность «самых разнообразных по их гносеологической и социальной природе духовных образований, не ограниченных лишь формами психики, относящихся к «разделам», сферам, уровням психологии и идеологии, эмоций и логики, образов и реакций, обыденного и теоретического знания, рациональных и иррациональных (в том числе фантастических) представлений и т.д.» [5, с. 287]. Понимая природу массового сознания, заинтересованные акторы начинают апеллировать к высшим социальным ценностям, таким как здоровье, безопасность, миропорядок.

Пребывая в состоянии постоянного поиска ориентиров на фоне кризисных явлений современного общества, индивиды воспринимают нормы морали как устоявшиеся правила многих поколений, неподвластные спекуляции и подмене. В итоге в процессе манипулирования массовым сознанием заинтересованные акторы, руководствуясь собственными интересами либо интересами стороны, чью позицию они представляют, выдвигают оценочные суждения относительно действий определенных общностей или субъектов, в результате чего происходит подмена понятий, когда мораль приобретает форму морализаторства.

Феномен морализаторства заключается в намеренном искажении нравственных принципов, когда мораль из социальной автономии превращается в форму поучения и наставления. Как отмечает А.В. Прокофьев, морализаторство представляет собой «моральные высказывания или рассуждения, в которых оценка (осуждение) и инвектива оказываются привязанными (по заблуждению или лицемерию) к абстрактным критериям и доминируют над пониманием

реального положения дел» [6]. Морализаторство навязывает обществу псевдокартину восприятия мира, когда окружающая действительность становится сосредоточением опасностей и угроз. Намеренно искажая основополагающие моральные принципы, заинтересованные акторы получают широкие возможности для манипулирования массовым сознанием. При этом любые попытки нарушения самоочевидной моральной истины трактуются как «бунт против морали». Получая из разных источников информацию об определенном социально опасном нарушении, общество оказывается подвержено моральным паникам.

Что касается второго элемента понятия «моральная паника», то «паника» этимологически происходит от греческого слова panikon, означающего «безотчетный ужас». Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон отмечают, что производным для слова стало имя древнегреческого бога лесного уединения Пана, «которому и приписывали возбуждение этого вида безотчетного страха, лишающего охваченных им всякого благоразумия и способности избавиться от угрожающей опасности» [7]. С.И. Ожегов предлагает следующую интерпретацию понятия: паника – «крайний, неудержимый страх, охватывающий сразу многих» [8, с. 480]. Данные определения фиксируют массовую сторону явления.

Традиционно паника изучается в рамках психологической науки. Б.Э. Мур и Б.Д. Файн в своей работе «Психоаналитические термины и понятия» определяют панику как высшую степень тревожного состояния. Будучи последователями учения З. Фрейда о тревоге, они делают вывод, что при высокой интенсивности переживаний «тревога выходит из-под контроля, что приводит к временной функциональной дезорганизации индивида. Такое состояние описывается под названием панического или травматического. Паника рассматривается как отражение ранних стадий развития с выраженным чувством беспомощности; реакция является глобальной» [9, с. 251]. Психологический подход фиксирует бессознательность действий, аффективный характер поведения индивидов в результате паники.

Социологическая наука в последующем расширяет границы значения паники, сделав акцент на социальной стороне явления. Из-за воздействия на массовое сознание преимущественно посредством медиа возникает такая форма массового поведения, как паника, которая понимается как «смятение, растерянность, страх, охватывающие человека или множество людей перед реальной или воображаемой опасностью, нарастающие в процессе взаимного заражения и блокирующие способность рациональной оценки обстановки, мобилизацию волевых ресурсов и организацию совместного противодействия» [2, с. 231]. С позиций социологического подхода паника является наиболее сильной реакцией на социальный стресс с акцентом на массовости как формообразующем элементе явления.

Подтверждение данного тезиса можно найти в рамках концепции «тревожного ряда» М.И. Витковской, которая предлагает динамическую цепь явлений: испуг – тревога – страх – ужас – паника. По мнению автора, «такая последовательность состояний обусловлена трактовкой тревоги как предчувствия опасности, когда источник ее не установлен, а страха – как реакции на обозначенный индивидом источник реальной или потенциальной опасности» [10, с. 68]. Конечным пунктом в предложенном ряду является паника, в результате которой в обществе возникают массовые реакции на определенную угрозу, когда действия индивидов в отношении источника опасности носят исключительно аффективный характер.

В итоге, формируясь на основе понятий морали и паники, моральная паника рассматривается одновременно как «состояние массового и индивидуального сознания, акцентуируя внимание на бесконтрольности реакций. В процессе своего развития в результате аффективных действий моральная паника воздействует на сознание каждого отдельного индивида, постепенно охватывая своим влиянием общество в целом» [11, с. 25]. Таким образом, представляя собой феномен массового (и индивидуального) сознания, моральная паника основывается на неосознаваемом со стороны общества манипулировании, внушенных образах, а также на внутренне не регулируемых и не контролируемых реакциях на любые отклонения от нормы.

Несмотря на то, что морализаторство как технология конструирования моральной паники основано на морали, включенность панического элемента в общую структуру явления заставляет обратить внимание на эмотивный компонент – возбуждение определенных переживаний. Моральное псевдоапеллирование к ценностям и нормам, осуществляемое посредством СМИ, мобилизует у индивидов чувства опасности и страха за свое будущее. В этой связи дискурс на основе морализаторства приобретает усложненную форму, именуемую как эмотивно-морализаторский дискурс. Для сторонников эмотивизма (А. Айера, Б. Рассела, М. Шлика) любое моральное суждение лишено смыслового значения, поскольку нацелено исключительно на «эмоциональную сторону восприятия и, по

сути, призвано вызывать у индивидов определенные, прагматически обусловленные переживания» [12, с. 217].

Следует отметить, что запрограммированные аффективные реакции индивидов на искусственно насаждаемые явления возникают вследствие манипулирования массовым сознанием со стороны заинтересованных групп (interest-group). К данной категории Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда относят политиков среднего уровня, общественных деятелей и представителей СМИ [13]. Заинтересованность данных акторов обусловлена определенной выгодой, в результате которой они вступают в борьбу за обладание символическим капиталом. Подобная стратегия в конечном итоге позволяет им упрочить «кредит доверия» в глазах общества, добиться символической власти над определенными социальными группами. При этом символический капитал открывает доступ к экономическим ресурсам: «Хорошие рейтинги обеспечивают СМИ «продаваемость» своего продукта, а поддержка социумом того иного представителя политической элиты становится прямо пропорциональна электоральному приросту, а вместе с тем и увеличению доходности» [11, с. 66].

Стремление обладать символическими и экономическими ресурсами приводит к злоупотреблению выработанным в обществе brand loyalty [14, с. 55] – применению манипулятивных схем, провоцированию моральных паник, что сопровождается ростом интереса к медиа – повышением рейтинга, использованием СМИ как основного инструмента, при помощи которого заинтересованные акторы превращаются в агентов эмотивно-морализаторского дискурса, занимающихся проповедованием истинных (в их понимании) ценностей. Посредством аудиовизуальных возможностей современных электронных СМИ происходит навязывание обществу определенного миропонимания, сопровождаемое морализаторским обличением отклонившихся от установленных норм.

Доказать данный тезис можно при оперировании моделью властной элиты (elite-engineered), предложенной Э. Гудом и Н. Бен-Йехудой для понимания сущности моральных паник. Согласно данной модели, эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник основывается на идеологии. Само понятие «идеология» интерпретируется в двух значениях: с одной стороны, как «система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности», с другой – как ложное, иллюзорное, оторванное от действительности сознание [15]. Иными словами, идеология является медиаконструктом – продуктом позиционирующей деятельности СМИ по заказу акторов поля политики.

В данном контексте медиа выполняют роль посредника между обществом и властной элитой. Они провоцируют формирование моральных паник по поводу тех проблем, которые смогут привести к ужесточению «карательных мер» со стороны силовых структур. В конечном счете данная стратегия будет способствовать распространению влияния власти, обусловливая превращение «моральной паники в движущий инструмент передачи доминирующей идеологии» [13, p. 188]. Спекуляцией высшими ценностями, применением риторики разрушения в зависимости от господствующей в обществе идеологии происходит мифологизация социальной действительности. В итоге индивид лишается критического осмысления социальной действительности, оперирует исключительно гиперобразами угроз пессимистического или даже апокалиптического характера, которые априори провоцируют у него аффективные реакции, тем самым усугубляя социальные последствия от влияния моральных паник на общество.

Использование эмотивно-морализаторского дискурса ярко проявилось при конструировании моральной паники в отношении «Pussy Riot». 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя участницы известной лишь в узких кругах музыкальной группы устроили сорокасекундный «панк-молебен» в масках, выкрикивая лозунги против современного политического устройства и системы РПЦ, при этом осеняя себя крестным знамением. «Перформанс» панк-группы мгновенно стал предметом широкого обсуждения.

В итоге мнения общественности разделились: одни увидели только проявления богохульства и посягательства на незыблемые основы религиозной системы, а другие посчитали это единственной возможностью заявить во всеуслышание о своих правах и политических убеждениях. Однако, как показали результаты опроса «Левада-Центра», большинство россиян в июле 2012 г. отвечали, что акция «Pussy Riot» в первую очередь направлена «против Церкви и верующих» [16].

Подобные установки сложились в социуме в результате медиастратегий федеральных телеканалов. Каждая новая деталь в деле «Pussy Riot» подробно освещалась в эфире, обретая статус моральной паники. Результаты контент-анализа материалов информационных программ Первого канала, ВГТРК («России 1», «России 24») и НТВ показали, что конституирование мораль-

ной паники в отношении «Pussy Riot» происходило в течение трех этапов (февраль 2012–декабрь 2013 г.):

1) *появление информации о прецеденте* (повторение кадров из храма Христа Спасителя);

2) *публичное обсуждение* (влиятельными политическими фигурами и авторитетными в обществе персонами) и *судопроизводство по делу*;

3) *судьба активисток* (нахождение участниц группы в тюрьме и их освобождение по амнистии) – остаточные явления моральной паники.

Публичное обсуждение и судопроизводство по делу не случайно рассматриваются в рамках одного этапа, поскольку все следственные действия и каждое судебное слушание постоянно сопровождались комментариями и оценками со стороны экспертов (с использованием эмотивно-морализаторского дискурса – оперирования риторикой разрушения: «*Святые ценности им чужды*» (Первый канал); «*Это не хулиганство, это настоящее богохульство*» (ВГТРК (Россия 24»)); «*Вчера они слушали западную музыку, а сегодня идут против православных канонов*» (ВГТРК (Россия 1)).

Таким образом, конструирование моральной паники происходило на основе двух составляющих элементов: с одной стороны, антирелигиозной пропаганды (первый слой), разрушающей целостность границ общества с теоцентрическим началом; с другой – волнений в отношении влияния западной культуры («Pussy Riot» появилась как аналог феминистскому панк-движению «Riot Grrrl»), оказывающей деструктивное воздействие на мировоззрение современной молодежи (второй слой). При этом наличию третьего, внутреннего – политического слоя индивиды не придавали особого значения, поскольку «медиаконтролеры фокусировали внимание общества на «сильных элементах» – концептах, формирующих моральную панику» [17, с. 1812].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в процессе манипулирования массовым сознанием заинтересованные акторы (политики среднего уровня, общественные деятели, представители СМИ) выдвигают оценочные суждения относительно действий определенных общностей или субъектов, в результате чего происходит подмена понятий, когда мораль приобретает форму морализаторства – намеренного искажения нравственных принципов, представленного в форме поучения, наставления, навязывания определенных взглядов. Включенность панического элемента в общую структуру явления заставляет обратить внимание на эмотивный компонент – возбуждение определенных переживаний. Эмотивно-морализаторский дискурс представляет собой технологию конструирования моральной паники. При этом любые псевдоапеллирования медиаконтролеров к высшим ценностям имеют исключительно материальную природу. Призывая общество защищать свои границы и стигматизируя якобы «нарушителей» определенных норм и правил, подобные акторы выступают в качестве посредников, отстаивающих интересы непосредственных «заказчиков» моральной паники.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. URL: http://iph.ras.ru/enc_eth/35.html (дата обращения: 23.03.2015).

2. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательство «НОРМА» (Издательская группа «НОРМА, ИНФРА-М»), 2000. 488 с.

3. Durkheim E. Ethics and sociology of morals / Transl. by R. Hall. Buffalo, New York: Prometheus Books, 1993. 321 p.

4. Соколов В.М. Социология морали – реальная или гипотетическая? // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 78–88.

5. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт преодоления и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.

6. Новая философская энциклопедия: в 4 т.: Интернет-версия издания / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001. URL: http://iph.ras.ru/elib/1955.html (дата обращения: 5.07.2014).

7. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: электронная версия. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1907. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/all/076/76593.shtml (дата обращения: 5.07.2014).

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательство «Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. 976 с.

9. Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Барнесса Э. Мура и Бернарда Д. Файна / Перев. с англ. А.М. Боковикова, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 304 с.

10. Витковская М.И. Социальные страхи как предмет социологического исследования: Дис. … канд. социол. наук: 22.00.02 / Российский университет дружбы народов. М., 2006. 182 с.

11. Ефанов А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений: Дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 2016. 179 с.

12. Богомолов А.С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973. 317 с.

13. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: the social construction of deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 299 p.

14. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

15. Политическая наука: Словарь-справочник / Авт. и сост. И.И. Санжаревский. Тамбов, 2015. URL: http://www.glos.virmk.ru/ (дата обращения: 10.11.2016).

16. Россияне о деле Pussy Riot / Аналитический Центр Юрия Левады, 2012. URL: http://www.levada.ru/31-07-2012/rossiyane-o-dele-pussy-riot (дата обращения: 4.04.2015).

17. Ефанов А.А. Парадигмы развития современных моральных паник // В мире научных открытий. 2014. № 3.4 (51). С. 1803–1815.

EMOTIVE-MORALISTIC DISCOURSE AS A TECHNOLOGY FOR CONSTRUCTING MORAL PANICS

A.A. Yefanov

Orenburg State Pedagogical University

The article considers the sociological explanation of the technology for constructing moral panics. The concept of moral panic is considered on the basis of two constituents – moral and panic – which are traditionally studied within the social sciences (from the perspective of ethical, psychological and sociological approaches). It is determined in the course of theoretical research that the technology for constructing moral panics is the emotive-moralistic discourse and as a result of its use the moral pseudo-appeal to values and norms made by the mass media mobilizes the sense of danger and fear for the future on the part of a person. It is concluded that such strategies of media controllers are of an entirely material nature. By appealing to the society to protect its boundaries and by revealing the so-called «violators» of certain norms and rules, the media act as intermediaries in defending the interests of those who orchestrate the moral panic.

Keywords: moral panics, morality, panic, technology, moralism, emotive-moralistic discourse, mass consciousness, manipulation, media.

УДК 316

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ АНАЛИЗА РОССИЙСКИХ СМИ

© 2017 г.

А.Н. Осянин, А.М. Рюмин

Осянин Андрей Николаевич, к.соц.н.; доцент кафедры философии
Нижегородской академии МВД России
Prepod80@rambler.ru
Рюмин Алексей Михайлович, к.соц.н.; программист ООО «Медиалогия», Москва
aryumin@aryumin.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2017
Статья принята к публикации 28.07.2017

Рассматривается отражение процесса формирования патриотизма и национального самосознания граждан в структуре публикационной активности центральных СМИ. С этой целью в феврале 2013 г. был собран корпус текстов за период с 2003 по 2013 г., представляющий собой массив публикаций центральных российских СМИ по проблемам феномена патриотизма. В ходе исследования были отсеяны нерелевантные рассматриваемой теме статьи. Общее количество публикаций собранного корпуса текстов составило 1000 статей. В качестве инструмента обработки полученных данных использовался лексико-семантический текстовый анализатор «Лекта», в основу которого положен метод многомерного контент-анализа.

Рассмотрение работы патриотических организаций имеет достаточно политизированный характер. В деле формирования патриотических настроений молодежи военно-патриотическим и военно-спортивным клубам отводится значимое место. Критикуется существующая система образования в части проводимой патриотической работы с молодыми людьми. СМИ отражают полемику по вопросу о том, кто должен играть главную роль в деле патриотического воспитания в структуре школьного образования.

Живую реакцию вызывают государственные проекты, которые имеют целью формирование патриотических чувств через СМИ. Декларируется благая цель подобных проектов, но подвергается критике коммерциализация идеи и ценностей патриотизма, расходование средств налогоплательщиков на эти цели.

Важное место в процессе формирования патриотических чувств отводится семье. В данном сегменте информационного пространства отмечена роль родителей как носителей патриотической идеи.

В качестве серьезного источника формирования патриотизма выступают сюжеты, связанные с Великой Отечественной войной. Активно транслируются ценности Великой Победы, проходят специализированные мероприятия, ведется работа со СМИ. Однако звучат мысли о том, что такая работа не всегда проходит эффективно – молодежь не проявляет интереса и должного уважения к событиям и жертвам Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: воспитание патриотизма, центральные СМИ, государственные программы, система образования, семья, контент-анализ.

Структура мнений и представлений центральных российских СМИ о процессе формирования и воспитания чувства патриотизма и национального самосознания довольно поляризована и политизирована, поэтому актуальным представляется проведение исследования, призванного идентифицировать ключевые составляющие информационного пространства, в котором конструировалось понятие патриотизма. С этой целью в феврале 2013 г. был собран корпус текстов с помощью онлайн-базы изданий East View Publications (http://www.ebiblioteka.ru/) за период с 2003 по 2013 г., представляющий собой массив публикаций центральных СМИ России по проблемам феномена патриотизма. Выводы, полученные в результате использования указанного массива в качестве эмпирической базы для многомерного статистического анализа, являются актуальными.

На основании определения тематики каждого из факторов были выделены следующие ключевые микросюжеты: деятельность патриотических организации; молодежь и патриотизм; школьное воспитание и патриотизм; роль СМИ в формировании патриотических установок; воспитание патриотизма в семье; роль системы образования в формировании патриотических чувств; Великая Отечественная война и ее восприятие сегодня.

Характеристика массива публикаций российских центральных СМИ. Лидером в структуре публикаций о патриотизме и национальном самосознании являются газета «Известия» (9.9% от общего числа источников) и «Российская газета» (7.4%). Кроме того, в группе лидеров представлены такие издания, как «Новые известия» (5.6%), «Независимая газета» (5.5%),

Таблица 1

Перечень российских центральных СМИ в массиве публикаций*

Наименование издания	Количество статей в массиве данных	% от общего количества статей
1. «Известия»	99	9.9
2. «Российская газета»	74	7.4
3. «Новые известия»	56	5.6
4. «Независимая газета»	55	5.5
5. «Красная звезда»	54	5.4
6. «Правда»	52	5.2
7. «Ведомости»	48	4.8
8. «Коммерсант»	45	4.5
9. «Московский комсомолец»	45	4.5
10. «Советская Россия»	44	4.4
11. «Московская правда»	37	3.7
12. «Время новостей»	32	3.2
13. «Санкт-Петербургские ведомости»	29	2.9
14. «Газета»	28	2.8
15. «Завтра»	28	2.8
16. «АиФ»	26	2.6
17. «Труд»	23	2.3
18. «Вечерняя Москва»	20	2
19. «Комсомольская правда»	20	2
20. «Слово»	20	2
21. «Литературная газета»	17	1.7
22. «Московские новости»	17	1.7
23. «Новая газета»	17	1.7
24. «Культура»	15	1.5
25. «Учительская газета»	14	1.4
26. «Огонек»	12	1.2
27. «Итоги»	11	1.1
28. «Профиль»	10	1

* Издания, которые дают в выборочной совокупности менее 1% публикаций, не вошли в данную таблицу.

«Красная звезда» (5.4%), «Правда» (5.2%), «Ведомости» (4.8%), «Коммерсант» (4.5%), «Московский комсомолец» (4.5%), «Советская Россия» (4.4%) (табл. 1). Указанные издания в совокупности дают более половины всех источников, релевантных теме патриотизма. Независимое народное издание «Советская Россия» позиционирует себя в качестве левого и оппозиционного к действующей власти.

Особенность рассматриваемого перечня массива публикаций центральных СМИ состоит в том, что 10 изданий в сумме составляют 57% всех источников, вошедших в корпус. Схожая ситуация характерна для структуры источников, которые входят в каждый из факторов (табл. 2). От половины до двух третей (53 и 63% соответственно) статей, из которых состоит каждый фактор, содержат в себе 10 изданий. При этом половина из них являются общими для всех факторов: «Коммерсант», «Известия», «Красная звезда», «Новые известия», «Российская газета». Это свидетельствует о том, что факторная модель репрезентирует рассматриваемую тему и внутри факторной модели существуют зависимости между факторами.

Две трети публикаций, релевантных рассматриваемой теме, от общего числа собранных источников приходятся на период с 2003 по 2008 г. (663 публикации) (табл. 3). В последующие годы публикационная активность спадает, и тема патриотизма реже фигурирует в новостных лентах. Усиление интереса к патриотической тематике происходит в 2012 г., что объясняется динамикой изменения общественно-политической ситуации на фоне происходивших событий в политической, спортивной, культурной жизни страны (выборы депутатов Государственной думы РФ 6-го созыва, Президента РФ, массовые протестные движения «За честные выборы», летняя Олимпиада в Лондоне, наводнение в Крымске, «Евровидение» и др.).

В целом использование многомерного статистического анализа массива публикаций за 2003–2013 гг. позволило сделать вывод, что наиболее значимые взаимосвязи с патриотической тематикой прослеживаются в корпусе статей за 2003–2008 гг.

Распределение публикаций по годам в каждом факторе имеет примерно идентичную структуру (табл. 4). Лидером включенности публикаций за 2003 г. выступает первый фактор (25%), тогда как в остальных факторах данный показатель не превышает 16%. Процент

Таблица 2

Структура публикаций центральных российских СМИ в каждом отдельном факторе, %

Издание	1*	2	3	4	5	6	7
1. «Коммерсант»	8	6	4	5	4	5	6
2. «Время новостей»	6	4	4	–	3	4	4
3. «Газета»	6	–	5	5	6	–	–
4. «Известия»	6	4	7	8	8	6	7
5. «Красная звезда»	6	15	11	16	8	11	11
6. «Независимая газета»	6	–	–	–	–	–	–
7. «Новые известия»	6	6	12	5	7	8	8
8. «Российская газета»	6	5	7	4	7	5	6
9. «Московский комсомолец»	5	4	6	6	–	4	
10. «Советская Россия»	5		–	5	4	5	6
11. «Московская правда»	–	6	–	4	3	5	4
12. «Правда»	–	5	–	4	–	–	5
13. «Санкт-Петербургские ведомости»	–	4	4	–	–	–	–
14. «АиФ»	–	–	3	–	3	–	–
15. «Ведомости»	–	–	–	–	–	4	4

*1 – деятельность патриотических организаций; 2 – молодежь и патриотизм; 3 – школьное воспитание и патриотизм; 4 – роль СМИ в формировании патриотических установок; 5 – воспитание патриотизма в семье; 6 – роль системы образования в формировании патриотических чувств; 7 – Великая Отечественная война и ее восприятие сегодня.

Таблица 3

Распределение массива публикаций по годам выпуска

Год издания	Количество статей в массиве данных	% от общего количества статей в массиве данных
2003	97	9.7
2004	112	11.2
2005	122	12.2
2006	123	12.3
2007	117	11.7
2008	92	9.2
2009	56	5.6
2010	70	7
2011	61	6.1
2012	108	10.8
2013	42	4.2
Всего	1000	100

источников СМИ, опубликованных в 2004 г., не превышает во всех факторах пятой части (20%). Наименьшее количество публикаций за 2005 г. включает в себя первый фактор (18%), тогда как у лидеров данный процент составляет 25%. Публикации СМИ за 2006–2007 гг. включены в структуру рассматриваемых факторов в равном процентном соотношении. Незначительное отклонение в пределах 4–6% в каждом году не оказывает кардинального влияния на содержание полученных результатов. Значимое снижение процента включенности публикаций СМИ в структуре факторов начинается с 2008 г., здесь он не превышает 6%. Это свидетельствует о низкой релевантности статей рассматриваемой теме исследования.

Качественная интерпретация контента тематик. Рассмотрим более подробно тематические блоки, выделенные с помощью факторного анализа.

Деятельность патриотических организаций. Реализация проектов формирования патриотической культуры активно осуществлялась не только органами государственной власти, но и общественными патриотическими организациями. Активнее всего в данном случае освещалась работа оппозиционной патриотической организации «Патриоты России». Коалиция «Патриоты России» была учреждена лидерами девяти партий и 30 общественных организаций 30 октября 2004 г. В нее, в частности, входят Партия возрождения России, Партия пенсионеров [1, с. 4].

Целью работы коалиции объявлена интеграция всех действующих патриотических сил в единое целое. Ядром такого объединения должны были стать «Патриоты России», которые были намерены создать межфракционную депутатскую группу. Они огласили свое намерение стать ключевой оппозиционной партией, готовой не на словах, а на деле решать проблемы социально-экономического развития страны.

Таблица 4

Структура публикаций каждого фактора по годам выпуска источника, %

Год издания	1*	2	3	4	5	6	7
2003	25	16	15	15	16	16	16
2004	14	17	18	18	17	17	18
2005	18	25	25	22	22	22	23
2006	16	17	20	19	20	20	18
2007	23	20	18	25	20	20	21
2008	5	5	6	–	6	6	5

*1 – деятельность патриотических организаций; 2 – молодежь и патриотизм; 3 – школьное воспитание и патриотизм; 4 – роль СМИ в формировании патриотических установок; 5 – воспитание патриотизма в семье; 6 – роль системы образования в формировании патриотических чувств; 7 – Великая Отечественная война и ее восприятие сегодня.

Оппозиционная патриотическая коалиция не скрывала своего намерения в перспективе преобразоваться в оппозиционную партию. Кроме того, Г. Семигин рассматривал свою коалицию оппозицией «всей вертикали власти», не исключая президента России, в то время как Геннадий Гудков видел свою партию в качестве «ответственной оппозиции», главным образом правительству.

Можно отметить выраженную политизированность патриотических инициатив, идущих от оппозиционных политических объединений. Такой формат работы по патриотическому воспитанию и формированию национального самосознания может быть скептически воспринят общественностью, снизив продуктивность ее самой.

Молодежь и патриотизм. Стоит отметить, что этот сегмент информационного пространства изучаемой проблемы представлялся преимущественно в позитивном ключе. Он описывает работу организаций и отдельных граждан, направленную на формирование патриотизма и чувства национального самосознания среди молодежи.

Ключевая роль в деле воспитания молодежи в данной области приписывалась военно-патриотическим и военно-спортивным клубам. В СМИ отмечался рост потребности в таких организациях, учитывая активность государства в деле становления и воспитания патриотизма граждан, в частности среди молодежи. Кроме того, фиксировался рост числа подобных организаций в некоторых областях России.

Позитивно оценивался вклад ветеранов в формирование патриотизма. Свою лепту они вносят, выступая в молодежных аудиториях, работая в музеях боевой славы, участвуя вместе со школьниками и студентами в походах по местам боевой славы, в проведении поисковой работы. Важнейшую роль в работе ветеранских организаций играет донесение до молодежи правдивой информации об истории Родины, Великой Отечественной войны, разоблачение фальсификаций истории.

Часто звучали положительные оценки реализации программы воспитания патриотизма, эффективности расходования средств на такую работу. В частности, в статье газеты «Красная звезда» отмечается, что на решение проблемы патриотического воспитания были направлены определенные финансовые средства, активизирована работа общественных комиссий по патриотическому воспитанию молодежи, улучшена работа межведомственных советов, центров военно-патриотического воспитания, наращивается учебно-методическая база [2].

И вместе с тем в том же издании звучали критические заявления о необходимости корректирования системы патриотического воспитания молодежи. Отмечалось, что система нуждается в организационном и методическом совершенствовании [3, 4].

Патриотическое воспитание молодежи реализуется и через искусство, творчество, театр: «Исполнители ролей в патриотическом мюзикле считают, что для них участие в «Воинах духа» – гражданская миссия. «Наша молодежь увлекается не тем, чем надо, – употребляет наркотики, нюхает клей, – заявила госпожа Дольникова. – Я буду рада, если своей ролью открою молодежи глаза на жизнь» [5, с. 7].

В СМИ транслировалась информация по проводимым научно-практическим конференциям в области воспитания патриотизма. При этом отмечалось, что проводятся они не только научно-образовательными, но и религиозными организациями: «…в январе 2003 г. по инициативе Тобольско-Тюменской епархии проведена научно-практическая конференция на тему «Актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи в Тюменской области» [6].

В СМИ отражена тема активизации в молодежной среде интереса к судьбе своей страны, к истории России, к советскому прошлому, символике СССР, понимания различия понятий «патриотизм» и «национализм».

В публичном дискурсе присутствует и критика, скепсис: патриотизм в молодежной среде не распространен повсеместно; идеи национального самосознания и гордости за свою страну свойственны далеко не всем молодым людям. Например, по мнению первого заместителя председателя комиссии Совета Федерации

по делам молодежи и спорту Л. Бойцова, «аналитические исследования свидетельствуют, что порядка 50 процентов российских молодых людей сегодня не видят оснований гордиться своей страной» [4].

Критике подвергались и кумиры молодежи, духовные и нравственные ориентиры. Можно слышать мнение о том, что у молодежи сейчас просто нет литературных образцов для подражания.

Примечательно, что проекты по созданию патриотических организаций не всегда оказываются успешными: население далеко не всегда относится к ним с интересом и поддерживает их деятельность. Газеты пишут о важности работы по идентификации актуальной системы позиционирования таких организаций, чтобы добиться положительного отклика.

Население нередко опасается деструктивного влияния таких организаций и идей на молодежь. Так, СМИ в 2013 г. отмечали, что патриотизм в массовом сознании зачастую граничит с национализмом. Отсюда и произрастало недоверие и страх перед проектами и программами патриотического воспитания и становления национального самосознания: «…вместо развития патриотизма можно получить развитие агрессивности в обществе, – считает дублер руководителя Комитета по делам семьи и молодежи Москвы, студентка Московского государственного открытого университета Арина Татаревич» [7].

Наряду с позитивными оценками патриотизма молодежи России и программ по его формированию в СМИ часто можно видеть и критику молодежи за утрату чувства гордости за свою Родину, национального самосознания. Сами программы по воспитанию патриотизма описывались как не всегда успешные, а патриотические организации зачастую – как нежизнеспособные.

Школьное воспитание и патриотизм. Данный тематический блок в информационном пространстве изобилует как ярко выраженными критическими, так и позитивными оценками.

Начнем с нейтральной информации, транслируемой в СМИ. По мнению авторов статей, дошкольные воспитательные учреждения должны выступить инструментом формирования чувства патриотизма у детей. При этом относительно возможности и особенностей патриотического воспитания в дошкольном возрасте проходят оживленные дискуссии. О необходимости патриотического воспитания дошкольников в историческом ключе заявляет профессор факультета дошкольной педагогики и психологии МПГУ Э.К. Суслова [8].

В деле формирования патриотизма школьников отмечается важная роль учителей и военных: «Роль исполнителей этих непростых задач возложена на несколько ведомств, но главную скрипку играют учителя и военные. Первые – поскольку патриотов надо воспитывать сызмальства, вторые – так как ряды вооруженных защитников Родины пополняются с большим напрягом» [9].

Патриотизм школьников можно воспитать самыми разными способами. Например, характерным примером является проект военных стрельбищ для школьников. Предполагалось, что школьники получат практические навыки стрельбы из оружия боевыми патронами по мишеням. Однако звучали сомнения в том, что такие мероприятия могут сформировать чувство патриотизма школьников.

В СМИ отмечалась точка зрения ветеранов Великой Отечественной войны на воспитание патриотических чувств. Ветераны солидарны во мнении – учитывая реалии современной российской армии, школьникам как никогда актуально прививать чувство патриотизма. Сегодня армия служит отчасти инструментом разрушения чувства патриотизма: «…учитывая сегодняшнее положение Российской армии, возникла необходимость патриотического воспитания подрастающего поколения в школе» [10].

Важно отметить роль начальной военной подготовки для школьников. В СМИ транслировалась информация о том, что она позитивно воздействует на детей и определяет их положительное отношение к Родине. Школьники именно в этот период определяются с будущей профессией и могут выбрать военную, что является индикатором проводимой патриотической работы.

Отмечалось, что в школах корректируется учебная программа в соответствии с особенностями программы воспитания патриотизма и модифицируется преподавание: «И все-таки нововведения есть. Например, судя по программе, со следующего года в школе будет введено изучение текста и музыки государственного гимна России» [11].

Использовались и формальные средства патриотического воспитания школьников, призванные сформировать любовь к Родине. Без такой деятельности едва ли можно себе представить эффективную работу по воспитанию патриотизма молодежи в школах: «…на заседании московского правительства было объявлено, что следующий год начнется для московских школьников с урока по теме «Россия – Родина моя» [12].

В СМИ звучали мысли о том, что патриотизм не имеет под собой меркантильной основы. Формируется он исключительно на понима-

нии важности любви к своей Родине и готовности столкнуться с самыми тяжелыми невзгодами, но поддерживать в себе и других эти чувства к родной стране. Только духовная основа может стать необходимым базисом формирования этого высокого чувства и его воспитания у молодежи, в частности в школах.

В отношении процесса формирования патриотизма в школах звучали и критические замечания. Например, критике подвергался информационный фон, на котором существуют школьники. СМИ транслируют не ту информацию – их работа в данном случае нередко деструктивна.

Примечательно, что учителя также негативно высказываются в отношении как исторического прошлого России, так и современного положения государства. Подобная система оценок может восприниматься учащимися и деформировать нормативно-ценностную структуру личности: «Некоторые учителя истории последовательно объясняют, что «святая история России теперь осмеяна и оплевана» и что «армия в ужасном положении, а ведь раньше была самой могущественной в мире» [13].

Отмечалось, что «грешат» такими оценками и позицией не только учителя, но и родители. Дети в первую очередь воспринимают оценки и ценности родителей, а уже потом учителей. В СМИ транслировались примеры игнорирования родителями школьников ценностей патриотизма, отсутствия уважения к символике России и т. д.: «Когда заиграл гимн, половина родителей и детей продолжала смеяться, общаться и есть печенье. Директор школы со слезами на глазах вопрошала: «Как же так можно?!» [13].

Не всегда благие начинания учителей и директоров школ в отношении формирования чувства патриотизма претворяются в жизнь по причине нехватки финансов в школах. Эта проблема зачастую стояла очень остро, что и транслировали СМИ. В субъектах РФ указанная проблема стоит наиболее остро, что оказывает негативное влияние на дидактическую составляющую формирования патриотизма. Напротив, в столице финансовые возможности позволяют сформировать учебно-методическую базу для проведения занятий в системе патриотического воспитания.

Звучали мысли об опасности излишней формализации воспитания патриотизма. Этот процесс все же должен быть духовным и не должен претворяться сухо и безжизненно. Однако есть примеры как раз такого варианта воплощения в жизнь патриотического воспитания в школе: «Но одной вещи всегда нужно опасаться: оценивать ребенка по его личностным качествам, которые с трудом поддаются измерению. Я своими глазами видел школьный журнал, в котором стояли оценки, в основном «пятерки» и «тройки», за ... патриотизм» [14].

Формализация губительна в данном случае и в отношении используемого в обучении языка. Язык – средство формирования патриотизма, и к нему нельзя относиться легкомысленно.

На основании публикаций СМИ можно отметить, что ведущаяся в школах работа по воспитанию патриотизма находит отражение в общественном сознании. Однако существует ряд серьезных препятствий на пути созидания любви к Родине, что активно заявлялось в СМИ. Решение таких задач видится особо актуальным, учитывая, что чувство патриотизма в наибольшей мере формируется именно во время обучения в школе.

Роль СМИ в формировании патриотических установок. Данный тематический блок посвящен СМИ как инструменту формирования патриотических настроений. В наибольшей мере речь пойдет о телеканале «Звезда», созданном специально для формирования патриотических настроений населения: «Концепция нового телевизионного канала подразумевает начало работы канала военно-патриотической направленности, ориентированного в первую очередь на подрастающее поколение» [15].

Примечательно, что канал планировался как патриотическое СМИ, отличающееся от других телеканалов направленностью на добро, созидание. На канале должна была транслироваться продукция, способная зародить позитивные чувства по отношению к родной стране, народу, истории. Это должно было отличать канал от большинства других СМИ.

Тем не менее мы вновь сталкиваемся с коммерциализацией, прагматизацией высоких чувств любви к Родине: телеканал «Звезда» – это бизнес-проект и работает по рыночной модели: «Работать она все равно будет по рыночной модели» [16].

При этом данный проект активно поддерживался правительством, что дает ему большую возможность утверждаться и развиваться более эффективно и стремительно. В СМИ указывают, что деньги, выделенные на данный проект, могут быть потрачены на более актуальные нужды. Вызывает сомнение положительный результат работы рассматриваемого ресурса, так как патриотизм необходимо воспитывать, а не насаждать через СМИ: «Патриотизм нельзя ввести зрителям при помощи телевизионного шприца. Его можно только вырастить – естественным образом. Инициатива создания патриотического канала должна исходить снизу» [16].

Более того, популярность такого ресурса ставилась под сомнение и по другим причинам – мо-

лодежь не проявит интереса, так как критично относится к российской армии. Что может заставить молодежь смотреть кино и другие материалы ТВ об армии? Критиковалось целенаправленное и массовое насаждение патриотизма, «зомбирование» нации, даже если оно преследует благую цель. Народ должен сам выбирать систему ценностей, а не приобщаться к ней в силу своей суггестивности и напора определенных СМИ.

Сегодня существуют и развиваются государственные проекты, ориентированные на формирование чувства патриотизма через СМИ. Независимо от того, что проекты имеют благую цель – воспитание патриотизма, они подвергаются критике за коммерциализацию идеи и ценностей патриотизма, за выделение значительных средств из карманов налогоплательщиков на реализацию проекта.

Воспитание патриотизма в семье. Семья в СМИ позиционируется как один из важнейших институтов формирования патриотизма. Данный тематический блок информационного пространства оценочно достаточно нейтрален. Здесь нет острой критики, как нет и дифирамбов в адрес патриотических инициатив государства.

Речь в публикациях идет о том, что родители, понимая актуальность патриотического воспитания, сами направляют детей в кадетские училища и другие военно-патриотические учебные заведения: «Создаются кадетские классы, корпуса, школы-интернаты. Это говорит о том, что героико-патриотическое воспитание уже стало восприниматься родителями и детьми как важный и необходимый элемент в становлении личности ребенка» [17].

В семье берет начало процесс становления личности, зарождения и формирования, в том числе патриотизма, который продолжается в образовательно-воспитательных, трудовых, воинских организациях, культурно-просветительских учреждениях, в других коллективах. В системе патриотического воспитания важнейшей составляющей является массовая патриотическая работа, организуемая и проводимая на регулярной основе государственными структурами при участии СМИ, представителей научных и творческих объединений, ветеранских, молодежных и других общественных организаций, ключевых религиозных конфессий государства.

Одна из позиций, транслируемых в СМИ, заключалась в том, что такое воспитание ребенок может получать уже с малых лет – в рамках дошкольного воспитания. Отмечалось, что изучению этого вопроса посвящаются конференции.

В СМИ звучали и более категоричные мысли о том, что родители ребенка – это основа основ формирования патриотизма. Для него отец и мать – идеалы. Они и транслируют свою позицию в отношении образа Родины, которая должна быть воспринята ребенком.

В СМИ активно распространялась информация о чрезвычайной важности семьи как инструмента формирования патриотизма, без которого любовь к Родине и чувство национального самосознания нельзя развить. Отсюда происходит необходимость активной работы с семьей, апеллирование к семейным ценностям и т.д. при реализации кампаний популяризации патриотизма.

Роль системы образования в формировании патриотических чувств. Данный тематический блок посвящен роли института образования в формировании чувства патриотизма. Блок достаточно сильно напоминает несколько предыдущих, однако выделяются и другие актуальные нюансы, присутствуют некоторые положительные и отрицательные оценки реалий сегмента информационного пространства.

Часто в СМИ появляются идеи о том, что стоит пользоваться моментом, пока живы ветераны, и приглашать их в школы, институты, детские сады, кадетские училища и другие учебные заведения, чтобы учащиеся смогли встретиться с этими людьми, вдохновиться таким общением. Это способно зародить чувство патриотизма и любви к Родине: «Глава московского департамента образования Любовь Кезина считает, что нужно пользоваться моментом, пока еще живы ветераны, которые могут поделиться своим опытом, знанием прошлого» [18].

В СМИ нередко можно было также встретить материалы о готовящихся программах модернизации и введении новых образовательных курсов. Эти микрореформы направлены на привитие чувства патриотизма через систему образования.

Характерно, что и представители министерства образования, чиновники департаментов образования поддерживали введение курсов военной подготовки в образовательных учреждениях, а не только выпуск специальной литературы, способной стать фундаментом для ведения патриотического воспитания в рамках образовательных программ. В СМИ транслировалась информация о том, что проходят специализированные слушания, конференции и другие научно-практические мероприятия, призванные сформировать актуальный и продуктивный путь развития патриотизма среди учащихся.

Звучала и критика по поводу особенностей формирования чувства патриотизма в учебных заведениях. Например, история России в школах преподносится некорректно – как сплошная череда войн, побед и поражений России. При

этом абсолютно игнорируются мирные действия и вообще другие аспекты развития России. Таким образом, сам курс обучения должен быть скорректирован, исходя не только из желания сделать его более патриотичным, но и из соображений привития патриотичности в корректном аспекте, не сугубо воинственном и жестоком.

Критикуются и современные подходы, образы и идеалы патриотизма, освещаемые в рамках образовательного процесса. Возможно, имеющиеся программы нуждаются в пересмотре и модернизации. Чиновники, разрабатывающие их, в значительной мере опираются только лишь на свое собственное представление об актуальных аспектах патриотизма и методах его формирования. При этом наиболее важную роль играют потребности и ценности актуальной целевой аудитории – школьников и студентов. Их надо учитывать в первую очередь.

И все же звучали и ярко выраженные позитивные и оптимистичные мысли о том, что сегодня сама молодежь испытывает потребность в духовном и нравственном росте, хочет чувствовать любовь к своей Родине, что является важнейшим залогом для эффективной работы по воспитанию патриотизма среди учащихся различных учебных заведений: «Березина с удовольствием отметила, что у подрастающего поколения есть «потребность в духовно-нравственном развитии и патриотизме». Эта потребность, по ее словам, удовлетворяется на всех уровнях образования. Так, дошкольники воспитывают патриотизм, изучая фольклор, а в начальной школе «любовь к малой родине» прививается на уроках краеведения» [19].

Как уже было сказано, данный тематический блок дополняет предыдущие блоки нюансами воспитания патриотизма в учебных заведениях. Отмечалось, что существуют программы по формированию любви к своей Родине среди учащихся, хотя сами программы, возможно, нуждаются в обновлении, а актуальная аудитория – в более пристальном и внимательном изучении.

Великая Отечественная война и ее восприятие сегодня. Данный тематический блок посвящен классическому для российских СМИ сюжету о патриотизме, который граждане СССР проявили во Второй мировой войне. Этот сюжет позиционируется как средство формирования национального самосознания, воспитания патриотизма российского народа сегодня.

Так, например, часто упоминались создание музеев Великой Отечественной войны, расширение сети городских поисковых отрядов и увеличение числа дней памяти военной славы, организация мероприятий, посвященных празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В СМИ описывалась и работа молодежных патриотических организаций и движений, связанная с тематическими массовыми мероприятиями с использованием символики Победы во Второй мировой войне.

Отмечалось, что сами ветераны хотели бы, чтобы молодежь восприняла, поняла, сохранила и передала будущим поколениям их жизненный опыт. По этой причине ветераны тянутся к школьникам, студентам, чтобы передать опыт и убедиться в его сохранности.

Помимо массовых мероприятий, посвященных празднованию Победы в Великой Отечественной войне, проводится и другая работа по чествованию ветеранов. В частности упоминалось о создании специализированной литературы, увековечивающей память о Великой Победе. Увековечивание памяти героев войны происходит и с помощью поисковых работ. В СМИ звучали мысли о том, что такая работа является необходимой и ее обязательно нужно проводить.

В СМИ отмечалось, что организуются и встречи ветеранов-фронтовиков в Большом театре, в том числе Героев Советского Союза, Героев России, кавалеров полководческих орденов, ордена Славы трех степеней, участников исторических военных парадов на Красной площади 1941 и 1945 г., встречи с активом поисковых отрядов, презентации новых книг о Великой Отечественной войне, фестивали и конкурсы самодеятельного художественного творчества ветеранов и членов их семей. Особо стоит отметить работу Всероссийского центра социально-правовой помощи ветеранам.

Проходят и спортивные мероприятия, посвященные Великой Победе: «Третье место завоевали петербургские самбисты на завершившемся в Минске VI международном юношеском турнире по борьбе самбо «Победа», посвященном подвигу советского народа в Великой Отечественной войне» [20]. Это один из способов привлечь внимание молодежи к вопросам патриотизма и чувства национального самосознания. Празднование Победы во Второй мировой войне могло проходить и в других форматах. В частности, это работа со СМИ, кинематографическая работа. Таким образом, в СМИ приводится масса информации о том, как должна праздноваться эта знаменательная дата. Упоминался также выпуск журналов о Великой Отечественной войне и других бумажных и интернет-изданий.

В то же время, говоря о теме Великой Отечественной войны, СМИ выражают опасение, что новое поколение потеряло духовные ориентиры и ценности: «Ни для кого не секрет – молодое поколение переживает глубокий духов-

ный кризис, оно срочно нуждается в новой социальной философии, в государственной идее. …Так, например, только 40% российской молодежи гордится победой нашего народа в Великой Отечественной войне, около 60% – культурным наследием России, а 55% – героической историей Отечества» [21].

Доминирующей патриотической моделью выступает государственно-властный (державнический) патриотизм, который использует в качестве основного метода воздействия пропаганду, влияющую преимущественно на эмоциональную сферу личности. Патриотизм включает в себя также познавательный, поведенческий, нормативно-ценностный компоненты, поэтому в качестве варианта решения рассматриваемых затруднений формирования патриотизма используется и гражданская модель конструктивного (деятельностного) патриотизма. Основными индикаторами его выступает активная, не «созерцательная» позиция гражданина, личная сопричастность и ответственность за происходящее в стране, гражданские ценности, «критическая лояльность» существующей власти, участие в политико-правовом процессе.

Список литературы

1. Хамраев В. Партийная жизнь. Народники примкнули к «патриотам» // Коммерсант. Daily. 2005. 21 января. С. 4.

2. Петрачков С. Российский патриотизм и реалии сегодняшнего дня // Красная звезда. 2007. 31 марта. URL: http://old.redstar.ru/2007/03/31_03/2_01.html (дата обращения: 14.07.2016).

3. Князьков С. К новому тимуровскому движению // Красная звезда. 2004. 21 апреля. URL: http://old.redstar.ru/2004/04/21_04/4_01.html (дата обращения: 14.07.2016).

4. Возвращение патриотов // Красная звезда. 2005. 25 февраля. URL: http://old.redstar.ru/2005/02/25_02/2 _02.html (дата обращения: 14.07.2016).

5. Кашин О. Десантников отпели мюзиклом. Патриотическое воспитание // Коммерсант. Daily. 2004. 26 мая. С. 7.

6. Поливцев Л. Патриотизм – не конъюнктура. Красная звезда. 2003. 19 июля. URL: http://old.redstar.ru/2003/07/19_07/4_03.html (дата обращения: 14.07.2016).

7. Платонова М. Власть озаботилась патриотическим воспитанием молодежи // Вечерняя Москва. 2006. URL: http://elibrary.ru (дата обращения: 14.07.2016).

8. Патриотами не рождаются, они воспитываются // Московская правда. 2007. 16 июня. URL: http://elibrary.ru (дата обращения: 14.07.2016).

9. Гаврилов В. А патриотом быть обязан // Труд. 2003. 10 декабря. URL: http://www.ebiblioteka.ru/ (дата обращения: 20.01.2016).

10. Столетнева Л. Встречи. Растить патриотов // Московская правда. 2004. 26 февраля. URL: http://www.ebiblioteka.ru/ (дата обращения: 20.01.2016).

11. Гулько Н. Сбылась мечта патриота // Коммерсант. Власть. 2005. 25 июля. С. 20.

12. Тучкова А. Патриотические раздоры // Новые известия. 2005. 28 апреля. URL: http://www.newizv.ru/society/2005-04-28/23722-patrioticheskie-razdory.html (дата обращения: 14.07.2016).

13. Крулевич Е. Зов предков. Игры патриотиков // Московский комсомолец. 2004. 3 июня. URL: http://www.ebiblioteka.ru/ (дата обращения: 20.01.2016).

14. Агранович М. Образование. «Тройка» за патриотизм // Российская газета. 2005. 26 апреля. С. 14.

15. Канал системы «Патриот» // Московские новости. 2003. 29 апреля. URL: http://www.liveinternet.ru/users/couzem/post274559059/ (дата обращения: 14.07.2016).

16. Ланкина Е. Продукт из патриотизма // Московские новости. 2005. 18 февраля. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/02/18/produkt_iz_patriotizma/ (дата обращения: 14.07.2016).

17. Страна сильна патриотами // Красная звезда. 2005. 22 июня. URL: http://old.redstar.ru/2005/06/22_06/1_02.html (дата обращения: 14.07.2016).

18. Хомченко Ю. Несовременный патриотизм // Время новостей. 2006. 11 октября. С. 3.

19. Качуровская А. Патриотов воспитают песнями. Образование // Коммерсант. Daily. 2003. 3 декабря. С. 7.

20. Эстерлис М. Победа воспитывает патриотизм // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 13 мая. URL: http://www.ebiblioteka.ru/ (дата обращения: 20.01.2016).

21. Павлюткина И. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» // Красная звезда. 2005. 31 августа. URL: http://old.redstar.ru/2005/08/31_08/2_01.html (дата обращения: 20.01.2014).

CURRENT FACTORS OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF RUSSIAN MEDIA ANALYSIS

***A.N. Osyanin,*[1] *A.M. Ryumin*[2]**

[1]Nizhni Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
[2] LLC Medialogia

This paper looks at how the process of nurturing patriotism and national self-awareness of citizens is reflected in the structure of the central mass media publication activity. For this purpose, in February 2013, a corpus of texts was compiled for the period from 2003 to 2013, which is an array of publications of the central Russian mass media on the phenomenon of patriotism. In the course of the study, the articles irrelevant to the subject were eliminated. The total number of publications of the collected corpus of texts amounted to 1000 articles. The lexico-semantic text analyzer «Lecta» based on the multidimensional content analysis method was used to process the data.

The work of patriotic organizations is often considered in a quite politicized manner. Military-patriotic and military-sports clubs play an important role in the development of patriotic attitudes among young people. Some criticism is waged at the existing education system regarding its patriotic work with young people. The media also reflect the polemic on who should play the main role in patriotic education in the structure of school education.

State projects, which aim at the nurturing of patriotic feelings through the media find a keen response in the publications. The good purpose of such projects is stated, but the commercialization of the idea and values of patriotism, as well as the expenditure of taxpayers' money for these purposes are criticized.

The family is assigned an important place in the process of the development of patriotic feelings. In this segment of the information space, the role of parents as bearers of the patriotic idea is noted.

The stories related to the Great Patriotic War are an important source for the development of patriotism. The values of the Great Victory are highlighted, specialized events are organized, the media are involved in this work. However, there are concerns regarding the effect of these efforts: young people do not show interest in the events of the Great Patriotic War and due respect for its victims.

Keywords: nurturing patriotism, mainstream media, government programs, education system, family, content analysis.

УДК 316

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛУГ СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЯМ В РОССИИ

© 2017 г.

М.М. Коренькова

Коренькова Марианна Максимовна, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал
mkorenkova@hse.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2017
Статья принята к публикации 24.07.2017

Рассматриваются история и факторы развития рынка коммерческих услуг семье в современном мире. Оцениваются формат современной семьи и ее меняющиеся потребности, которые приводят к коммерциализации семейной деятельности и росту потребительских практик родителей. Выявляются и характеризуются коммерческие услуги, востребованные родителями в России. Представлены три основных типа таких услуг: бытовые услуги, услуги по уходу и воспитанию детей. Они анализируются с точки зрения их содержания, компонентов, а также в зависимости от предпосылок и механизмов, которые стимулируют их потребление и, как следствие, вызывают рост предложений на рынке. Предпринята попытка обозначить основные принципы функционирования рынка семейных услуг в России и перспективы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: рынок семейных услуг, платные бытовые услуги, аутсорсинг, родительство, современная семья, платные услуги.

В последние десятилетия во всех развитых странах наблюдаются существенные изменения в конфигурации семейных функций. Можно сказать, что основной семейной функцией в настоящее время является воспроизводство человеческого потенциала, тогда как многие другие ее функции размываются. Семья в подавляющем большинстве случаев уже не является производственной единицей, за исключением семейного бизнеса, который в России существует в очень ограниченных масштабах в сельском хозяйстве и сфере услуг. Развитие здравоохранения, образования, социального страхования, банковской системы сделало возможным внесемейное удовлетворение разных потребностей в безопасном существовании семьи, например получение помощи в случае болезни и старости или заем финансовых средств, необходимых для лечения, освоение курсов профессиональной помощи и т.д. [1]. Кроме того, активно развивается рынок семейных услуг другого уровня, главной задачей которого является предоставление заботы и попечения, к которым относятся разнообразные предложения по воспитанию, социальной адаптации и самоопределению личности, организации досуга и питания семьи, а также решение иных бытовых задач. Опыт родительства, безусловно, является социально дифференцированным и зависимым от определённого набора культурных и экономических ресурсов, а потому осуществление выбора платных услуг и пользования ими оказывается доступным не для всех социальных групп. Тем не менее по данным социологического исследования потребление платных социально-бытовых услуг в целом остается стабильным, при этом возросли доли медицинских (с 6.9% до 8%) и образовательных (с 6.2% до 6.8%) услуг [2].

Рынок семейных услуг — саморегулирующаяся социально-экономическая система, все элементы и звенья которой находятся под постоянным воздействием платежеспособного спроса и предложения, а потребитель услуги выступает центральным лицом, интересы которого являются ориентиром для провайдеров [3]. Основными потребителями или клиентами современного рынка услуг для семьи являются родители. Они не только имеют необходимость в удовлетворении определенной потребности, но также ориентируются на образцы престижного потребления в своей группе и желают обеспечить себе благоприятные условия для исполнения социальных ролей. Эта сторона потребления особенно затрагивает женщин (матерей), положение которых в последние десятилетия существенно изменилось как в плане карьерных устремлений, так и области прав и обязанностей в браке (семье). Однако в итоге происходит непредвиденное высвобождение родителей из сферы ухода за детьми и заботы (в немецкоязычной литературе можно встретить понятие «поздний аборт»), и как общее и еще менее заметное следствие – меняется институт родительства, трансформируются межпоколенные ценности, нормы и роли.

Грамотные маркетинговые стратегии поставщиков и спрос на услуги для родителей (семьи) формируют широкое предложение на рынке данных услуг [4]. В современной форме такой рынок сформировался в течение первого десятилетия 2000-х гг., но продолжает активно развиваться. Изменение форм собственности, переход к рыночным отношениям и возможность вести самостоятельную хозяйственно-экономическую деятельность в 90-х гг. прошлого века привели к тому, что многие предприятия бытовых услуг населению стали дробиться на мелкие фирмы, а также появились частные лица, оказывающие подобные услуги. Но до конца XX столетия платные социально-бытовые и образовательные услуги в целом и рынок семейных услуг в частности оставались маргинальными, прежде всего из-за сокращения доходов населения в начале рыночных реформ [5].

Улучшение экономической ситуации уже в первое десятилетие 2000-х гг. способствовало росту рынка платных услуг населению, среди которых начинает выделяться группа услуг, предназначенных семье. Рынок семейных услуг продолжает развиваться и в связи с сокращением государственной социальной поддержки семьи по сравнению с советским периодом [6]. Статистические данные 2009 г., приведенные в программе «Об основных направлениях развития бытового обслуживания населения до 2010 года», свидетельствуют, что общая доля семей и организаций, отказывающихся от решения бытовых проблем своими силами и прибегающих к помощи квалифицированных специалистов, составляла 50% [7].

Таким образом, причинами увеличения рынка платных услуг семье выступают, во-первых, сложившиеся еще в советское время практики уклонения от ответственности за воспитание и образование детей, характерные и для современных поколений [8]. Во-вторых, сокращение государственных дошкольных учреждений, резкое удорожание жизни, заставляющее обоих родителей работать, и сложившиеся стереотипы в отношении непрофессионального поведения работников государственных учреждений сформировали спрос на платные услуги [9]. В-третьих, интернационализация жизни после распада СССР приводит к сближению образов жизни населений разных стран, и в России так же, как и во всей современной мировой системе, наблюдается феноменальное расширение сферы платных услуг домохозяйствам. В США, например, на эту сферу приходится около 80% рабочих мест, и, по прогнозам Бюро статистики занятости, и в будущем рабочие места будут увеличиваться в основном за счет сферы обслуживания [10]. В настоящее время в Интернете легко найти агентства и бюро, которые помогают решить любые семейные проблемы.

В нашем исследовании изучались типы услуг платной помощи современной российской семье. В представленном анализе они поделены на три основные группы: бытовые предложения, уход за детьми и эмансипаторские продукты.

Услуги в сфере быта

Услуга «жена на час» – это бизнес по оказанию бытовой «женской» помощи в домохозяйствах. Его, как правило, организуют женщины, которые имеют необходимый жизненный опыт (им, как правило, «за тридцать»). Такое предложение востребовано в крупных городах с высоким уровнем дохода и высокой динамикой жизни. Многие из провайдеров совмещены с клининговыми компаниями, то есть помимо уборки помещения предлагается, например, поход в супермаркет, покупка еды, организация домашних праздничных мероприятий.

Содержание домашних животных для детей способствует развитию таких платных услуг, как выгул собак или других питомцев. Таким образом родители оплачивают разнообразие в жизни своего ребенка и компенсируют нехватку общения с ним. Специальные агентства поддерживают подобные желания родителей и их детей и приходят «на помощь» за разовую или ежемесячную плату, особенно тем, кто лишен времени, готовности или возможности обеспечить нужное содержание животного. Бизнес по уходу и выгулу собак и других домашних животных уже давно процветает в Европе и Северной Америке, а также становится постоянно растущим направлением рынка в Москве и других городах России [11].

Развитие общества потребления стимулирует аутсорсинг такой домашней деятельности, как покупка подарков. С одной стороны, огромное количество предложений товаров, развитие интернет-торговли и системы дисконтных продаж приводит к тому, что люди теряются в этой сфере, необходимо быть экспертом и иметь достаточное количество времени на приобретение нужных вещей. С другой стороны, ритуалы поздравлений и подношений, типы праздников требуют определенного минимума знаний. В этой связи такое ранее приятное занятие, как покупка подарков, превращается в проблему. Рынок семейных услуг незамедлительно откликнулся появлением интернет-магазинов и физических посредников, готовых за 10% от суммы покупки подобрать варианты в зависимости от потребностей клиента.

Услуги по уходу за детьми

«Автоняня» – это услуга, которая появилась не так давно на рынке семейных услуг в России. Казалось бы, только недавно женщины обрели мобильность в перевозке детей на персональном автомобиле. Однако сегодня уже фирмы предлагают услуги по доставке-перевозке детей в специализированном такси в разные пункты назначения. Скорее всего, загруженность женщин и ненадлежащим образом функционирующая городская инфраструктура спровоцировали этот спрос. Сопровождение детей осуществляется в школу и из школы, в детский сад и из детского сада, ребенок может быть отвезен на прогулку, в спортивные секции, кружки и т.д. и обратно. Для этого используются автомобили со специально оборудованными детскими удерживающими устройствами, возможно сопровождение работниками фирмы. Изучение этой услуги показывает, что такие выезды фирмы могут варьироваться от трех-четырех до двадцати в день [12]. Интересно, что сотрудниками фирмы являются женщины 35–40 лет, стрессоустойчивые, с личным автомобилем, готовые к свободному графику работы.

Услуга присмотра за детьми является в большей степени сезонной, в основном речь идет о заботе о детях во время школьных каникул. Присмотр за детьми понимается как обычная индивидуальная предпринимательская деятельность, не требующая лицензирования, так как не относится к разряду образовательных услуг. Для многих работающих родителей промежуточные школьные каникулы становятся настоящим испытанием и представляют серьезную проблему: необходимо организовать досуг, заполнить свободное время и обеспечить уход за ребенком на протяжении одной или двух недель. Такое коммерческое предложение, которое осуществляется на территории заказчика, как правило, работником с педагогическим образованием, за ежедневную плату, имеет большой спрос у родителей. Для российских родителей может еще наступить момент (как во многих развитых странах), когда будет запрещено оставлять без присмотра детей школьного возраста. Так, в западных странах законодательством запрещено оставлять детей без присмотра, и за исполнением этого предписания тщательно следят соответствующие надзорные органы. Хотя в России существуют подобные правила (детей можно оставлять одних дома только с 14 лет), пока их исполнение не контролируется. Но если эта практика придёт в Россию, рынок «сопровождения детей» получит еще более мощный стимул для развития.

Среди основных продуктов данного рынка семейных услуг в России выделяются ориентированные на долгосрочное привлечение детей и родительских средств – это частные детские сады. Формат популярен, прежде всего, из-за того, что покрывает потребности в помещении ребенка под опеку на длительное время (при недостатке государственных детских садов и, особенно, ясельных групп) и предоставляет качественные услуги по уходу и развитию ребенка. Так, в частных группах предлагается более щадящая социализация малышей. Созданные, как правило, по принципу второго родного дома коммерческие детсады имеют больше шансов на успех у детей и их родителей.

Услуги по дополнительному развитию и воспитанию детей

Наиболее популярным видом семейных услуг в России пока остаются детские развивающие центры. Одна из особенностей обращения родителей к внешним коммерческим экспертам в сфере образования и воспитания – это достижение конкурентных преимуществ ребенка среди сверстников или быстрая и эффективная компенсация его «слабостей» в условиях неразборчивой и всех уравнивающей системы государственного образования и воспитания детей. Внешняя помощь становится коммерческим продуктом.

На это направлена вся система дополнительного образования детей. Детские развивающие центры популярны как на Западе, так и в России. Так же как при обычном получении профессиональных услуг, здесь действует принцип одного окна: фирма, которая желает получить бухгалтерские, информационные, юридические и рекламные услуги, ничем не отличается от родителей, которые в таких центрах приобретают комплексное предложение. Развивающий центр предлагает услуги логопеда, психолога, творческое развитие, изучение иностранного языка, детскую йогу и тому подобное в зависимости от масштаба и креативности отдельно взятого учреждения. До недавнего времени возраст детей, посещающих школы (группы, центры) раннего развития дошкольников, составлял от 5 до 7 лет. Задачей такого учреждения было «развить в ребенке интеллектуально-творческий потенциал, познавательный интерес, адаптационные способности, познавательные процессы (мышление, речь, внимание и пр.)» через творческую деятельность [13]. В настоящее время возраст детей снизился до 1–3 лет, и целью деятельности в группах является их социализация и создание познавательной игровой обстановки. К этому призывают представители теории раннего развития [14–17], которые считают, что форсирование развития ребенка ведет к более высоким его достижениям в будущем. Хотя единства среди специалистов не существует, все-таки надо признать, что уже сформировалась «идеология раннего развития», и ее маркетинговая раскрутка привела к тому, что данный

сегмент рынка имеет широкий спрос родителей детей от 1 года до 6 лет.

Чем отличается детский развивающий центр от детского сада? В садике ребенок, как правило, находится целый день, в то время как в центре можно посещать отдельные занятия в любое время. Занятия ориентированы на возможности ребенка, они, как правило, высокоиндивидуализированы, хотя могут осуществляться и в группах. Кроме того, центр может предоставлять дополнительные услуги: лекции для родителей, продажа товаров для творчества и детских развивающих игрушек, организация и проведение праздников для детей. Одной из функций детского развивающего центра, наиболее привлекательной для родителей и обеспечивающей спрос на его услуги, является подготовка детей к школе. Частная практика детского развития зачастую рассматривается родителями в России как «вертикальный лифт для поступления в престижную школу» [18] и личной академической конкурентоспособности ребенка. Именно на этот родительский перфекционизм и рассчитаны всевозможные детские центры, школы развития и подготовительные курсы. Битва за престиж привела к тому, что большая доля родителей готова тратить с трудом заработанные деньги на развивающие центры и курсы, личных специалистов-помощников, чтобы их ребёнок вырос и стал не хуже, а, может быть, еще более развитым, чем его среднестатистический сверстник [19]. Портрет клиента таких центров неоднозначен: это могут быть родители с высокими доходами и уровнем образования, но немало и тех, кто при незначительных средствах стремится воплотить в своих детей свои надежды или гарантировать ребенку «лучшую жизнь». Факторами, влияющими на ценообразование услуг в детских развивающих центрах, могут быть используемые учебные программы, количество занятий, стоимость помещений и оборудование. При выборе детского развивающего центра родители руководствуются рядом критериев, помогающих им сделать выбор. Для 80% взрослых важно месторасположение центра. Выбор падает на учреждения, в которые родителям легче добраться из дома или с работы. Следующим критерием является наличие нескольких развивающих программ разных направлений, а также возрастной охват детей. Важную роль играют отзывы об опыте, квалификации воспитателей и их личностных качествах, поскольку сотрудники детского центра являются ключевыми фигурами в самом содержании услуги. Родители также обращают внимание на наличие необходимого инвентаря, наглядных пособий для проведения занятий и игры, количество детей в группе [20].

Проблема заключается в том, что, поскольку в настоящее время система дополнительного образования дошкольников в России переживает период становления и все еще лишена государственного контроля, она ориентируется на самостоятельное определение смыслов и ценностей в своей деятельности и ее итогах, зачастую исходя только из интересов родителей и с учетом возможностей продажи своих услуг на рынке [13, 2]. При этом количество открываемых детских центров раннего развития неуклонно растёт. В этой связи изменения должны затронуть, прежде всего, правовые основания в этом поле, а также обоснование функций и назначения таких услуг в общей стратегии развития образования и воспитания детей в стране. В настоящее время нормы деятельности детских развивающих центров регулируются коммерческими правилами и требованиями со стороны органов местной власти.

Таким образом, перспективы развития рынка семейных услуг в России во многом определяются спецификой целевой аудитории – трансформацией ролей и образа жизни родителей. Это обеспечивает жизнеспособность такого рынка и его оборот – постоянное пополнение клиентов и развитие самих услуг происходит быстрыми темпами. Зарубежными экспертами не выявлена существенная зависимость между уровнем экономического положения родителей и степенью пользования платными семейными услугами, за исключением очень бедных и очень богатых семей [21]. Поэтому рынок дополнительных детских услуг привлекает бизнес своей стабильностью и устойчивым спросом, являясь относительно неуязвимым даже во времена экономических кризисов, так как мотивация потребителей высока и постоянно поддерживается. Данное положение дел в большой степени характерно и для России, однако чрезмерная дифференциация доходов в нашей стране все же формирует неравные социально-экономические возможности [22].

В последнее время активная государственная политика в интересах семьи и детей (что отражается в большом числе принимаемых постановлений, программ, специальных модулей и т.д.), привлечение внимания к социальному и культурному развитию личности, стремление индивидов к социальному и профессиональному успеху находят прямое отражение в развитии рынка семейных услуг [23]. Совершенствование обслуживающих, развивающих и образовательных услуг для семей имеет все предпосылки в современном российском обществе и относится к категории социально-экономических значимых явлений и проектов. Учитывая последние макротенденции социализации российской экономики (в первую очередь – увеличение и стимулирование рождаемости, поддержка института семьи), рынок детских товаров и услуг

можно признать одним из перспективных и динамично развивающихся сегментов экономики.

Список литературы

1. Никольская Г.К. Семья в условиях постиндустриального общества (на примере США) // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 8. С. 71–80.

2. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2016. № 15.

3. Лопатина Н.В. Социология маркетинга. М.: Академический проспект, 2005. С. 134–142.

4. Боровикова Л.В. Проблемы современной семьи и мир детства // В сб.: Социальное обслуживание семей и детей. 2014. № 2. С. 14–28.

5. Ноженко Д.Ю., Попов В.Г. Развитие сферы бытового обслуживания населения в условиях реформирования местного самоуправления // Чиновник. 2008 [Электронный ресурс] URL: http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2008/01/10/ (дата обращения: 17.10.2016).

6. Шманкевич Т.Ю. «Затмение семьи»: дискуссия во французской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 3. С. 157–173.

7. Маркетинг: вопросы и ответы / Под ред. Н.П. Кетовой. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 478 с.

8. «Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей: Мнения населения и экспертов. По материалам конкретного социологического исследования подростковой преступности. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. 60 с.

9. Андреева О.Р., Берендеева А.Б., Берендеева О.С. и др. Социальная сфера и доступность социальных благ в регионе: Монография / Науч. ред. А.Б. Берендеева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. 488 с.

10. Industry Output and Employment Projections to 2018: Employment by Major Industry Sector / U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics. Monthly Labor Review. November 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bls.gov/emp/ep_table_201.htm (дата обращения: 17.10.2016).

11. Как открыть бизнес по выгулу собак. Русский стартап [Электронный ресурс]. URL: http://www.russtartup.ru/openbiz/kak-otkryt-biznes-po-vygulu-sobak.html (дата обращения: 01.10.2016).

12. Ситников А. Бизнес-идея: бизнес на домашних услугах [Электронный ресурс]. URL: http://www.equipnet.ru/org-biz/uslugi/uslugi_47.html (дата обращения: 01.10.2016).

13. Машинистова Н.В. История становления дополнительного образования детей в России // Проблемы и перспективы развития образования: Материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 38–42.

14. Ибука М. После трёх уже поздно. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 126 с.

15. Доман Г., Доман Д., Эйзен С. Как развить интеллект ребенка. М.: АСТ, 2000. 320 с.

16. Тюленев П.В. Как ускорить интеллектуальное развитие ребенка? М., 1995. 156 с.

17. Никитин Б.П. Интеллектуальные игры. М.: Световид, 2009. 216 с.

18. Чеснокова О.Б., Субботский Е.В. Психолог в системе дошкольного образования: английский вариант // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2013. № 1 (33). С. 60–69.

19. Старостина Ю.А. Особенности мотивационной сферы матерей, стремящихся к форсированию развития ребенка-дошкольника // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 4. URL: http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/473 (дата обращения: 01.10.2016).

20. Собкин В.С., Иванова А.И., Скобельцина К.Н. От воспитания в детском саду к школьному образованию: мнение родителей // Национальный психологический журнал. 2011. № 1(5). С. 111–118.

21. Chung-un C. Parental competition, anxiety over future drive kids market // The Korean Herald. 2016-04-29.

22. Стукаленко Е.А. Дифференциация доходов населения: причины и последствия // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2014. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-dohodov-naseleniya-prichiny-i-posledstviya (дата обращения: 01.10.2016).

23. Кетова Н.П., Дражан Д.А. Клиентоориентированный маркетинг компаний – производителей детских товаров. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие-XXI век», 2013. 96 с.

CHARACTERISTICS AND DEVELOPMENT TRENDS OF THE MARKET OF COMMERCIAL SERVICES FOR FAMILIES AND PARENTS IN RUSSIA

M.M. Korenkova

State Research University Higher School of Economics, Nizhni Novgorod

The paper looks at the history and factors of the market of paid services to families in the modern world. The format of the modern family and its changing demand for paid services are examined. Commercial services that are in demand with Russian parents are singled out and characterized. Three types of services are presented: household, childcare and childrearing. The analysis of the services is made on the basis of their content, components, preconditions and mechanisms of their consumption and promotion on the market. In conclusion, an attempt is made to identify the main principles of the functioning of the family services market in Russia and the prospects for its further development.

Keywords: market of services for families, paid household services, outsourcing, parenthood, modern family, paid services.

УДК 316

РОЛЬ ОТЦА В ИНВЕСТИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

© 2017 г.

Л.В. Шелуханова

Шелуханова Людмила Валерьевна, н.с. Центра семьи и демографии АН Республики Татарстан, Казань
shatunovaluida@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017
Статья принята к публикации 26.07.2017

Представлены результаты социологического исследования, демонстрирующие особенности инвестирования социального капитала в неполных семьях, возглавляемых отцом. Целью исследования является рассмотрение социального капитала неполной семьи с точки зрения его ресурсной функции, как средства разрешения жизненных проблем. Авторское исследование было направлено на выявление особенностей инвестирования социального капитала, методов и стратегий его передачи в неполных отцовских семьях. При сборе анкет использовались метод «снежного кома» и сеть Интернет. Инструментарий был составлен на основе методических разработок региональных исследователей. В результате показаны формы включенности в социальную сеть, используемые отцами и детьми в повседневной жизни, а также значение родственных связей, запас социального капитала семьи и его влияние на успешность социализации ребенка.

Ключевые слова: инвестирование, социальный капитал, семейный капитал, неполная семья, отцовские семьи, ресурсы социального капитала, социализация.

Социальный капитал можно определить в виде совокупности определенных множеств, которыми обладает индивид. Данные множества имеют ряд общих свойств и представляют собой некие аспекты социальных структур, способствуют действиям индивида внутри данных структур.

Социальный капитал является компонентом социокультурной среды общества, позволяет достичь результатов, которых невозможно было бы получить в его отсутствие. Концепции социального капитала рассматривают его по преимуществу в качестве некоторого блага, которое создается временем и усилиями. Так как социальный капитал является продуктом унаследованной культуры, он передается из поколения в поколение и проявляется преимущественно в отношениях между ними. Если он не передается другому человеку, теряет свою общественную значимость, замыкаясь на отдельном человеке [1].

Отметим, что впервые категория «социальный капитал» вошла в научный оборот в 60-х гг. XX в. в работах Линды Хенифей. Для объяснения сущности категории «социальный капитал» она использовала понятия «дружба», «симпатия» и рассматривала социальные взаимодействия в рамках семьи и общины [2].

Концепция социального капитала широко рассматривается в современной социологической теории и является устойчивой научной категорией.

Интерес для нашего исследования представляют взгляды Дж. Коулмана. Автор подчеркивает роль социального капитала в семье и обществе. В своих работах теоретик разделяет капитал семьи на три основных компонента: финансовый, человеческий и социальный.

Каждая семья обладает определенным набором ресурсов семейного капитала, которые, в свою очередь, должны инвестироваться в детей. Количество же имеющихся у семьи ресурсов будет влиять на качество будущего капитала ребенка. Семейный капитал представляется в виде совокупности разного вида ресурсов, передающихся от родителей к ребенку: экономический капитал – доходы, человеческий капитал – образование родителей, социальный капитал – плотность внутренних и внешних социальных сетей [3].

Более высокая успеваемость ребенка напрямую зависит от высоты человеческого капитала родителей. Социальный и культурный капитал семьи также является положительным фактором в образовательных возможностях ребенка [4].

Дж. Коулман в своих трудах раскрывает механизмы накопления и воспроизводства человеческого капитала внутри семьи и приходит к выводу, что высокий образовательный уровень людей способствует созданию самовоспроизводящейся атмосферы доверия, отдача от которой связана с ростом среднего образовательного уровня индивида. Здесь социальный капитал семьи определяется как отношения между детьми и родителями [5, с. 130–138].

Ресурсом социального капитала является и внимание, которое родитель уделяет своему

ребенку, а также его физическое присутствие. При условии физического дефицита нарушается взаимосвязь и исчезают структурные элементы в социальном капитале семьи.

Основываясь на теории Дж. Коулмана, сделаем акцент на отношениях родителей и детей в различных формах семей.

Необходимо определить стратегию передачи ресурсов семейного капитала в различных формах семей. В нашем исследовании анализируется неполная отцовская семья.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что, во-первых, в современном обществе увеличивается доля одиноких отцов и отцовских семей; во-вторых, в Российской Федерации формируется новая модель отцовства, определяющая способность мужчин брать на себя новые обязанности по выполнению роли одинокого отца; в-третьих, рынок труда не способен эффективно интегрировать монородительскую отцовскую семью, тем самым препятствует успешной адаптации к возникшей жизненной ситуации; в-четвертых, девочки, воспитывающиеся в отцовской семье, не всегда получают целостные модели полоролевого поведения и т.д.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., общее число частных домохозяйств составило более 40 млн, из них число домохозяйств, состоящих из отца с детьми, составило 684 тыс. [6].

По данным различных правозащитных благотворительных организаций, оказывающих помощь отцам-одиночкам, число таких семей с каждым годом растет, отцы всё чаще готовы после развода продолжать активно выполнять родительские функции и бороться за право общаться с ребенком или оставлять ребенка с собой. Если в 2000 г. суд после развода оставлял с отцом всего 2–3% детей, то в 2007 г. – примерно 6% [7, с. 33].

Мужчины стали больше времени уделять уходу за детьми и их воспитанию. Так, американские отцы проводят с детьми в среднем около 1.9 часа в рабочие и 6.5 часов в выходные дни. Это значительно больше, чем 25 лет назад [7, с. 30].

Следует отметить, что в научной литературе достаточно большое количество исследовательских работ посвящено тематике одинокого материнства, тогда как практике одинокого отцовства не уделяется должного внимания.

В обобщенном виде проблемы одиноких отцов рассматривались в работах А.Р. Михеевой [8], Т.А. Гурко [9], О.Н. Безруковой [10], Н.Ю. Егоровой и А.В. Курамшева [11], А.Л. Янак [12].

Постановка и разработка поставленной проблемы является актуальной еще потому, что в процессе инвестирования ресурсов семейного капитала принимает участие только один родитель, в силу чего все проблемы – от экономических до моральных ему приходится решать в одиночку.

При изучении нашей проблемы акцент ставился на таких ресурсах семейного капитала, как доход, образование, контроль, взаимопомощь, нормы, ценности. Ресурс образовательных намерений родителей оказывает влияние на образовательные траектории школьника. Родитель должен мотивировать ребенка к получению образования.

Отметим, что значимость изучения процесса конвертации различных видов капитала семьи является наиболее важной для нашего исследования. Недостаток социального капитала семьи может наблюдаться при физическом присутствии родителя, но при отсутствии тесных и прочных отношений в семье [5].

Феномен ресурсности семейного капитала должен быть рассмотрен и проанализирован с разных сторон. В нашем исследовании были проанализированы такие нематериальные составляющие капитала, как атмосфера семьи и ее ценности. В контексте целей и задач исследования «ресурсы» определяются как средства, необходимые для нормального функционирования определенного домохозяйства, успешной социализации и развития детей в них. При этом часть этих ресурсов может использоваться и передаваться, а часть нет. Средства, которые имеются, но не используются, образуют резервы [3].

С целью оценки качества ресурсов семейного капитала, полноты их инвестирования в детей нами были разработаны и систематизированы виды ресурсов семьи, а также приведены причины недостаточного инвестирования их в детей.

Ресурсы социального капитала:

1) Экономические – материальное положение родителей, качество жилищных условий, количество сбережений семьи, количество долгов семьи, частота и характер пользования платными услугами, отсутствие критических материальных ситуаций, уровень личного дохода в месяц, наличие льгот, пособий.

2) Интеллектуальные – уровень образования родителей, возможности и способности к анализу происходящих процессов, творческий ресурс родителей.

3) Социальные – степень приобщения ребенка к труду, к социальным нормам, стандартам поведения, к семейным традициям и ценностям.

4) Физические – общение родителя с ребенком, отсутствие командировок, свободное от работы время, совместный отдых, помощь со стороны родственников, частота стимулирования и мотивации к достижениям, выраженная в похвале за определенные успехи, поощрения, контроль со стороны родителей.

Причины недостаточного инвестирования ресурсов семейного капитала:

1) Низкое материальное положение семьи.

2) Низкие показатели физического присутствия родителя, частые командировки.

3) Отсутствие межличностного общения между родителем и ребенком.

4) Отсутствие контроля со стороны родителя.

5) Отсутствие стимулирования ребенка.

6) Отсутствие примера мужского либо женского ролевого поведения.

7) Недостаточная помощь со стороны государства.

8) Чрезмерный авторитарный либо снисходительный стиль воспитания.

Каждая семья уникальна набором определенных проблем и методов для их разрешения.

Сам процесс передачи ресурсов социального капитала семьи является определенным каналом, через который родители связывают своего ребенка с институтами общества.

Авторский подход ориентирован на рассмотрение социального капитала с точки зрения характеристики его ресурсной функции как средства разрешения жизненных проблем. С целью выявления особенностей инвестирования социального капитала, методов и стратегий его передачи в 2014–2015 гг. в Республике Татарстан автором было проведено социологическое исследование среди представителей неполных отцовских семей. В анкетировании приняли участие 128 отцов, самостоятельно воспитывающих детей. Из-за труднодоступности данного вида респондентов временной промежуток опроса составил год. При сборе анкет использовались метод «снежного кома» и сеть Интернет. Инструментарий был составлен на основе методических разработок региональных исследователей[1].

Применяемый нами метод отбора респондентов обосновывается тем, что одинокие отцы являются сложной и редкой для социологического анализа группой.

Социально-демографические и социокультурные характеристики позволили составить социальный портрет отца-одиночки. В результате исследования выяснилось, что основной возраст отцов-одиночек 35–45 лет. В большинстве респонденты стали отцами-одиночками вследствие развода (38%), гибели супруги – 32%, асоциального поведения матери (алкоголизм или наркомания) – 12%, оставшиеся 10% респондентов указали, что мать ребенка отбывает наказание в местах лишения свободы, в данном случае отец юридически является единственным опекуном, 8% опрашиваемых указали другой вариант ответа (мать ребенка пропала без вести, долгое время находится на лечении, ушла к другому мужчине и оставила семью). Большинство респондентов имеет высшее, среднее профессиональное образование (28% и 36% соответственно). Наибольшее количество одиноких отцов проживают в городской местности – 65% респондентов, в сельской – 35%. Основной доход семьи отцов-одиночек в среднем составляет 40 тысяч рублей – 46% респондентов.

Одним из индикаторов, определяющих социальный портрет опрошенных, является количество детей. Так, у 65% опрошенных имеется один ребенок, 22% – двое детей, 13% – трое и более детей.

Далее, мы определили состав семьи в исследуемой группе. Практически в равных количествах выделились две группы респондентов: 1-я группа опрошенных (41%) – проживают со своим ребенком (детьми) и со своими родителями, 2-я группа респондентов (38%) – проживают только со своим ребенком (детьми); также выделилась 3-я группа респондентов (21%), здесь определились отцы, которые не проживают вместе со своим ребенком, но принимают активное каждодневное участие в его воспитании и содержании (в данном случае ребенок проживает с другими родственниками, но юридически отец является единственным опекуном).

Наше исследование позволило измерить социальный капитал по таким показателям, как ресурсная составляющая, включенность индивида в социальные сети и интенсивность его использования.

Необходимо уяснить, что именно семейный капитал представляется в виде потенциальных ресурсов, которые связаны устойчивыми отношениями и признанием, другими словами, отношениями родительства и родства в семье.

Экономические ресурсы семейного капитала выражаются в материальном положении родителей, в данном случае отца. Так, собственные возможности семьи питаться большинство респондентов оценивают как хорошие – 68%, удовлетворительные – 23%, плохие – 9%; одеваться – 53%, 39%, 8%, соответственно. Небольшое количество респондентов – 23% могут позволить себе отдых в период отпуска. Что касается жилищных условий, то 68% опрошенных оценивают их как удовлетворительные.

На вопрос о том, какие виды сбережений или долгов имеет их семья, немалый процент респондентов указали вариант ответа о невыплаченных кредитах в банках (42%).

34% отцов на вопрос о том, какими видами платных услуг за последние 3 года пользовались члены семьи, указывают вариант ответа –

платные образовательные учреждения для детей (в том числе спортивные школы и пионерлагеря).

Субъективная оценка респондентами своего социально-экономического положения выглядит следующим образом: более половины опрошенных (52%) относят свою семью к разряду среднеобеспеченных, 28% – к малообеспеченным, 12% – обеспеченным, 8% – состоятельным. При этом 68% респондентов ответили, что в их жизни были критические жизненные ситуации, когда совершенно не хватало денежных средств. Можем сделать некоторые выводы о том, что экономические ресурсы отцов-одиночек являются не столь высокими.

Очень важно, сколько времени посвящает родитель своему ребенку, так как инвестирование ресурсов может происходить только в практической деятельности, именно по этому показателю можно судить об интенсивности передачи социальных ресурсов. Семья дает ребенку опору и поддержку в виде коллективного капитала.

По мнению большинства опрошенных, свободное от работы время имеют очень редко 68% отцов, 28% не имеют его и всего около 4% опрошенных ответили, что располагают данным временем. Под свободным от работы временем мы понимали время, которое отец может посвятить хобби своего ребенка, личным интересам ребенка, совместным прогулкам, выездам на природу, совместному прослушиванию музыки, чтению книг, просмотру телевизора.

Мы постарались определить, сколько времени отец уделяет своему ребенку. Так, большинство опрошенных не смогли дать точного ответа, 72% респондентов указали, что все зависит от обстоятельств. Из них 47% в свободное от работы время иногда выходят на прогулки, 13% делают это регулярно. Занимаются физическими упражнениями, спортом 16% опрошенных, 8% респондентов читают своим детям, 5% играют с ними, и 11% опрошенных затруднились ответить.

Ребенку для лучшего личностного развития, самообразования, получения новых знаний, умений, навыков, помимо основного места учебы, необходимо иметь определенные интересы. На вопрос, имеются ли у ребенка какие-либо увлечения, 48% одиноких отцов заявили об их наличии, 22% высказали противоположную точку зрения, а 30% затруднились ответить.

Согласно проведенным исследованиям, основным вкладом в ребенка является стимулирование и мотивация его со стороны родителя на получение новых знаний, умений, интересов. Этот аспект деятельности родителей выступает залогом успешной социализации. Именно поэтому родителям был задан вопрос, по чьей инициативе ребенок посещает дополнительные занятия. Всего 15% респондентов указали, что именно они помогли ребенку сформировать дополнительные увлечения. Большинство респондентов указали такие варианты, как «желание ребенка», «желание и решение родственников» (46 и 32% соответственно), 7% затруднились ответить.

Это говорит о том, что очень малый процент отцов, воспитывающих ребенка в одиночку, стимулируют ребенка на появление у него интереса к дополнительным занятиям. Однако, на наш взгляд, ребенок нуждается в направленности своей деятельности, ее интенсивности, только тогда можно будет говорить, что социализация проходит успешно.

Передача собственных интересов родителей своим детям является не менее значимым показателем инвестирования социального капитала. Большинство опрошенных указали, что не имеют общих с ребенком занятий и увлечений (38%), 16% имеют общий интерес, остальные 46% затруднились ответить. Другими словами, в набор индивидуально накопленных ресурсов ребенка могут не попасть полезные «продукты». Например, респондентам было предложено указать личные увлечения, такие как рыбалка, охота, спорт, чтение литературы и многое другое. Практически все респонденты указали несколько своих увлечений, но каждый пятый опрошенный ответил, что общих увлечений с ребенком не имеет.

Несмотря на это, более половины опрошенных уверены в том, что общение с ребенком является важной составной частью их взаимоотношений (72%), почти треть респондентов крайне редко выделяют время для общения, чтения, выполнения домашнего задания со своим ребенком (28%). Каждый десятый выделяет для этого время каждый день (12%), тогда как каждый третий – несколько раз в неделю (32%).

Мы постарались узнать, чем занимаются сами родители в свободное от работы время. Наиболее популярными ответами были – работа по дому (32%) и просмотр телевизора (38%).

Инвестиции в *интеллектуальный капитал* наиболее эффективны и плодотворны для дальнейшей жизнедеятельности ребенка. Это обусловлено требованиями современного мира, так как знания и информация для человека – важнейшие проводники для получения более выгодных социальных позиций в жизни.

Именно поэтому мы постарались выяснить, принимают ли одинокие отцы участие в повышении уровня знаний ребенка, в его образовании. Как показывают результаты исследования, по мнению большинства опрошенных, этим

занимаются бабушки и дедушки (37.5%), сам отец занимается время от времени (29%) и только 15% уделяют данному аспекту каждый день. Почти десятая часть отцов указали, что им не хватает времени (13%), 6% опрошенных затруднились с ответом.

Частота данных занятий следующая. Примерно каждый пятый отец ответил, что занимается с ребенком 1–2 раза в неделю (18%); каждый третий – 1–2 раза в месяц (30%), 15% – 3–4 раза в неделю. Реже 1 раза в месяц проводят занятия со своим ребенком 9% отцов, 27% затруднились с ответом. Полученные данные позволяют констатировать, что интеллектуальный капитал, который может накопить ребенок в семье, возглавляемой одиноким отцом, инвестируется не в полном объеме. Это происходит вследствие дефицита капитала физического (а именно наличия отца в семье во временн*о*м аспекте).

Вне зависимости от образования респондента большинство опрошенных (52%) в будущем видят своего ребенка как специалиста с высшим образованием.

С целью определения собственных *интеллектуальных ресурсов родителей* респондентам был задан вопрос, занимаются ли они самообразованием, чтением, творчеством, посещают ли театры, музеи и другие просветительные учреждения.

Здесь 42% респондентов указали, что на это не хватает времени, 15% посещают театры и музеи, 18% читают художественную литературу, 12% занимаются творчеством, 13% затруднились ответить.

Человеческий капитал, выраженный в физическом присутствии родителя, очень важен. Ребенок в полной мере должен овладевать социальными нормами и ролями. Недостаток внимания со стороны родителей приводит к внутриличностным конфликтам и к отсутствию связи с ребенком. Острота проблемы заключена именно в этом, так как все виды социального капитала неразрывно взаимосвязаны. Практически все респонденты (93%) – работающий слой населения. График работы большинства опрошенных составляет 8–12 часов в сутки, и имеются выезды в командировки. Именно это еще раз может говорить о дефиците человеческого капитала, который заключается в физическом присутствии родителя дома. 55% респондентов ответили, что график их работы не сказывается на воспитании ребенка. Это объясняется тем, что в неполных отцовских семьях задачу по воспитанию берут на себя другие родственники.

Нередко семьи бабушек и дедушек становятся источником дополнительных ресурсов для представителей неполной семьи. Родители благодаря этой помощи могут чувствовать себя не столь одинокими и перезагруженными заботой о ребенке. На вопрос, кто оказывает помощь в воспитании ребенка, 53% респондентов ответили, что она в основном идет со стороны бабушек и дедушек ребенка.

Большинство опрашиваемых отцов-одиночек сказали, что родственники оказывают поддержку в воспитании ребенка (75%). Из них более половины охарактеризовали данную помощь как существенную. Большинство отцов отметили, что бабушки и дедушки проводят с ребенком длительное время, выходят с ним на прогулку, забирают ребенка из детского сада и занимаются его досугом.

Родителю необходимо контролировать и школьную успеваемость ребенка, высокий уровень которой является одним из показателей успешной социализации [10]. Чтобы школьная успеваемость не страдала, необходимо инвестировать в ребенка такие ресурсы, как помощь в выполнении домашнего задания, контроль оценок, контроль поведения в школе.

Анализ результатов позволяет выстроить следующую картину. Более трети отцов помогают выполнять ребенку домашнее задание (37%), одна пятая часть – всегда выполняют домашнее задание вместе с ребенком (21%), тогда как 15% указали, что дети всегда выполняют домашнее задание самостоятельно.

Такие инвестиции в ребенка, как внимание, совместное времяпрепровождение, разговоры «по душам», беседы о нормах морали и нравственности, формируют личность и влияют на успешность социализации. Данные вложения улучшают семейный микроклимат и способствуют улучшению атмосферы в семье. Большинство отцов ответили, что их дети участвуют вместе с ними в делах по дому (64%). Каждый пятый опрошенный бывает со своими детьми в театрах, музеях, на концертах (21%).

Контроль со стороны родителей сохраняет свою важность и необходимость. Наблюдение за ребенком означает знание того, где сейчас находится ребенок и чем он занимается, что он занят подобающей ему деятельностью; это касается как социальной приемлемости его действий, так и учебы, домашней работы и иных обязанностей.

В данном контексте мы постарались проследить субъективное мнение родителей по поводу того, достаточно ли они контролируют своего ребенка. 59% отцов ответили положительно.

В основном респонденты отвечали, что знакомы с кругом общения своего ребенка (76%), при этом 16% опрошенных не смогли назвать имя лучшего друга или подруги.

Недоверие ребенка к своим родителям может повлечь за собой целый комплекс проблем для всех членов семьи. Замкнутость, неуверенность в себе могут являться следствием потери доверия к своим родителям со стороны ребенка. Необходимо понимать, что гармоничные внутрисемейные отношения являются залогом душевного здоровья человека. Отец может предотвратить развитие негативных качеств своего ребенка, став для него не только воспитателем, но и другом.

37% отцов ответили, что дети крайне редко делятся с ними своими секретами и переживаниями, 24% родителей сказали, что ребенок рассказывает о своих тайнах, остальные респонденты затруднились ответить (39%).

Родителю необходимо создавать стабильную эмоциональную атмосферу семьи, чтобы ребенок ощущал свою значимость. Большинство респондентов считают необходимым соблюдать семейные праздники, традиции и с детства приобщать ребенку к этому (76%), 12% считают соблюдение семейных традиций и праздников не столь необходимым занятием, 12% затруднились ответить.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, одинокие отцы недостаточно стимулируют своего ребенка к стремлению получить новые умения, знания. Стимулирование может содействовать развитию связей и облегчить доступ к получению информации. В данном случае социальный капитал, имеющийся у семьи, – это определенный запас, но если этот запас не используется, ребенок может не накопить тот набор способностей, интересов, знаний и навыков, которые может использовать в процессе своей жизни. Во-вторых, большинство отцов имеют собственные занятия и увлечения, но они не передают их ребенку. В-третьих, наблюдается дефицит физического капитала. В данном случае каждый второй отец указывает, что он не имеет свободного от работы времени, чтобы посвятить его хобби своего ребенка, совместным прогулкам, выездам на природу, совместному прослушиванию музыки, чтению книг, просмотру телевизора, личным интересам ребенка. Это является крайне негативным моментом, так как дефицит физического капитала влечёт за собой много отрицательных последствий, например безнадзорность, бесконтрольность, девиантное и делинквентное поведение подростка. В-четвертых, присутствие в неполной семье родственников (особенно бабушек и дедушек), помогающих заботиться о ребенке, уменьшает вероятность потенциальных негативных воздействий неполной семьи.

Примечание

1. Социологический опрос «Образовательная мобильность сельской семьи» (Пестречинский муниципальный район – выборка: 900 чел., 2012 г.; Кукморский муниципальный район – выборка: 991 чел., 2013 г.; Дрожжановский муниципальный район – выборка: 1920 чел., 2014 г.; Высокогорский муниципальный район – выборка: 2058 чел., 2014 г.) – анализ изменения уровня образования и ориентации на его дальнейшее повышение и интеграции полученных знаний внутри или за пределами села в рамках четырех поколений сельской семьи свидетельствует о потенциале образовательного ресурса в процессе модернизации жизненного пространства села.

Социологический опрос «Этнокультурные ценности семьи» (Пестречинский муниципальный район – 454 чел., 2012 г.; Кукморский муниципальный район – 830 чел., 2012 г.; Дрожжановский муниципальный район – 975 чел., 2013 г.; Высокогорский муниципальный район – 917 чел., 2014 г.).

Социологический опрос «Социальный капитал села Республики Татарстан» (Пестречинский муниципальный район – выборка: 1095 чел., 2012 г.; Кукморский муниципальный район – выборка: 804 чел., 2013 г.; Дрожжановский муниципальный район – выборка: 1001 чел., 2014 г.; Высокогорский муниципальный район – выборка: 898 чел., 2014 г.) – на основании ответов сельских жителей представлена субъективная оценка динамики человеческих, бытовых, инфраструктурных, сельскохозяйственных, социальных ресурсов современного села.

Список литературы

1. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология (электронный журнал). 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/formy-kapitala (дата обращения: 08.04.2017).

2. Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory // The World Bank Research Observer. 2000. № 15. P. 225–251.

3. Шафиков М.Т. Потенциал: сущность и структура // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 236–245.

4. Ильдарханова Ч.И. Методологические альтернативы исследования образовательного капитала семьи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 64–69.

5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

6. Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis 2010/croc/perepis_itogi1612.htm]. Т. 6. Число и состав домохозяйств (частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру домохозяйства и числу детей моложе 18 лет). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (дата обращения: 08.04.2017).

7. Карельская Л.П. Тенденции развития современного института отцовства // Наука и образование: современные тренды: Коллективная монография / Гл. ред. О.Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № X. С. 30–38. Сер. «Научно-методическая библиотека».

8. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.

9. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М., 2003. 284 с.

10. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // СОЦИС. 2013. № 9. С. 118–130.

11. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118.

12. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. Вып. 2. С. 42–46.

FATHER'S ROLE IN THE INVESTMENT OF SOCIAL CAPITAL INTO THE CHILD'S DEVELOPMENT

L.V. Shelukhanova

Center for Family and Demography, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

This paper presents the results of a sociological study demonstrating how social capital is invested in single-parent families headed by the father. The purpose of the research was to examine an incomplete family's social capital in terms of its resource function as a means of solving life problems. The author's study was aimed at identifying investment opportunities of social capital, methods and strategies for its transfer in single-parent paternal families. When collecting the questionnaires. the method of "snowball" and the Internet were used. The toolkit for the study was compiled on the basis of methodologies developed by regional researchers. We show the forms of involvement in the social network used by fathers and children in everyday life, as well as the importance of family ties, the social capital of the family and its impact on the child's successful socialization.

Keywords: investment, social capital, family capital, single-parent family, father's family, resources, social capital, socialization.

УДК 316.258

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ К. ДЭВИСА

© 2017 г.

Д.А. Офицерова

Офицерова Дарья Александровна, аспирант кафедры истории и теории социологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
daria.ofitserova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.01.2017
Статья принята к публикации 26.07.2017

Целью работы является критический анализ социальной структуры в функционалистской теории на примере работы К. Дэвиса «Концептуальный анализ стратификации». Для определения понятия «социальная структура» раскрываются следующие категории: «позиция», «статус», «должность», «страта», «класс», «стратификация», «каста», «сословие», «роль», «престиж», «оценка», «ранг»; объясняется степень их значимости для положения индивида в социальной структуре. Научная новизна работы заключается в теоретической разработке функционалистского понимания социальной структуры на основе непереведенных и мало изученных работ. В ходе исследования были использованы метод традиционного анализа документов, сравнительный и аналитический методы. Результатом работы стал подробный разбор функционалистской теории К. Дэвиса, вывод о понимании социальной структуры как комплекса структур, выделенных на различных социально значимых основаниях, а также о механизме формирования престижной структуры на основе выделения значимых для общества функций.

Ключевые слова: социальная структура, функционализм, страта, позиция, статус, престиж.

Первое, с чем сталкивается исследователь, изучая социальную структуру, – необходимость дать ее определение. Рассматривая социальную структуру во взаимосвязи с такими понятиями, как «неравенство», «позиция», «положение», «статус», «должность», «страта», «класс», «стратификация», «каста», «сословие», «роль», «личность», «престиж», «оценка», «ранг», теоретик должен разграничить их, определить степень взаимозависимости и взаимовключенности, и каждый имеет право на свою точку зрения.

Свое понимание социальной структуры было и у функционалистов К. Дэвиса и У. Мура [1]. В работе «Некоторые принципы стратификации» 1945 г. они предложили в первую очередь понять функцию каждой позиции, а затем говорить о справедливости занятия каждой позиции конкретным индивидом. Однако основы понимания социальной структуры были заложены еще в 1942 г. К. Дэвисом в статье «Концептуальный анализ стратификации» [2]. Проанализируем её и дадим определение социальной структуры.

Отправная точка в изучении социальной структуры большинства теорий – признание неравенства в обществе как его неотъемлемой черты. Индивиды, включенные в общественную систему, неизбежно подвергаются сравнению друг с другом, и становится очевидно, что они не равны даже по признакам, данным природой: гендеру, возрасту, расе. Отсюда понятие неравенства в целом и неравенства социального, ведь в обществе любое различие не может восприниматься вне социального контекста.

Оснований для неравенства множество. Мы можем сгруппировать индивидов по полу и возрасту и получить демографическую структуру, по их распределению на местности – территориальную структуру, по основному занятию – профессиональную структуру или принадлежности к этносу – этнорасовую структуру. Социальная структура включает в себя все эти и другие структуры, где индивидов можно расположить на континуумах в зависимости от наличия или отсутствия того или иного социально значимого признака, а также большего или меньшего обладания им. Однако такую многомерную модель, где учтены иерархии по всем возможным основаниям, сложно сконструировать и даже представить.

Приходится признать, что абсолютно точную модель социальной структуры, где в многомерном пространстве было бы зафиксировано место каждого индивида, сконструировать невозможно, особенно учитывая, что естественное движение населения и социальная мобильность перемещают индивидов, меняя со временем рисунок всей структуры. Тем не менее существует понимание того, что индивид, обладая рядом характеристик, занимает благодаря нескольким или одной из них некоторое положение в обще-

стве, которое мы можем определить как более высокое или низкое по отношению к другим. У нас есть обыденное понимание, что человек принадлежит к «элите», к «низам» или к «среднему классу», сформированное здравым смыслом и стереотипными представлениями.

Своеобразным логическим мостом между осознанием неравенства как неотъемлемой черты общества и абстрактным представлением о том, что индивидов можно расположить в некоторой иерархии, является понятие «статуса».

Обратимся к статье Кингсли Дэвиса «Концептуальный анализ стратификации» [2], где автор подробно разбирает это понятие. Во-первых, К. Дэвис предлагает развести термины «позиция», «положение», «статус», «должность» и «страта». То, что мы назвали местом индивида в социальной структуре, социолог называет «позиция» (position) – это наиболее общее определение, которым можно охарактеризовать человека в обществе. С одной стороны, положение индивида – это представление о его месте другого, то есть субъективная умозрительная сущность, не поддающаяся анализу, с другой стороны, представление о положении некого субъекта существует не в индивидуальном сознании, а в сознании общественном, которые можно изучить через призму множества разнообразных индивидуальных оценок. Более того, мы не можем не учитывать, что положение одного находится во взаимосвязи и взаимозависимости с другими – суть социальности как включенности в общественную структуру.

Конкретизируя понятие, мы можем разделить все «позиции» на два вида: «статус» (status) и «должность» (office). Статус – это «позиция в общей институциональной системе, признанная и поддерживаемая обществом, скорее создающаяся, чем преднамеренно создаваемая, укорененная в нравах и обычаях» [2, p. 309], в то время как должность – «позиция в преднамеренно созданной организации, управляемой особыми правилами в ограниченной группе, чаще достигаемая, чем приписываемая» [2, p. 309]. Будучи взаимосвязанными, статус может помочь занять должность, а должность может определить статус.

Каждый индивид занимает не одну, а несколько позиций, поэтому говоря о человеке, включенном в социальную структуру, мы можем говорить о его «положении» (station) в ней, которое определяется набором позиций, им занимаемых и признанных другими. Если статус или должность – это место индивида в ограниченном круге социальных взаимодействий, то положение является местом во всей социальной структуре и основывается на совокупности основных позиций. Часто положение приписывается индивиду по факту занятия одной доминирующей позиции, например профессиональной. Иногда, напротив, определение индивида как занимающего определенное положение происходит на основе обладания им рядом позиций, которыми типично обладают занимающие сходное положение, хотя в действительности он может не иметь отношения к той доминирующей позиции, которая дает название его положению. Более того, описание положения может быть настолько общим, что объединяет, например, представителей разных профессиональных позиций, приравненных к одному положению в социальной структуре: экономист, юрист и инженер могут быть названы специалистами, хотя их позиции различны.

Смотря на общество в целом, мы понимаем, что существует большое количество людей, которые занимают более или менее сходные положения, которые мы можем назвать «стратами» (stratum). Взаиморасположение и характер взаимозависимости страт различны, когда мы говорим о разных обществах. «Каста» (caste), «сословие» (estate) и «класс» (class) – типы страт, различающиеся степенью закрытости общества, в котором они существуют. Каста – тип страты, где позиции приобретаются при рождении и не могут быть изменены в течение жизни независимо от достижений. Сословие, в свою очередь, является типом страты, где позиции получаются при рождении и остаются таковыми в течение всей жизни, но допускают изменение ввиду особых обстоятельств. Класс понимается как тип страты, в которой позиции переходят при рождении по наследству от родителей, но могут быть изменены в течение жизни – достигнуты или утеряны.

Примером кастового типа стратификации может служить стратификация индийского общества, делящая людей на брахманов (жрецов), кшатриев (воинов), вайшья (земледельцев), шудр (слуг), а также на находящуюся за рамками стратификации касту неприкасаемых.

Традиционное общество часто связывают с сословной стратификационной системой. Например, структура средневекового европейского общества складывалась из аристократии, духовенства и третьего сословия – ремесленников, торговцев и крестьян. Отличительная особенность сословного типа – закрепление за человеком статуса при рождении и существенное ограничение социальной мобильности, позволяющее изменить позицию только под влиянием особых обстоятельств.

Индустриальная революция изменила социальную структуру обществ. Отражением этих изменений стал вошедший в научный оборот

термин «класс» и, соответственно, понимание классового типа стратификации.

Как видно из определений, класс, каста, сословие подразумевают не только различные типы страт, но и различные стратификационные системы общества в целом, различающиеся возможностью индивида менять позиции в течение жизни. Часто типы стратификации связывают с этапами развития общества: традиционным, индустриальным и постиндустриальным.

Если мы концентрируемся на изучении современных обществ, то вправе говорить о возможности изменения позиции индивидом в течение жизни. Её динамика связана с еще одним понятием, которое разбирает К. Дэвис, – «роль» (role). Роль социолог понимает как способ, которым индивид выполняет требования позиции. Тем самым роль становится источником изменений – личность (personality) в силу своей индивидуальности выполняет роль тем или иным образом. Одновременно роль – связь между социальной структурой и структурой личности, которая проявляется в трех аспектах:

– Личность как совокупность позиций (positional personality). Ясно, что человек – нечто большее, чем позиции, которые он занимает. Социологов часто обвиняют в узком понимании человека как занимающего ту или иную ячейку общества, но такое упрощение – не уничижение индивидуальности, а допустимый уровень абстракции в попытке классифицировать положения в обществе и выстроить социальную структуру.

– Личность как совокупность ролей (role personality). Первое, что необходимо понять о личности как совокупности ролей, – выполнения роли каких позиций от него ожидает общество. Роль – суть поведение, направленное на выполнение функции позиции. Если индивид выполняет её успешно, он продолжает занимать позицию, если не справляется, то теряет её. На манеру и степень выполнения роли влияет совокупный опыт индивида – второй значимый аспект личности как совокупности ролей. Третий – наследуемые черты, совокупность которых составляет следующий пласт личности.

– Личность как совокупность наследуемых черт (genetic personality).

Таким образом, социальная структура представляет собой совокупность групп людей во взаимосвязи и взаимозависимости, которые состоят из индивидов, занимающих приравненные друг к другу положения, определяемые одной доминирующей или суммой нескольких позиций, называемых статусом или должностью и выражаемых в выполнении ожидаемых действий, называемых ролью. Конкретная личность может занимать ту или иную позицию, если выполняет роль, определяемую самой позицией, и обладает необходимым для этого опытом и совокупностью наследуемых черт.

Однако сущность социальной структуры состоит в том, что входящие в нее группы, называемые стратами, располагаются в иерархии по отношению друг к другу ввиду неравенства, которое является неотъемлемой чертой общества. Отсюда появляется специфический термин «престиж» (prestige), которым мы обозначаем значимость той или иной позиции или их совокупности. Значимость относительна, поскольку оценивается при сравнении одной позиции с другими и разнится от общества к обществу. Что можно сказать о престиже точно: он привязан не к конкретному индивиду, а к позиции или страте. Персональной характеристикой является «оценка» (esteem), которая говорит нам об успешности выполнения индивидом роли, соответствующей его статусу или должности. Таким образом, большая или меньшая престижность положения – это его «ранг» (rank), а место в шкале оценок – это «рейтинг» (rating).

Престиж позиции определяется:

– значимостью для общества выполняемых функций;

– редкостью средств, необходимых для её выполнения;

– числом индивидов, чье поведение находится под её контролем, и степенью этого контроля.

Значимость позиции для общества определяется его нуждами: у нас есть понимание того, что общество больше нуждается во врачах, чем в парикмахерах, поэтому позиция доктора имеет больший престиж. Одновременно более престижны те позиции, для обладания которыми требуется редкий талант или затратное по времени и усилиям обучение. Плюс те позиции, которые по своей функции связаны с ответственностью оказания влияния на индивидов, занимающих другие позиции. Обладающие властью получают больший престиж, чем те, которые власти не имеют.

Редкие навыки, полученные в ходе длительного и усердного обучения, необходимые для выполнения важных для общества функций, связанных с контролем поведения индивидов, считаются престижными. С этой точки зрения, престиж и власть неразрывно связаны друг с другом и должны находиться на сопоставимом уровне для индивида, занимающего конкретную позицию.

Однако помимо собственно престижа и власти существуют еще символы престижа и власти. Стоит подчеркнуть, что демонстрация символа определенной степени престижа и власти, присущей позиции, о которой хочет заявить индивид, не всегда может свидетельствовать о

его фактическом обладании этой позицией. Чем очевиднее источник символа, тем вероятнее, что индивид занимает заявляемую позицию. Если источник символа не ясен, то появляется возможность для имитации – демонстрации символов престижа и власти без обладания позицией, к которым они привязаны.

Итак, на основе работы К. Дэвиса «Концептуальный анализ стратификации» определены ключевые понятия, из которых складывается социальная структура, и их понимание в функционалистской теории стратификации. Подход К. Дэвиса и У. Мура и их теорию в дальнейшем критиковали (например, М. Тьюмен [3]), но её основные положения актуальны до сих пор.

Из тезиса о неравенстве как неотъемлемой черте общества в статье показана и объяснена взаимосвязь и взаимовключенность понятий «позиция», «статус», «должность», «положение», «страта». Определено понимание страты как группы индивидов, занимающих сходные положения в обществе. Приведены и объяснены различия типов стратификаций: кастовой, сословной, классовой. Объяснена возможность для изменения социальной структуры: через индивидуальное проявление личности в исполнении роли, закрепленной за позицией в обществе, и стремление улучшить эту позицию, заняв более престижную.

На основе комплекса понятий, рассмотренных выше, дадим определение социальной структуры. Социальная структура – совокупность страт во взаимосвязи, где страта понимается как группа индивидов, занимающих сходные позиции. Исходя из того, что индивид одновременно занимает несколько позиций в обществе, можно говорить о множественности оснований, на которых выстраивается структура. Отсюда социальная структура рассматривается как комплекс структур, выделенных на различных социально значимых основаниях. Но определение степени значимости тех или иных оснований для описания социальной структуры и, как следствие, выстраивание общей социальной структуры на основе положений индивидов в обществе, понимаемых как выделение одной доминирующей позиции или объединение нескольких в сумму, стали поворотной точкой, где разошлись многие теории социальной структуры.

Критический анализ понятия «социальная структура» на примере работы К. Дэвиса «Концептуальный анализ стратификации» призван сделать вывод о функционалистском понимании социальной структуры как комплекса структур, выделенных на различных социально значимых основаниях, а также о механизме формирования престижной структуры общества на основе выделения значимых функций. Практическая значимость работы состоит в использовании выводов для дальнейшей разработки функционалистской теории социальной структуры, а также исследования социальной структуры современных обществ.

Список литературы

1. Davis K. and Moore W. Some principles of stratification // American Sociological Review / American Sociological Association, Washington, DC, 1945. Apr. Vol. 10. № 2. P. 242–249.

2. Davis K. A conceptual analysis of stratification // American Sociological Review. 1942. Jun. Vol. 7. № 3. P. 309–321.

3. Tumin M.M. Some principles of stratification: a critical analysis // American Sociological Review. 1953. Aug. Vol. 18. № 4. P. 387–397.

SOCIAL STRUCTURE IN K. DAVIS' THEORY OF SOCIAL STRATIFICATION

D.A. Ofitserova

Lomonosov Moscow State University

The purpose of the article is to give a critical analysis of functionally understood social structure as it is treated in K. Davis' paper «A Conceptual Analysis of Stratification». The article explains the concept of «social structure» in the following terms: «inequality», «position», «status», «office», «stratum», «class», «stratification», «caste», «estate», «role», «prestige», «esteem», «rank». Then the degree of their importance for social structure formation is explained. The article's scientific novelty consists in the theoretical development of a functionalist understanding of the social structure on the basis of little studied works and those that have not yet been translated. In the course of the research, we used the method of traditional document analysis, as well as comparative and analytical methods. The result of the work is a detailed analysis of K. Davis' functional theory leading to the following conclusions: social structure in the functional theory is understood as a complex of structures based on different socially important features; the mechanism of prestigious structures is formed by identifying the functions that are important for society.

Keywords: social structure, functionalist theory, stratum, position, status, prestige.

УДК 316.47

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

© 2017 г.

О.Н. Чиркова

Чиркова Оксана Николаевна, н.с. отдела «Социопарк «Регионология»
Научного центра социально-экономического мониторинга; аспирант кафедры социологии
Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Саранск
ox.chir@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2017
Статья принята к публикации 31.07.2017

Анализируются основные механизмы конструирования региональной и национальной идентичности в сознании населения региона и его влияние на создание благоприятного образа местности. На основе проведенного методом фокус-группового интервью социологического исследования «Народ России: что нас объединяет» рассматриваются основные социальные факторы и технологии конструирования региональной и общероссийской национально-гражданской идентичности в процессе их взаимодействия в полиэтническом российском регионе – республике в составе Российской Федерации, на примере Республики Мордовия. Изучается процесс самоопределения и самоидентификации человека посредством территории и существующих географических образов.

Ключевые слова: региональная идентичность, территориальная идентичность, самоидентификация, географический образ.

Проблема региональной идентичности наиболее актуальна для России в связи с её разнообразным этническим составом населения и административно-территориальным делением, сформировавшимся вследствие советской политики территориализации этничности. Нельзя не отметить, что с этой проблематикой рано или поздно сталкиваются все государства, так как данный вопрос наиболее значим для построения мультикультурного общества.

Региональная идентичность во многом связана с отождествлением индивида с местом своего проживания, ядром данного процесса является связь человека с территорией, именно в такой момент формируется чувство принадлежности к самой территории и народу, проживающему на ней. Результатом такого процесса является устойчивое представление, образ места своего проживания, которое складывается из ряда символов: знаковых событий (мероприятий), авторитета и известности политических и культурных деятелей региона, географических особенностей местностей, а также социальных мифов о территории. Через них в сознании людей происходит формирование ассоциаций, связанных со своей малой родиной, эмоционально-аффективное отношение к региону, осознание чувства сопричастности с территорией.

В настоящее время регионы России столкнулись с нарастающей проблемой в социально-экономической сфере, где происходит борьба за инвесторов и потенциальных туристов, готовых вкладывать либо тратить свой капитал на чужой территории. В данных обстоятельствах Республика Мордовия находится не в самой выигрышной позиции, так как, не обладая богатыми природными ресурсами, не имея особенных природно-географических объектов, будь это море или горы, а также будучи дотационным регионом, она вынуждена всеми способами пытаться обратить на себя внимание. Все это толкает местную власть на поиски уникальных особенностей территории, способных создать «дух места», усилить его узнаваемость, создать специфический образ региона, а также сформировать положительную микросреду для местных жителей. В силу сложившихся обстоятельств происходит формирование бренда региона. С. Анхольт определяет бренд как «доброе имя чего-либо, предлагаемого публике, не больше и не меньше», которое «делает вашу продукцию заметной и не позволяет ей пропасть среди тысяч почти идентичных товаров, произведенных конкурентами, …побуждает потребителя попробовать любой новый продукт, выпускаемый под той же торговой маркой» [1]. О процессе брендинга территорий также упоминается в книге Ф. Котлера, К. Асплунда, И. Рейна «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы», в которой рассматривались проблемы улучшения туристического и общего социального имиджа европейских стран и регионов [2]. Являясь полиэтниче-

ским регионом Российской Федерации, Мордовия свою особенность и самость строит исключительно на национально-этнических особенностях территории.

Л.М. Дробижева отмечает, что события конца 1980-х и начала 1990-х гг. прошлого столетия на советском и впоследствии постсоветском пространстве существенно изменили концептуальные подходы к пониманию этничности. Этническое самосознание стало чаще называться идентичностью, как на Западе, хотя социальные психологи видят некоторое различие между этими понятиями, акцентируя в идентичности культурно-психологические составляющие, а в самосознании – и социально-политические [3].

Изучением этнической идентичности занимались и продолжают заниматься большое количество как зарубежных ученых, так и отечественных специалистов. Все они отмечают высокую роль эмоционально-ценностной сопричастности населения к региональному сообществу, основанную на уникальности региона.

Как отмечают П.Л. Крупкин и С.Д. Лебедев, «каждый индивид в своей психике имеет «пучок» коллективных идентичностей, обычно к ним относятся: семья, круг друзей, коллеги (трудовой коллектив), профессиональные ассоциации, соседская община, территориальные (локальные и региональные) общности, политическая партия, этнос, нация». Данные коллективные идентичности во многом и определяют «самость», способствуют соотнесению себя с территорией своего проживания и населяющим ее этносом [4].

Территориальная идентичность чаще всего понимается как «переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, формирующие практическое чувство и/или осознание территориальной принадлежности». Региональная идентичность основана на смыслах, которые возникают у человека по отношению к территории [5]. Посредством данных смыслов в сознании происходит отождествление человека с конкретной территорией.

Региональная идентичность является результатом самоопределения и самосознания данной региональной общности на историческом, политическом, экономическом и социокультурном уровнях. Тем самым изучение региональной идентичности невозможно без учета происходивших на данной территории всевозможных событий, которые впоследствии оказали воздействие на индивида и его отношение к малой родине. Формирование региональной идентичности является фактором, который позитивно влияет на эффективность системы региональных и межрегиональных взаимодействий, консолидацию регионального сообщества, устойчивость поступательного развития региона [6].

Основой региональной идентичности выступает население, которое проживает на данной территории и имеет схожие представления. Формирование таковых представлений происходит под воздействием окружающей среды и полученного социального опыта. К основополагающим характеристикам территориальной идентичности в большинстве случаев относят общность проживания, солидарность и сплоченность, а также общие интересы и представления о территории.

В целом региональная идентичность призвана обнаружить тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, процедуры самоидентификации, в которых образ региона может предстать как образы населяющих эту территорию людей [7].

С. Роккан и Д.В. Урвин в статье «Политика территориальной идентичности: Исследования по европейскому регионализму» в ходе исследования формирования нации в Западной Европе пришли к выводу, что, как правило, люди идентифицируют себя и с некоторой группой населения, и с некоторой территорией. Первое понятие можно назвать «пространством принадлежности», оно связано с принадлежностью к группе, которая обладает и, возможно, знает об этом своем обладании некоторыми общими социокультурными чертами, а второе – «территориальным пространством», которое представляет собой самоотождествление с особой географической областью и проживанием в ней [8].

К.Е. Тумакова в статье «Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс» определяет региональную идентичность как «состояние соотнесения личности с регионом, региональным сообществом и определенными социальными группами, вызывающее желание и потребность участвовать в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона» [6].

Основополагающей при конструировании региональной идентичности и наиболее значимой является территория. Формирование региональной идентичности в основном происходит под влиянием специфических географических маркеров относительно того или иного места, ландшафта или пространства. Существуют некоторые исходные точки в конструировании значимой географии:

1) определение и демонстрация типичного природного и культурного ландшафта;

2) наиболее известные памятники природного и культурного наследия;

3) исторические и политические события, связанные с местностью;

4) известные люди, чья биография или деятельность связаны с местом [7].

Географические образы представляют собой компоненты национальной и региональной идентичности, территория в данном случае играет одну из важных ролей и способствует усилению единства общности.

Для изучения процесса формирования региональной идентичности в июле 2016 г. методом фокус-группового интервью было проведено социологическое исследование «Народ России: что нас объединяет». Целью исследования стали основные социальные факторы и технологии конструирования региональной и общероссийской национально-гражданской идентичности в процессе их взаимодействия в полиэтническом российском регионе – республике в составе Российской Федерации на примере Республики Мордовия. Проведено 3 фокус-группы (по 7–9 человек в каждой). Информанты – жители Республики Мордовия, проживающие в городской (1-я, 3-я группы) и сельской (2-я группа) местности. При рекрутировании участников учитывались их пол, возраст, национальность и уровень образования. В результате группы оказались достаточно представительными по социальному составу. В каждой приняли участие мужчины и женщины разных этносов республики (русские, мордва, татары), разных поколений, профессий, религиозных взглядов.

В ходе проведенного исследования мы выяснили, какие ассоциации возникают у респондентов при упоминании России. У большинства участников фокус-группы в подсознании всплывали образы, связанные с обширной территорией и ее внешним видом, а также природным разнообразием страны (богатая и красивая природа). «*Когда я слышу слово «Россия», мне всегда представляется вид из окна поезда с какими-то пейзажами, и для меня в первую очередь, наверное, богатая природа…*» (женщина, 20 лет, русская); «*Мне почему-то сразу представляются поля бескрайние или просто какие-то просторы. Так как Россия – самая большая страна, поэтому сразу что-то большое…*» (женщина, 25 лет, русская). Географические особенности расположения России и ее масштабы оказывают сильное воздействие на восприятие людей, что впоследствии формирует образ страны, огромной территории, воспетой великими русскими поэтами и писателями, которая местами еще не освоена и в отдельных уголках которой еще не ступала нога человека. «*Для меня это огромнейшая территория, которую еще осваивать и осваивать…*» (мужчина, 53 года, русский).

Естественно, Россия ассоциируется у жителей Мордовии не только с природой, немаловажную роль играет также политическая составляющая. Участники отмечали, что при упоминании России в подсознании у них всплывает символика государства – герб и флаг Российской Федерации, а также президент В.В. Путин. Некоторые видят в России большую сильную державу, обладающую огромным потенциалом и военной мощью, многим вспоминаются достижения в области спорта и богатая история государства: «*…когда я слышу слово «Россия», мне хочется спину выпрямить, гордую осанку, то есть мы же Россия, то есть какое-то величие, какая-то вот мощь*» (женщина, 53 года, русская); «*…какие образы возникают? Это образы русских героев, победителей, богатырей, и те, кто сделал нашу страну такой – огромной, полководцы, военачальники, руководители государства за всю её историю*» (мужчина, 27 лет, татарин).

В ходе исследования мы выяснили, что в формировании у жителей региона общероссийской идентичности велика роль существующих социальных стереотипов, тиражируемых массовой культурой и СМИ, которые характерны для восприятия России как иностранцами, так и самими россиянами, включая самые распространенные: балалайка, матрешка, гармошка, шапка-ушанка и медведь: «*…образ медведя, снег. В общем, все эти стереотипы, которые нам навязывают, балалайки, водки, шапки-ушанки…*» (мужчина, 24 года, русский).

В основном все возникшие ассоциации имели положительную окраску, за время дискуссии не прозвучало откровенно негативных мнений, что говорит о положительном образе России у жителей РМ.

Участникам фокус-группы также были заданы вопросы, касающиеся ассоциаций относительно региона их проживания – Республики Мордовия. Образ территории в массовом сознании можно определить как относительно устойчивую и воспроизводящуюся в массовом или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о регионе, складывающуюся на основе всей информации, полученной о нем из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений [7].

Бесспорным лидером в прозвучавших ответах стала лисица, достаточно распространенное животное, обитающее в лесах Мордовии. Лисица присутствовала на дореволюционном гербе Саранска, а в постсоветский период появилась на гербах и республики, и её столицы. Со временем руководству региона удалось превратить изображение зверька в один из наиболее узнаваемых символов Мордовии, который стал неотъемлемой частью любого значимого мероприятия. Данный случай демонстрирует имид-

жевую политику региона, в которой наиболее популярный образ был взят за основу и постепенно превратился в бренд региона, в нечто отличающее Мордовию от других территориальных образований и делающее ее визуально узнаваемой: «*Лиса. Первая ассоциация*» (женщина, 34 года, мордовка); «*Лиса как символ Мордовии, везде её изображения…*» (мужчина, 64 года, татарин); «*Лисичка*» (женщина, 53 года, русская).

Государственная символика, как и в ситуации с Россией, играет немаловажную роль в представлениях респондентов. Это также один из основополагающих ассоциативных рядов, возникающих при упоминании малой родины, сюда входят флаг, герб республики и солярный знак, так называемая розетка, которая стала отличительным знаком и впоследствии превратилась в запатентованный товарный знак, которым помечается продукция, произведенная на территории Мордовии. Важным остается и национальный колорит – мордовские костюмы со своей вышивкой, блюда национальной кухни, своеобразные традиции и обычаи народа, а также проводимые на территории республики национальные праздники и мероприятия: «*Герб Мордовии, наряды мордовские, костюмы*» (мужчина, 20 лет, не указал национальность); «*Костюмы в первую очередь. Традиции, обычаи*» (женщина, 35 лет, мордовка).

Не остались без внимания и культурные объекты, наибольшей популярностью у местных жителей пользуется Музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи, кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, площадь Тысячелетия и парк им. А.С. Пушкина: «*Сразу пришла картинка – площадь Тысячелетия, именно орнамент, который ты видишь на фонтане сверху, когда поднимаешься на Дом быта*» (мужчина, 31 год, татарин).

В ходе исследования мы выявили, с какими людьми у респондентов ассоциируется Россия. В большинстве своем таковыми оказались политические лидеры разных лет – И.В. Сталин, Петр I, В.В. Путин, П.А. Столыпин: «*Петр I, который прорубил окно в Европу, нам, России, ввез много чего, много чего изобрел. Кроме того, я родился в 1996 г., поэтому у меня Россия ассоциируется с Путиным*» (мужчина, 20 лет, не указал национальность); «*Первое, что приходит на ум – Пушкин, как ни странно. Столыпин, кстати. Пьяный Ельцин, обязательно. Путин, то есть больше по политической линии идёт ассоциация историческая…*» (женщина, 34 года, мордовка).

Предпочтения отдавались былинным героям, военным деятелям, великим полководцам – Александру Невскому и генералам времен Второй мировой войны: «*Я пять имён набросал сразу, как только Вы сказали. Илья Муромец, как-то такая с картины Репина «Три богатыря», очень уж мне нравится, Александр Невский …, Пётр I, – собираю монеты, у меня монет как раз много с изображением Петра, Юрий Гагарин и Иосиф Сталин*» (мужчина, 27 лет, татарин).

Не менее важными, по мнению опрошенных, являются русские писатели, поэты, композиторы, которые широко известны за пределами России (Пушкин, Солженицын, Шолохов и т.д.): «*…конечно же, поэты, писатели – Пушкин, Достоевский и все остальные*» (мужчина, 33 года, татарин).

При ответах на идентичный вопрос, касающийся Республики Мордовия, большинство респондентов ответили, что ассоциируют регион в основном со знаменитым скульптором С.Д. Эрьзей, политиком Н.И. Меркушкиным и художником Ф.В. Сычковым. Несмотря на то, что Н.И. Меркушкин уже несколько лет не является главой республики, именно с его именем ассоциируется регион. Стоит отметить, что больше ни один политический лидер Республики Мордовия не упоминался столько раз, как бывший глава, опрошенные не давали оценку его деятельности, не говорили о его заслугах или промахах, а лишь называли его фамилию и изредка говорили такие слова, как «наш Меркушкин», «в первую очередь Н.И. Меркушкин»: «*Не буду оригинальной. Это, конечно же, Николай Иванович Меркушкин и Степан Эрьзя*» (женщина, 34 года, мордовка); «*Ну, видимо, Степан Эрьзя и Николай Меркушкин*» (мужчина, 27 лет, татарин).

В ходе фокусированного интервью были названы спортсмены, занимающиеся спортивной ходьбой, и знаменитый олимпийский чемпион А. Мишин, которые своими победами, по мнению опрошенных, способствовали узнаваемости Мордовии в мире, да и в Российской Федерации: «*Кроме Эрьзи и патриарха Никона, который строил, протопопа Аввакума, и спортсмены, ходоки в большом количестве, и Станкина. Много их. Кто знает в мире Мордовию? Ходоков, ну и борца Мишина. Вот и всё*» (мужчина, 42 года, русский).

В процессе формирования региональной идентичности и положительного образа региона имеет огромное значение событийный ряд. Мероприятия и события, произошедшие в регионе, способны оказать влияние на самоидентификацию индивида и соотнесение себя с территорией своего проживания. В связи с этим мы выяснили, с какими знаковыми событиями ассоциируется Республика Мордовия. Несомненно, главенствующую позицию в ответах занял пред-

стоящий Чемпионат мира по футболу 2018 г., благодаря которому, как полагают респонденты, Мордовию заметит и узнает мировое сообщество: «*Спортивные события – то, что Саранск будет принимать чемпионат мира по футболу, и то, что Мордовия наша славится спортсменами…*» (мужчина 20 лет, не указал национальность); «*Я, наверное, присоединюсь, чемпионат, благодаря которому вся Россия узнала о Мордовии*» (женщина, 25 лет, русская).

На чемпионат возлагаются большие надежды как руководства региона, так и жителей республики. Проведение чемпионата мирового уровня накладывает определенные обязательства на принимающую сторону, то есть все в регионе должно соответствовать принятым стандартам, в связи с чем жители Мордовии надеются на скачок в развитии инфраструктуры региона, а руководство республики – на большие финансовые вливания и создание привлекательной инвестиционной среды. Для большинства обывателей, не посвященных во все тонкости проведения Мундиаля, это остается величайшим праздником мирового масштаба.

Знаковым событием, оставшимся в памяти людей, является празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами России. Прошедшие пышные торжества, приезд В.В. Путина, выступление знаменитых российских артистов оставили неизгладимое впечатление у жителей республики: «*Ну как же, знаменитое Тысячелетие единения народа, я участвовал, было очень грандиозно. Такое массовое зрелище, массовое шоу – для жителей республики – это большой подарок*» (мужчина, 42 года, русский); «*Мне запомнилось празднование Тысячелетия. Ну и вот, наверное, ходоки наши. Все-таки я их считаю чемпионами настоящими. То есть, их победы – радость для всей Мордовии*» (женщина, 35 лет, мордовка).

Спортивная ходьба в Мордовии до определенного момента, так же как и предстоящий чемпионат по футболу, оставалась так называемой «фишкой» региона. После нескольких громких побед подопечных В. Чегина о мордовской школе ходьбы заговорили во всем мире. Легкоатлетам из «Региона 13» практически не было равных на проходивших чемпионатах мира и даже двух олимпиадах, но разразившийся антидопинговый скандал нанес значительный урон как имиджу Мордовии, так и легкоатлетической федерации России. Несмотря на это, часть опрошенных заявили, что именно с этим видом спорта связаны знаковые события Мордовии, также они с сочувствием относились к произошедшим событиям и высказали свои опасения относительно олимпиады в Рио-де-Жанейро: «*…скандал вокруг наших легкоатлетов, он тоже на слуху. Очень обидно за них, за нас, за Россию, за республику. Мы тогда так сильно переживали, а сейчас с олимпиадой вообще неизвестно что будет. И болеть там уже не за кого, не осталось*» (женщина, 27 лет, русская); «*…меня волнуют наши легкоатлеты. Я прямо беспокоюсь, как они переживают это все. Мне просто жалко их…*» (мужчина, 64 года, русский).

Немалую популярность имеют мероприятия, связанные с национальной самобытностью титульного этноса региона. Так, спустя 9 лет не забывается международный фестиваль национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!», который принимал Саранск в 2007 г.: «*Мне сразу вспомнился праздник финно-угорской культуры «Шумбрат, Финно-Угрия!». Когда приезжали президенты Венгрии, Финляндии, Путин был. Большой был праздник тогда*» (женщина, 25 лет, русская).

Среди глобальных событий, ассоциирующихся с Россией, главенствующую позицию заняли ответы о военном прошлом нашего государства – это, конечно же, победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а также военные события, связанные с революцией 1917 г., становлением советской власти (падением Российской империи), распад СССР и возникновение на постсоветском пространстве Российской Федерации. Имели место и отдельные упоминания о Ледовом побоище и военных действиях российской армии в Сирии. Большое значение, по мнению опрошенных, имеет первый полет в космос Ю.А. Гагарина. События, связанные со спортом, также ассоциируются у респондентов с Россией, самыми большими и запоминающимися стали: летняя Олимпиада в Москве 1980 г. и зимняя Олимпиада в Сочи 2014 г.: «*Олимпиада в Сочи 2014 г., Олимпиада в Москве в 80-х гг. Почему-то олимпиады, почему-то спорт*» (мужчина, 24 года, русский); «*Победа в Великой Отечественной войне и первый полет в космос…*» (мужчина, 27 лет, татарин).

На основе полученных данных можно сделать вывод, что у населения Республики Мордовия сформирован позитивный образ как страны в целом, так и региона. В обоих случаях основу образа территории составляют представления о пространстве и природно-географической среде, включая огромные расстояния (Россия) и наиболее типичные, с точки зрения информантов, ландшафты, а в случае с Мордовией это еще и представительница местной фауны – лисица с герба Саранска, которая, таким образом, представляет собой и природный, и политический символ, подчеркивающий своеобразие террито-

рии. Сильным визуальным эффектом обладает государственная символика России и Республики Мордовия.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтническом регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» (грант РГНФ 16-03-00145 а).

Список литературы

1. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2010. 232 с.
2. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
3. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
4. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.
5. Шматко Н.А., Качанова Ю.Л. Территориальная идентичность как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.
6. Тумакова К.Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.
7. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / Под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.
8. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности: Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2010. № 6 (40). С. 117–132.

MECHANISMS OF REGIONAL IDENTITY DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

O.N. Chirkova

Scientific Center of Social-Economic Monitoring;
National Research Mordovia State University

The article presents an analysis of the key mechanisms for the construction of regional and national identity in the minds of the region's population and its impact on the creation of a favorable image of the area. We sum up the results of sociological research conducted in the Republic of Mordovia using the method of focus group interview "The people of Russia: what unites us". The main social factors and technologies for constructing regional and all-Russian national-civic identity in the process of their interaction in a multi-ethnic Russian region - a republic within the Russian Federation are considered. The process of self-determination and self-identification of a person by means of the territory and the existing geographical images is also examined.

Keywords: regional identity, territorial identity, self-identification, geographical image.

УДК 316.334

УПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫМ СООБЩЕСТВОМ

© 2017 г.

В.В. Юдашкина

Юдашкина Валентина Владимировна, ассистент кафедры иностранных языков
Тюменского индустриального университета
brentano@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2017
Статья принята к публикации 31.07.2017

Проанализированы подходы к понятиям «управление», «городское сообщество», «молодежное сообщество». Целью работы является анализ управления как взаимодействия его субъектов, а также исследование молодежных сообществ Тюмени и управления внутри молодежных сообществ города. Использованы методы анализа материалов социологических исследований, проведен анализ сайтов молодежных сообществ и организаций, опрос экспертов. Научная новизна исследования заключается в том, что молодежь рассматривается как ресурс развития городского сообщества. Результаты исследования показали, что при четко организованной работе с молодежью, когда она ведется системно, а к молодежи прислушиваются и поддерживают ее инициативы, молодые люди активно участвуют в жизни сообщества.

Ключевые слова: управление, городское сообщество, социальный капитал, взаимодействие, молодежное сообщество.

В настоящее время ученые пришли к выводу, что участие жителей в управлении своими городами, опора муниципальных управленцев на местные сообщества сможет привести к развитию города. «Основным элементом города является городская общность людей. Города – это форма организации общественной жизни, где в той или иной мере можно говорить о построении общности и сообщества как формы взаимодействия ее членов и жизнедеятельности. Эти формы рассматриваются в качестве условия, инструмента и целеориентирующего действия всех субъектов городского пространства в достижении целей развития. Самоидентификация человека как горожанина есть логическое движение к формированию городской общности. Городское сообщество рассматривается как новый уровень качества территориальной общности» [1, с. 60].

Предполагается, что местное самоуправление возможно только в случае, если муниципальными управленцами будет осознана необходимость существования местных сообществ и освоена технология их формирования. Но проблема заключается в том, что городских сообществ мало и чаще всего они не активны, поэтому необходимо не только формировать, но и развивать сообщества. Для этого нужно определить, что следует относить к территориальным сообществам. В основе местного сообщества – место проживания. Однако сам факт совместного проживания еще не гарантирует взаимодействия.

Местное сообщество многими экспертами связывается с местным самоуправлением и муниципальным управлением. Местное сообщество – это сообщество жителей города или района, сосуществующих на одной территории. Чаще всего в городе существует множество сообществ и общин, и их цели и интересы различаются. Таким образом, у сообщества должны быть общие цели и интересы, и часто сообщество возникает, когда есть необходимость взаимодействия, когда нужно решить какую-либо проблему. Сообщества могут быть недолговечны, но именно они могут быть источником развития.

Городское сообщество – это совокупность сообществ и общин, находящихся на территории города и имеющих общие цели и интересы.

Говоря о социальном сообществе, необходимо отметить такую категорию, как социальный капитал сообщества, который включает социальные связи, нормы, ценности. Развивая социальное сообщество, мы развиваем социальный капитал города. Понятие «социальный капитал» в социальную науку ввел П. Бурдье, который предложил теорию о различных формах капитала (экономический, символический, товарный, физический, административный, культурный, человеческий, социальный), а также возможности их взаимной конвертации [2]. По мнению ученого, социальный капитал можно оценить и измерить; при этом объем социального капитала, которым обладает социальный актор, зависит от масштаба сети связей, которые он может мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного, символического), которым обладают те люди, с которыми данный актор связан. Социальный капитал со-

стоит из наличных социальных связей и взаимного доверия между членами общества (или сообщества) [2]. Социальный капитал рассматривается как ключевой элемент развития общества. Он включает социальные нормы и соответствующие ценности, которые оказывают воздействие на продуктивность и благосостояние различных сообществ.

Отсюда следует, что управление сообществом должно вести к развитию его социального капитала. Правильная организация процесса управления позволит обеспечить развитие сообщества, так как социальный капитал – это условие существования сообщества.

Встает вопрос: как организовать правильное управление и что оно в себя включает?

Управление предполагает целенаправленное воздействие, целенаправленность является одним из его важных признаков. Существуют различные подходы к процессу управления. Представители классической школы управления (Ф. Тейлор, А. Файоль, М. Вебер, Э. Мэйо, М. Фоллет, В.А. Ядов [3], А.Г. Здравомыслов [4, с. 151, 161], С.С. Фролов [5], Н.И. Лапин [6], О.Н. Яницкий [7]) рассматривали управление как субъект-объектные отношения, как воздействие субъекта на объект, как поиск средств и методов повышения эффективности такого воздействия.

В последнее время теория управления претерпевает изменения. Процесс управления рассматривается не как влияние и воздействие, а как взаимодействие между субъектами управления. Предполагается, что органы управления должны взаимодействовать с населением.

От построения эффективной системы взаимодействия с людьми во многом зависит эффективность работы в целом, поэтому управленцу следует учитывать особенности человеческих ресурсов, их характерные черты. В управлении человеческими ресурсами социальное превалирует над экономическим, так как при взаимодействии с человеком невозможно мыслить категориями рентабельности. Несмотря на популярность метода «ключевого показателя эффективности (KPI)» [8], нельзя с точностью спрогнозировать экономический эффект конкретного действия того или иного человека или сообщества, но может быть социальный эффект (развитие социального капитала) – получение нового опыта, знакомство с новыми людьми, участие в проекте.

Таким образом, управляя человеческими ресурсами, управленец может лишь мотивировать людей к созидательной деятельности на благо общества. Для этого сам процесс управления должен быть организован как целостная система. Система управления должна не только регулировать общественные процессы и достигать цели управления, но и удовлетворять потребности и интересы людей, взаимодействуя с населением. Акцент с «команды и исполнения» переносится на взаимодействие и сотрудничество. При этом организационное сотрудничество можно разделить:

– на субординационное (упорядочение сверху вниз, от управляющего к управляемому);

– на реординационное (снизу вверх, от управляемого к управляющему);

– на координационное (упорядочение на одном уровне, точнее, между «равностоящими» субъектами, которые могут находиться на разных уровнях иерархии);

– на взаимодействие сторон, направленное на достижение общих целей.

«Взаимодействие рассматривается в качестве инструментально-организационного начала любого управленческого действия по активизации горожан, что наиболее последовательно и логично его можно осуществить через городские общности и сообщества» [9, с. 144].

Существуют разные формы взаимодействия между сообществом и властью. Законодательством определены следующие формы взаимодействия местного сообщества с муниципальной властью: местный референдум; муниципальные выборы; сход граждан; их правотворческая инициатива; территориальное общественное самоуправление; опрос граждан; их обращения в органы местного самоуправления; другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении, не противоречащие Конституции РФ, Федеральному закону и иным федеральным законам, законам субъектов РФ [10].

Таким образом, ресурсом развития общества является социальное сообщество, которое участвует в жизни общества и активно взаимодействует с органами управления, наращивая тем самым свой социальный капитал.

В данном исследовании мы анализируем молодежное сообщество и включение молодежи в процессы управления.

На федеральном уровне большое внимание уделяется студенческому самоуправлению и включению молодежи в управление образовательной организацией. Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», органы студенческого самоуправления являются обязательными для каждой образовательной организации. В законе отражено, что при принятии каких-либо актов, касающихся интересов и прав обучающихся, образовательной организацией

должно учитываться их мнение. Также должны создаваться советы обучающихся и студенческие советы [11]. Сегодня советы обучающихся (студенческие советы) созданы в 80% профессиональных образовательных организаций Российской Федерации [12].

С 2006 г. реализуется программа Российского союза молодежи «Студенческое самоуправление». Целью программы является создание условий для организации и включения обучающихся в участие и управление деятельностью профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования. Данная программа рассчитана на студентов и аспирантов образовательных организаций, на органы студенческого самоуправления, студенческие объединения, специалистов по работе со студенческой молодежью [13].

Для анализа молодежных сообществ Тюмени был проведен опрос экспертов (N=15) в области молодежной политики и самоуправления (май – июнь 2016 г., в форме глубинного интервью). Были опрошены специалисты по работе с молодежью (проректоры по воспитательной работе ТИУ, ТГУ, директоры ДЮЦ, организаторы молодежных проектов, депутаты). Целью опроса было определение роли сообщества в жизни молодежи и города. Эксперты единогласно высказались, что основной задачей общества является формирование крепких социальных связей; формирование здоровой социальной среды – необходимое условие для развития молодежи.

Э. Дюркгейм говорил, что влияние группы, коллектива – это то, что держит человека в рамках. «Таким образом, коллективное мышление преобразует все, чего оно касается. Оно перемешивает сферы реальности, соединяет противоположности, переворачивает то, что можно считать естественной иерархией существ, нивелирует различия, дифференцирует подобия. Словом, оно заменяет мир, познаваемый нами с помощью органов чувств, совершенно иным миром, который есть не что иное, как тень, отбрасываемая создаваемыми коллективным мышлением идеалами» [14, с. 67]. Наша задача – сформировать такое сообщество, которое бы стимулировало развитие, сообщество, которое может предоставить социальный лифт молодым и активным представителям сообщества, а также сформировать предпосылки для развития молодежного социального капитала.

Эксперты отметили важность управления внутри сообщества, наличие куратора или активного лидера, который может организовать, объяснить, научить, помочь. И такого лидера и куратора необходимо воспитывать, выращивать, чтобы он знал, как научить и помочь, чтобы он был носителем норм и ценностей общества. Необходимо говорить не только о внешнем, но и о внутреннем управлении сообществом, важно определить, кто и как организует сообщество и управляет им внутри.

Рассмотрим примеры организации и управления молодежных сообществ Тюмени. В Тюмени зарегистрированы молодежные сообщества разной направленности (спортивные, творческие, интеллектуальные, субкультурные и пр.). Согласно опросу экспертов и анкетированию «Анализ социальной активности молодежи Тюмени», проведенному в 2016 г. (в августе – сентябре 2016 г. было опрошено 322 человека в возрасте от 16 до 30 лет) с целью выявить уровень социальной активности молодежи, а также выяснить, какие молодежные сообщества наиболее популярны, членами каких сообществ они являются, самыми популярными сообществами были названы те, которые связаны с творчеством (39% опрошенных), в научных и социальных проектах участвовали 11% молодых людей. В проектах, связанных с развитием города, приняло участие только 5% опрашиваемых.

Как уже ранее отмечалось, система организации внутри сообщества отражается на результатах его деятельности, поэтому важно правильно организовать управление внутри сообщества.

Проанализируем некоторые молодежные сообщества Тюмени в разрезе того, как организована их работа внутри – каким образом идет взаимодействие между всеми их членами. Анализу подверглись творческие, политические, патриотические, студенческие сообщества. Рассмотрение начнем со структур и типов управления (см. табл. 1).

Более глубокий анализ управления представлен в таблице 2. В ней показан вид взаимодействия внутри сообщества, отражены его кураторы/руководители и мотивация для объединения в данное сообщество.

В городе существует большое количество молодежных сообществ, все они по-разному организованы и по-разному управляются. В таблицах указаны доминирующие стили и типы управления сообщества, но во время реализации проекта могут быть применены и другие стили и методы управления. Это обусловлено тем, что молодежные сообщества реализуют проекты разной направленности – творческие, спортивные, патриотические, социальные, интеллектуальные, проекты по формированию и развитию лидерства.

Управление молодежным сообществом – это динамичный процесс, который должен раз-

Таблица 1

Анализ типов управления молодежным сообществом

Молодежное сообщество	Структура управления	Стиль управления
Военно-патриотический клуб ВПО «Барсы Нефтегаза», ТИУ	Линейная	Авторитарный
Штаб студенческих отрядов ТюмГУ	Линейно-штабная	Демократический
Объединенная профсоюзная организация ТИУ	Дивизионная	Демократический
Совет студентов и учащихся ТИУ	Бригадная (кросс-функциональная)	Демократический
Молодая гвардия «Единой России»	Проектная	Делегирующий
«Моя территория» (до реорганизации)	Проектная	Делегирующий
«Моя территория» (с 1.01.2016 г.)	Коворкинг	Делегирующий

Таблица 2

Управление в организациях разных типов

Молодежное сообщество	Взаимодействие	Кураторство/наставничество	Мотивация
Военно-патриотический клуб ВПО «Барсы Нефтегаза», ТИУ	Единоличное принятие решений с элементами коллегиального соглашения	Тюменское областное отделение Всероссийского движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство», рук. С.О. Денисов – субординарное сотрудничество	Личностный рост, физическое развитие, социальные связи
Штаб студенческих отрядов ТюмГУ	Разные виды взаимодействия, стиль выбирается в зависимости от задачи, преобладает взаимодействие в команде	Проректор по учебно-воспитательной работе ТюмГУ, Областной штаб студенческих отрядов – реординационное, субординационное сотрудничество	Поощрение за генерацию новых идей, внедрение новых технологий и знаний в работу организации, личностный рост
Объединенная профсоюзная организация ТИУ	Разные виды взаимодействия, стиль выбирается в зависимости от задачи, преобладает взаимодействие в команде	Ректорат ТИУ, Областная профсоюзная организация работников образования – координационное сотрудничество, взаимодействие	Поощрение за генерацию идей и активную работу в организации, карьерный рост, доступ к информации, профессиональная реализация
Совет студентов и учащихся ТИУ	Разные виды взаимодействия, стиль выбирается в зависимости от задачи, преобладает взаимодействие в команде	Проректор по учебно-воспитательной работе, Областной совет студентов и учащихся – субординационное сотрудничество	Поощрение за активную работу, личностный рост, социальные связи
Молодая гвардия «Единой России»	Взаимодействие на стадии разработки проекта, в последующем ответственность делегируется и взаимодействие имеет информационный характер	Тюменское региональное отделение «Единой России» – субординационное сотрудничество, взаимодействие	Карьерный рост, социальные связи
«Моя территория» (до реорганизации)	Взаимодействие на всех стадиях реализации проекта имеет информационный характер	П.В. Белявский, директор департамента по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике – координационное взаимодействие	Профессиональная и личная реализация и рост, всестороннее развитие на бесплатной основе, социальные связи
«Моя территория» (с 1.01.2016 г.)	Взаимодействие на всех стадиях реализации проекта имеет консультативно-информационный характер	П.В. Белявский, директор департамента по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике – координационное взаимодействие	Профессиональная и личная реализация и рост, всестороннее развитие на бесплатной основе, социальные связи

Источники [15–17].

виваться и меняться при необходимости, что можно проследить на примере сообщества «Моя территория», которое из проектного сообщества реорганизовалось в коворкинг-центр.

Первоначально «Моя территория» являлась молодежным сообществом, которое предлагало и организовывало различные молодежные проекты на развитие лидерских, творческих качеств, инициативы, продвигало и поддерживало волонтерство, проводило мастер-классы. На данный момент члены сообщества оказывают помощь и дают консультации для проведения интересных городских мероприятий: от мастер-классов и кинопоказов до пресс-конференций и мозговых штурмов. Но инициатором и организатором данных проектов может стать любой представитель молодежи. То есть инициатива идет не сверху, не от руководителя, а от самой молодежи. Функции представителей «Моей территории» заключаются в помощи, консультации и обучении.

Можно выделить значимые проекты, предложенные молодежными сообществами и реализованные в городе, которые получили большую популярность и внесли вклад в развитие городского сообщества. Также данные проекты показали примеры взаимодействия органов управления и молодежного сообщества и механизмы воздействия и взаимодействия между ними.

Например, тюменский полумарафон «ТЮМЕНЬБЕЖИТ», который был проведен в рамках регионального проекта «Моя территория» [18]. Первого октября 2016 г. сотни спортсменов и любителей собрались вместе, чтобы пробежать 21 км, 10 км или 3 км по улицам города. Таким образом идет пропаганда здорового образа жизни, молодежь привлекают к занятиям спортом, горожане объединяются общим интересным делом.

В 2015 г. Общественная палата РФ запустила проект поиска, поддержки и продвижения гражданских активистов и представителей НКО «Перспектива». В соответствии с Распоряжением Президента РФ от 05.04.2016 № 68-рп, фонд «Перспектива» стал грантооператором для гражданских инициатив в сельских территориях и малых городах. Была предложена следующая тематика гранта:

– реализация социально значимых проектов, направленных на развитие институтов гражданского общества в малых городах и сельских поселениях;

– поддержка краеведческой работы;

– сохранение народных культурных традиций (в том числе народных промыслов и ремесел);

– профориентация молодежи в малых городах и сельских поселениях;

– развитие диалога между властью и обществом;

– развитие и укрепление институтов местного самоуправления [19].

В Тюменской области грант в размере одного миллиона рублей получила образовательная программа конкурса проектов «Моя идея». Грант будет потрачен на проведение образовательной программы в 2017 г. с привлечением федеральных экспертов в Ялуторовске, Заводоуковске, Ишиме, Тобольске и Тюмени [20]. Такие конкурсы проходят ежегодно с целью повышения качества региональных инициатив и включения молодежи в управление городом. Молодежному сообществу предлагают самому определить проблему, существующую в городе, и попытаться своими силами ее решить. От органов власти идет финансовая поддержка, предлагается помощь экспертов, но реализуют проект молодые люди.

Экологическое движение «Зеленый хоровод» представляет проект по озеленению городского пространства «Деревья городу» [21]. Участники движения сами предлагают, где и какие высадить деревья, регулярно высаживают деревья на улицах, во дворах и парках города, объединяя жителей и решая проблемы озеленения.

В 2008 г. молодежью был реализован проект «История on LINE», в рамках которого студенты ТюмГНГУ, стипендиаты благотворительного фонда Владимира Потанина, в необычной форме познакомили горожан и гостей Тюмени с культурно-историческим наследием столицы Западной Сибири. Молодые люди выделили наиболее значимые исторические, культурные и архитектурные объекты, достопримечательности и здания города, нанеся на асфальт красной краской обозначения напротив данных объектов. По этим обозначениям в специальном путеводителе без труда можно найти изображение объекта и краткую, интересную, содержательную информацию о нем [22]. Данная идея продолжает реализовываться в рамках нового проекта «Туристическая Тюмень». Целью данного проекта является популяризация Тюмени как для туристов из других городов России, так и для иностранных туристов. В рамках этого проекта будет создан удобный, простой и понятный путеводитель города прямо на асфальте (зеленая и красная линия), а также видеопрезентация/приглашение в Тюмень, с английскими субтитрами [23]. Участвуя в данном проекте, молодые люди знакомятся с историей города, они могут сами предложить важные и интересные, по их мнению, места в городе, молодежь включена в разработку путеводителя и видеопрезентации.

Управление – это взаимодействие органов управления и сообщества. Цель городских органов управления – взаимодействовать с местным сообществом, вовлекая в участие, в совме-

стную деятельность, и поддерживать его инициативы, тем самым наращивая социальный капитал всего города.

Можно сделать вывод, что сообщества с четко поставленными целями, сильной кураторской поддержкой более долговечны и эффективны. Такие сообщества активно участвуют в различных социальных проектах, выигрывают гранты. Они растут и развиваются, их члены получают хороший старт в жизни, приобретают в первую очередь коммуникативный и организационный опыт, опыт работы в команде, создания общего дела, совместного решения проблем.

Организовать молодежь, привлечь к участию – это начало пути, самое сложное – развивать социальную активность молодежи, удержать молодых людей в проекте, сообществе. Для этого необходимы четкие схемы и планы работы. Молодежь привлекают интересные проекты, необычная подача, новый взгляд на решение проблемы, что подтверждают популярные проекты, предложенные и реализованные молодыми людьми.

Важно, чтобы молодые люди понимали, что их идеи и предложения не только слышат, но и воплощают в жизнь, в таком случае от молодежи будут поступать новые, интересные идеи и она будет активно принимать участие в жизни города. Необходимо дать понять молодым людям, что они активные участники, которые могут что-то изменить, повлиять на принятие решений, и давать им возможность участвовать в жизни города, проявлять инициативу. В этом и будет выражаться взаимодействие в управлении молодежным сообществом.

Список литературы

1. Костко Н.А. Социальная активность горожан как ресурс в управлении развитием города // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 1. С. 56–71.

2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74 [Электронный ресурс]. URL: www.ecsoc.msses.ru (дата обращения: 12.11.2016).

3. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Вып. № 3–4. Т. 4. С. 158–181.

4. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996.

5. Фролов С.С. Социология: Учебник. 3-е изд., доп. М.: Гардарики, 2000. 344 с.

6. Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 106–119.

7. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.

8. Ильенков Д.А. Управление по целям: преимущества и недостатки // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://ekonomika.snauka.ru /2015/02/7151(дата обращения: 10.11.2016).

9. Костко Н.А. Социальное пространство города: теоретические основания исследования и применения в практике муниципального управления // XVI Апрельская Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Книга 2. С. 143–150.

10. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://lawnotes.ru/ laws/Federalnyy-zakon-ot-06.10.2003-N-131-FZ/ (дата обращения: 27.01.2017).

11. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (действующая редакция, 2017) [Электронный ресурс]. URL: http://rulaws.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-29.12.2012-N -273-FZ/ (дата обращения: 27.01.2017).

12. Студенческое самоуправление [Электронный ресурс]. URL: https://rsm65.ru/students/ (дата обращения: 30.01.2017).

13. Студенческое самоуправление [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruy.ru/programms/studorg. html (дата обращения: 03.11.2016).

14. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках).

15. ТГМОО Военно-патриотический клуб «Барс». [Электронный ресурс]. URL: http://vpk-bars.ucoz.ru/ index/o_tgmo_vpk_bars/0-5 (дата обращения: 13.11.2016).

16. Моя территория [Электронный ресурс]. URL: http://моятерритория.рф (дата обращения: 25.10.2016).

17. Молодая гвардия [Электронный ресурс]. URL: http://www.molgvardia.ru (дата обращения: 10.11.2016).

18. Тюменский полумарафон. Тюменьбежит [Электронный ресурс]. URL: https://russiarunning. com/event/TyumenHalfMarathon2016) (дата обращения: 12.10.2016).

19. Сайт конкурса государственной поддержки ННО. Фонд поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива» [Электронный ресурс]. URL: https://grants.oprf.ru/ grants2016-1/operators/perspektiva/about/ (дата обращения: 28.01.2017).

20. БезФормата.ru. Тюменская образовательная программа «Моя идея» получила президентский грант [Электронный ресурс]. URL: http://tumen.bez formata.ru/listnews/ideya-poluchila-prezidentskij-grant/ 51534206/ (дата обращения: 12.10.2016).

21. Экологическое движение «Зеленый хоровод» [Электронный ресурс]. URL: http://moi-portal. ru/proekty/sokhranit-kak/ekodvizhenie-zelyenyy-khorov od/ (дата обращения: 12.10.2016).

22. «Потанинцы» проведут горожан по красной линии [Электронный ресурс]. URL: http://72.ru/text/newsline/146388.html (дата обращения: 23.10.2016).

23. Моя идея [Электронный ресурс]. URL: http://idea.moi-portal.ru/turisticheskaya-tyumen/ (дата обращения: 21.10.2016).

MANAGEMENT OF YOUTH COMMUNITY

V.V. Yudashkina

Industrial University of Tyumen

The paper analyzes some approaches to the concepts of management, urban community, youth community. The aim of the research is to analyze the concept of management as the interaction of management subjects and to study youth communities of Tyumen and management within the youth community in the city. The study included the use of the methods of sociological research, the analysis of youth communities' and organizations' websites, and a poll among experts. The scientific novelty of the research is that young people are considered as a resource for the development of the urban community. The results of the study show that young people tend to be actively involved in community life when the work with young people is well-organized, when it is conducted systematically, and when the young people are listened to and their initiatives are supported.

Keywords: management, urban community, social capital, interaction, youth community.

УДК 316.472.4+67.05

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ В МОНОГОРОДЕ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В Г. НОВОДВИНСКЕ)

© 2017 г.

Л.В. Кашкина

Кашкина Лариса Владимировна, аспирант кафедры менеджмента
Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск
kashkinal@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2017
Статья принята к публикации 26.07.2017

Представлен теоретический анализ понятий «социальное самочувствие» и «монопрофильный город», а также краткий обзор ситуации в современных моногородах. Анализируются результаты социологического исследования социального самочувствия населения в монопрофильном городе Арктического региона на примере г. Новодвинска, проведенного с использованием таких методов, как анкетирование, фокус-группы, контент-анализ, тестирование. Проведен сравнительный анализ результатов социального самочувствия в г. Новодвинске за период с 1980 по 2015 г., на основании чего сделаны выводы о социально-экономической ситуации в современном моногороде.

Ключевые слова: социальное самочувствие, монопрофильный город, индекс счастья, качество жизни, социальное благополучие.

Актуальной научной задачей является формирование модели состояния общественного сознания с учетом возможных рисков в новой технологической революции в таком социально-экономическом феномене, каким является монопрофильный город. В 2015 г. в России зарегистрировано 319 моногородов, из них 14 расположены в Арктической зоне РФ, из которых 3 находятся на территории Архангельской области: г. Северодвинск, г. Новодвинск, г. Онега [1]. Президент РФ В.В. Путин на Международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога» в марте 2017 г. отметил приоритетное значение Арктики как территории уникальной природы с колоссальными экономическими возможностями, от самочувствия которой во многом зависит климат планеты.

Моногород можно определить как обособленную общность людей, являющуюся частью макросистемы, представляющую собой особый тип социальной организации, который характеризуется единством города и градообразующего предприятия, а также моноцентричным характером экономики, связанным с выполнением определенной общественно значимой функции в макросистеме.

Возникновение монопрофильных городов в СССР в период индустриализации в условиях планово-распределительной экономики на основе передовых для того времени технологий обеспечило формирование новой профессионально-квалификационной структуры, высокого уровня общей и технологической культуры и, в целом, достаточно высокого жизненного уровня. Переход к рыночной экономике с форсированной приватизацией в 90-х гг. XX века болезненно отразился на развитии и функционировании моногородов, которые оказались в зоне бедствия. Моногорода, где было сосредоточено около 21% экономически активного населения, стали приходить в упадок, что привело к снижению уровня социального самочувствия. В особенно тяжелом положении оказались моногорода Арктического региона, поскольку социальная стабильность в моногородах Арктической зоны РФ подвержена рискам, связанным с дискомфортностью условий жизнедеятельности для населения, проблемами модернизации и диверсификации экономики, ее отраслевой спецификой, что отражается на темпах социально-экономического роста и уровне социального самочувствия населения.

Социальное самочувствие как индикатор реакции индивида или группы людей на социальные преобразования в обществе имеет тесную взаимосвязь с психологическим самочувствием (уровнем психоэмоционального комфорта внутреннего состояния индивида с позиции аттитюдов), поскольку индивидуально-психологические особенности и психические факторы личности являются решающими в восприятии и оценке происходящих событий и изменений в социуме. За основу понимания сущности индивида мы взяли комплекс конкретных свойств человека, сущность всех общественных отношений, выраженных в диспозиционной структуре лич-

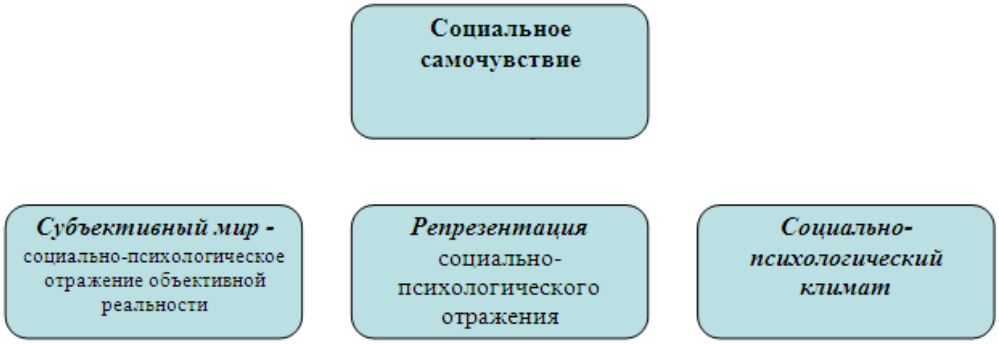


Рис. 1. Структура феномена «социальное самочувствие»

ности, где происходит образование новых паттернов: меняется содержание социальных, высших, фиксированных аттитюдов, обобщенным выражением которых является самочувствие, по международной классификации ООН – международный индекс счастья (МИС). Для расчета МИС используются три показателя: субъективная удовлетворенность людей жизнью (самочувствие), экологический фактор и ожидаемая продолжительность жизни. Опираясь на базовые постулаты классической психологии «внешнее через внутреннее» (С.Л. Рубинштейн) [2], «внутреннее через внешнее» (А.Н. Леонтьев) [3] и репрезентацию субъективного (Т.В. Черниговская) [4], феномен «социальное самочувствие» можно интерпретировать как результат взаимодействия трех факторов: внешних – влияние социального пространства на индивида (причины), через индивидуальные особенности личности (условия) для восприятия этих причин; внутренних – индивид воздействует на социальное пространство, изменяя тем самым себя; и репрезентации, которая определяет результат адаптации индивида к окружающему миру. Исходя из того, что общество – это организованная форма воспроизводства социального, а социальное есть надорганическая реальность действительности, нами была предложена авторская трактовка феномена социального самочувствия с позиции когнитивистики как диспозиции структуры личности в объективном мире, основанной на трехкомпонентной схеме: социально-психологическом отражении объективной реальности, репрезентации социально-психологического отражения и социально-психологического климата (удовлетворенность – неудовлетворенность по модели А. Маслоу) (рис.1).

Социальное самочувствие у каждого социального слоя имеет свою конфигурацию. В Советском Союзе крестьянство, интеллигенция и рабочий класс имели практически одинаковый уровень качества жизни, лишь индивидуальное состояние здоровья и психологическое состояние в зависимости от возраста было разное, поэтому социальное самочувствие имело одинаковую конфигурацию. В России к 2015 г. произошло гигантское расслоение по уровню дохода, в связи с чем социальные слои можно разделить на группы по соответствующему признаку:

1) денег хватает на то, чтобы купить практически все;

2) денег хватает и на покупку жилья, и на покупку автомобиля;

3) денег хватает только на питание и на одежду;

4) денег не хватает ни на что (ниже черты бедности);

5) прекариат (неизвестно, где работает и на что живет).

У каждой из этих групп абсолютно разный социально-психологический климат на работе и вне работы и разное индивидуальное психологическое состояние. И как результат, мы имеем пять моделей социального самочувствия, кардинально различающихся по конфигурации. С точки зрения когнитивных наук, концепция пяти моделей социального самочувствия позволяет конструировать знание о социальном самочувствии различных групп в соответствии с законами эволюции, а также способствует обнаружению в природе индивида тех свойств, которые необходимы для достижения динамического равновесия между субъектом и социумом.

Изучение социального самочувствия населения позволяет получить теоретико-методологический материал для оценки происходящих в современном российском обществе трансформационных процессов, проанализировать восприятие и динамику изменений, происходящих у человека или группы людей, их влияние на самочувствие, психологическое здоровье, а также определить степень адаптации населения в изменяющихся условиях современного общества. Исследование социального самочувствия населения в контексте моногорода представляет значительный интерес, поскольку моногород – особый вид

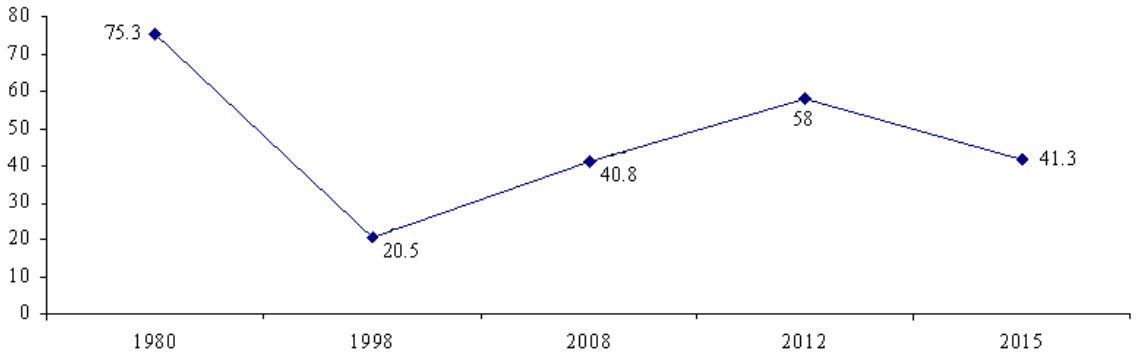


Рис. 2. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью населения в г. Новодвинске, %

Таблица

Тренд актуальных проблем в г. Новодвинске за 1980 – 2015 гг.

1980 г.	1998 г.	2008 г.	2012 г.	2015 г.
Плохой климат	Низкая зарплата	Низкая зарплата	Экология	Рост цен
Жилье	Безработица	Безработица	Рост цен	Безработица
Детские сады	Преступность	Экология	Безработица	Экология

поселения, специфика которого дает возможность изучать данный феномен в условиях определенной социально-экономической, территориальной и культурной изоляции.

В сравнительном анализе социального самочувствия населения г. Новодвинска с 1980 г. по 2015 г., анализе тенденций и перспектив развития моногорода и прогноза изменений городской среды представлены результаты социологических исследований, проведенных в г. Новодвинске (А.А. Дрегало, О.И. Овчинников, 1980 г. [5]; А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский, 1998 г. [6]; Е.В. Микляева, 2008 г. [7]; Л.В. Кашкина, В.И. Ульяновский, 2012 г.; К.О. Малинина, 2015 г. [8]).

По результатам опросов можно сделать вывод, что в 1980 г. у жителей г. Новодвинска был самый высокий уровень социального самочувствия (75.3%). В 1998 г. этот показатель резко снизился до 20.5%, при этом горожане оценивали своё положение как бедственное, так как к среднему уровню достатка отнесли себя лишь 33% респондентов (против 97% в 1980 г. и 63% в 2012 г.), а каждому пятому денег не хватало даже на покупку продуктов питания. Далее наблюдалось повышение уровня социального самочувствия до 40.8% в 2008 г. и до 58% в 2012 г. Однако в 2015 г. уровень социального самочувствия вновь снизился до 41.3% (рис. 2).

Если уровень дохода «выше среднего» в 1998 г. отмечали лишь 6% респондентов, то в 2008 г. этот показатель составил 7.5%, в 2012 г. – вырос более чем вдвое (15.5%), а в 2014 г. вновь упал до 7%. По результатам анализа фокус-групп, проведенных в 2015 г. в г. Новодвинске, выявлены наиболее важные проблемы по степени актуальности: рост цен, безработица, плохая экология, низкие зарплаты, высокий уровень онкологических заболеваний, отсутствие жилья, миграция. Сравнительный анализ результатов исследований актуальных городских проблем показал, что основная проблема для жителей г. Новодвинска в 1980 г. – плохой климат (29.5%) – за 35 лет трансформировалась в серьезную экологическую проблему, результатом которой стало увеличение числа онкологических заболеваний среди жителей г. Новодвинска [9]. Проблемы роста цен на продукты и товары первой необходимости, низкой зарплаты и безработицы не утратили своей значимости (табл.).

Социологические исследования позволяют констатировать, что за 35 лет в г. Новодвинске, являющемся моногородом Арктической зоны РФ, выявлена высокая волатильность как в материальном положении населения города, так и по шкале удовлетворенности жизнью. Важно учитывать, что в силу односторонней специализации промышленно-хозяйственной деятельности при ограниченных ресурсах и возможностях социальные проблемы в моногородах приобретают особую остроту и значимость по сравнению с другими поселениями, так как отсутствует синергия отрасли. В условиях существующего риска нарастающего отставания в таких приоритетных областях, как человеческий потенциал, формирование конкурентоспособной институциональной среды, обеспечение структурной диверсификации и инновационного развития, современный монопрофильный город представляет собой актуальную проблему федерального уровня, поскольку является повышенной зоной риска экономического коллапса и социального взрыва. В связи с этим результаты исследования социального самочувствия насе-

ления моногорода являются индикатором, отражающим реакцию населения на изменяющиеся условия внешней социальной среды.

Список литературы

1. Аналитический доклад «Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития» / Институт прикладных исследований. М., 2016. 44 с.

2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 712 с.

3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 2011. 130 с.

4. Черниговская Т.В. Гены, язык и мозг. Издательство «Прямая речь», 2017. С. 28–46.

5. Дрегало А.А., Овчинников О.И. Мир трудового коллектива: социологические очерки. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1980. 189 с.

6. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Перспектива развития отношений градообразующего промышленного предприятия «Архангельский ЦБК» и монопрофильного г. Новодвинск: Препринт. Архангельск, 1998. С. 49–64.

7. Микляева Е.В. Социокультурные особенности трансформационных процессов в монопрофильном городе: Дис… канд. соц. наук: 22.00.04 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2009. 189 с.

8. Балицкая С.М., Малинина К.О., Иванова Н.П. Социально-политическая и экономическая ситуация в общественном мнении жителей Архангельской области // В сб.: Россия: центр и регионы. Вып. 25. М.–Архангельск: Пресс-Принт, 2015. С. 61–112.

9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области. URL: http://www.arhangelskstat.gks/ru (дата обращения: 18.12.2016).

SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION IN A COMPANY TOWN OF THE ARCTIC REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN NOVODVINSK)

L.V. Kashkina

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University

The article gives a theoretical analysis of the concepts of «social well-being» and «company town», as well as a brief overview of the situation in modern single-industry towns. An analysis is presented of the results of a sociological study of the social well-being of the population in a single-industry town of the Arctic region, using the example of Novodvinsk. The study was conducted using such methods as questionnaires, focus groups, content analysis, and testing. Based on the comparative analysis of the data on social well-being in Novodvinsk for the period from 1980 to 2015, conclusions were made about the socioeconomic situation in a modern company town.

Keywords: social well-being, company town, happiness index, quality of life, social welfare.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372.362

ТЕХНОЛОГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ

© 2017 г.

Л.М. Гримовская

Гримовская Людмила Михайловна, к.пед.н.; доцент кафедры педагогики
Смоленского государственного университета
zayceva-ludmila@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.05.2017
Статья принята к публикации 14.08.2017

Экологическое образование подрастающего поколения остается одной из важнейших задач общества. Особое место в решении данной задачи отводится дошкольным образовательным организациям. Актуальным для обогащения действующих технологий экологического развития ребенка представляется направление, связанное с адаптированием моделирования к специфике детского возраста. Особенностью современного этапа осмысления данного феномена является то обстоятельство, что реальная образовательная практика отстает от научно-теоретической рефлексии развивающего потенциала деятельности детей по созданию и использованию моделей. В связи с этим представляет интерес разработка конкретных технологий моделирования в целях экологического образования. Основными методами исследования явились: анализ научной литературы, индуктивный и дедуктивный методы, метод экспертных оценок, наблюдение. Представленные в статье технологии моделирования целого из частей, моделирования на основе сказочных сюжетов способствуют осознанию детьми связей и закономерностей, лежащих в основе естественно-научного знания, формированию эколого-ориентированного поведения.

Ключевые слова: природа, экологическое образование, экологическая культура, экологические отношения, моделирование.

Введение

Экологическое образование – это важное направление общего образования, нацеленное на создание условий по формированию у взрослеющего человека экологической культуры. Большое значение в создании благоприятных условий для реализации данной цели имеет дошкольное образование. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования ставит задачи личностного развития, становления общей культуры ребенка, формирования представлений о планете Земля как общем доме людей, об особенностях ее природы [1].

Анализ теоретико-методологических подходов к проблемам экологического образования позволяет рассматривать данное направление общего образования в самом широком смысле как многостороннее взаимодействие, сотрудничество, сотворчество детей и взрослых, в процессе которого происходит становление и развитие их как представителей системы, объединяющей космос, планету Земля, природу, социум, внутренний мир индивида.

Перспективы образования в области окружающей среды исследователи связывают с идеей устойчивого развития и коэволюционными ценностями [2, с. 29]. В процессе экологического образования происходит становление личности, воспринимающей природу и человека как равновеликие ценности, владеющей оптимальными способами эколого-ориентированных действий и поведения.

Как отмечается в научной литературе, построение поведения человека (в том числе в природной среде) определяется целью, в формировании которой существенную роль играет прошлый опыт (представления памяти) [3, с. 6]. Следовательно, результативность экологического образования будет зависеть от представлений детей об объектах и явлениях природы, умелого сочетания взрослыми успешно апробированных традиционных и инновационных средств познания экологических отношений, которые не всегда доступны непосредственному восприятию, но являются существенными для их понимания.

«Непростые отношения… становятся доступны детям этого возраста, если представлены

в наглядной форме» [4, с. 33–34], поэтому целесообразность моделирования в процессе ознакомления с природой не вызывает сомнений. Усваивая способы использования моделей, дети открывают для себя область экологических отношений на уровне таких важных понятий, как живой организм, связь организма со средой обитания, биоценоз, пищевая цепь и др.

Проблема использования моделей и моделирования в работе с дошкольниками занимает заметное место в психолого-педагогической литературе. Доступность метода моделирования для детей была доказана психологами (Л.А. Венгер, В.В. Давыдов, О.М. Дьяченко, А.В. Запорожец и др.) и определяется тем, что в его основе лежит принцип замещения: реальный предмет может быть замещен в деятельности детей другим предметом, изображением, знаком.

Учеными раскрыта сущность понятий «моделирование», «способность к моделированию», изучены механизмы развития способности дошкольников к моделированию. Анализ научной литературы позволяет обозначить моделирование как процесс создания моделей и их использования в целях формирования знаний о признаках, связях, отношениях объектов окружающей действительности.

К.А. Кравцова, рассматривая способность к моделированию в контексте личностного развития, утверждает, что «овладение построением и использованием моделей обогащает разные виды деятельности детей, приводит к значительно более осознанному усвоению представлений о тех областях действительности, которые служат содержанием моделирования» [5, с. 132]. Данное утверждение обусловливает значимость моделирования в познании детьми связей и закономерностей, лежащих в основе естественнонаучного знания.

Моделирование как метод экологического воспитания дошкольников рассматривается в работах С.Н. Николаевой. Автором показана эффективность графического моделирования явлений природы в установлении детьми некоторых отношений окружающей действительности [6]. Однако подобные исследования немногочисленны, раскрывают только отдельные аспекты использования технологий моделирования в целях экологического образования дошкольников. Кроме того, задача поиска эффективных путей экологического образования дошкольников в рассматриваемом аспекте остается одной из актуальных и сложных в связи с тем, что реальная образовательная практика отстает от научно-теоретической рефлексии эколого-развивающего потенциала деятельности моделирования, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами опроса воспитателей дошкольных образовательных учреждений.

Цель данной работы – предложить технологии моделирования с дошкольниками, способствующие эффективному решению задач экологического образования в детском саду.

Методы

Методологической основой нашей работы явилась система общенаучных принципов, использование которой в педагогическом процессе будет способствовать самопроявлению и самореализации личности дошкольника в условиях природно-средового бытия: объективности, развития, целостности, системности, учета возрастных и индивидуальных особенностей детей дошкольного возраста.

Проектируя технологии моделирования, мы опирались на точку зрения Л.А. Венгера, что сам процесс овладения моделированием осуществляется по нескольким линиям [7, с. 207–208]. Первая линия – это линия расширения диапазона моделируемых отношений: от моделирования пространственных отношений к моделированию временных, логических и других отношений, существующих в природном окружении. Вторая линия – изменения степени обобщенности моделируемых отношений: от моделирования единичных конкретных ситуаций к построению моделей, имеющих обобщенный смысл, отражающих существенные черты групп сходных природных объектов или явлений. Третья линия – изменения самих моделей: от предметных моделей, имеющих иконический характер, сохраняющих сходство с реальными объектами, к схематическим, графическим моделям, представляющим собой условные обозначения. Четвертая линия – усложнения действий моделирования, которыми овладевают дошкольники: от действий замещения к использованию готовых моделей, затем к самостоятельному построению модели по наличной ситуации и, наконец, по собственному замыслу ребенка.

Мы акцентировали внимание на том, чтобы в процессе моделирования создавались условия для построения ребенком целостной картины мира, познания существенных свойств и отношений природного окружения, которые не всегда доступны наблюдению.

Предлагаемые нами технологии моделирования целого из частей, моделирования на основе сказочных сюжетов позволяют открыть ребенку путь в естествознание по ряду важных и сложных вопросов, значимых с точки зрения экологического образования и, на наш взгляд,

недостаточно представленных в примерных общеобразовательных программах дошкольного образования.

Технологии моделирования целого из частей

Смысл такого моделирования может заключаться в нахождении целого заданного инвариантного содержания – игры типа «Лесное царство».

Сущность игры

Из нескольких частей, представляющих собой геометрические фигуры (прямоугольники) разного цвета, в соответствии с преобладающей окраской каждого яруса природного сообщества, сложить биоценоз леса, «заселить» его растениями и животными.

Изготовление игры

Придумать и изготовить лист-схему биоценоза: на плотном картоне сделать разметку, отражающую ярусы («этажи») природного сообщества – «дома». Пронумеровать «этажи». Вырезать из цветной бумаги прямоугольники темно-коричневого (можно черного), темно-зеленого, светло-зеленого, голубого цветов, которые будут соответствовать «этажам».

Изготовить иконические модели обитателей биоценоза; изображения животных и растений наклеить на круги из картона.

Вырезать из цветной бумаги геометрические фигуры небольшого размера: круги зеленого цвета, квадраты зеленого и красного цвета для моделирования пищевых цепей; круги разного цвета и величины для обозначения понятий разной степени обобщенности для моделирования логических отношений.

Изготовить круговую диаграмму смены времен года.

На наш взгляд, важно уделить особое внимание отбору представителей живой природы для изготовления игры. Такой отбор необходимо осуществлять с учетом следующих требований:

– возможность предварительного ознакомления детей с реальными растениями и животными, например на участке детского сада;

– выбор живых существ – представителей разных систематических и экологических групп;

– отбор живых организмов, которые имеют морфофункциональное своеобразие (например, недотрога, трясунка, ежа, лисохвост, жук-носорог) и могут вызвать особый интерес для познания их детьми.

Моделирование может включать выполнение нескольких последовательных заданий.

1. Моделирование пространственных отношений (ярусов леса):

• составить с помощью символических моделей биоценоз, распределив полоски-«этажи» по цвету; можно предложить разнообразные игровые сюжеты, например: «Подул ветерок и смешал все этажи дома-леса. Как теперь построить дом для растений и животных? Кто может построить дом по цвету?»;

• составить модель леса, расселяя растения с учетом ярусности их произрастания;

• достроить модель леса, расселив животных с учетом места их проживания.

2. Моделирование временных отношений (сезонных изменений в пределах фито- и зооценоза, процессов роста и развития живых организмов):

• представить с помощью круговой диаграммы последовательность времен года применительно к данному природному сообществу сначала с использованием иконических моделей, а затем – условных знаков, накладывая их на соответствующий сектор диаграммы;

• представить сначала с помощью иконических, а затем символических моделей этапы развития живого организма (звездчатки, лягушки и др.).

3. Моделирование логических отношений:

• построить круги Эйлера для понятий «растение», «дерево», «кустарник», «травянистое растение» (использовать для этого круги разной величины с целью отражения в них понятий разной степени обобщенности; содержание более частных понятий, отражающих существенные признаки разных жизненных форм растений, обозначить с помощью картинок);

• построить круги Эйлера, распределив предметные модели обитателей соответствующего фитоценоза в соответствии с их принадлежностью к определенной жизненной форме (деревья, кустарники, травы);

• построить круги Эйлера, распределив символические модели растений лесного сообщества в соответствии с их принадлежностью к определенной жизненной форме;

• построить круги Эйлера для понятий «животные», «насекомые», «птицы», «млекопитающие» (использовать для этого круги разной величины с целью отражения в них понятий разной степени обобщенности; содержание более частных понятий, отражающих существенные признаки систематических групп животных, обозначить с помощью картинок);

• построить круги Эйлера, распределив иконические модели обитателей соответствующего зооценоза в соответствии с их принадлежностью к определенной систематической группе (насекомые, птицы, млекопитающие);

• построить круги Эйлера, распределив символические модели животных леса в соответствии с их принадлежностью к определенной систематической группе.

4. Моделирование пищевых цепей, существующих в природном сообществе:

• составить пищевую цепь с помощью иконических моделей;

• составить пищевую цепь с помощью условных знаков;

• по заданной схеме составить пищевую цепь.

5. Моделирование положительных, отрицательных и нейтральных отношений между организмами в биоценозе:

• из иконических моделей обитателей биоценоза выбрать пары живых организмов, находящихся в положительных отношениях (являющихся «друзьями»);

• из иконических моделей обитателей биоценоза выбрать пары живых организмов, находящихся в отрицательных отношениях (являющихся «врагами»);

• из иконических моделей обитателей биоценоза выбрать пары живых организмов, которые находятся в нейтральных отношениях (являющихся «соседями»).

Технологии моделирования на основе сказочных сюжетов

Сказка с природоведческим содержанием имеет особый интерес в аспекте рассматриваемой проблемы. Она в доступной форме позволяет ребенку понять существенные свойства и отношения мира природы, учит отличать добро и зло, дает возможность осуществления действий наглядного моделирования, формирует умение пересказывать услышанное и создавать собственные законченные произведения о природных объектах и явлениях, развивая творческие способности детей.

На материале сказок, где происходят многократные, нарастающие повторения действий, представляется целесообразным использование сериационного ряда (постепенно увеличивающихся полосок разной длины). Примером таких произведений может служить сказка «Под грибом» В. Сутеева, содержание которой способствует формированию у детей представлений о росте живых существ.

Второй вид моделирования, который может использоваться при ознакомлении со сказкой с природоведческим содержанием, – двигательное моделирование. Оно соответствует такой сказке, в которой действия совершаются одно за другим, «присоединяются» друг к другу.

Так, задачи формирования у детей представлений о смене времен года, адаптации живых организмов к меняющимся внешним условиям, развития умения подбирать заместителя по заданному признаку (по цвету, наиболее характерному для каждого сезона) могут решаться с помощью содержания сказки Г. Скребицкого «Всяк по-своему». Для построения двигательной модели каждому ребенку понадобится диаграмма смены времен года, кружки одинаковой величины и разных цветов (например, белый, светло-зеленый, темно-зеленый, желтый).

В ходе занятия дети выбирают кружки, соответствующие по цвету каждому времени года. Уточняется, что обозначает каждый кружок и почему. Затем читается произведение, а дети последовательно с помощью своих кружков разыгрывают его основные действия, выкладывая кружки на диаграмму. Таким образом дошкольники учатся замечать закономерную повторяемость сезонных изменений в природе.

На следующем этапе с целью уточнения характерных признаков каждого сезона, формирования представлений о взаимосвязи организма с внешней средой, различных формах приспособительной взаимосвязи живых существ со средой в процессе онтогенеза можно предложить использование предметных (а затем схематических) моделей, демонстрирующих соответствующие содержанию сказки изменения в неживой природе, в растительном и животном мире.

Третий вид моделирования – пространственное, посредством которого временные события сказки могут быть наглядно представлены в виде модели. Данный вид моделирования наиболее целесообразен при ознакомлении с экологической сказкой с большим по объему текстом. Например, содержание сказки В. Бианки «Первая охота» раскрывает дошкольникам закономерность морфофункциональной приспособленности организма к среде. Для решения данной задачи, а также с целью развития умения составлять модель сказки и пользоваться ею при пересказе понадобятся рамки со стрелками, фиксирующими последовательность эпизодов сказки, а также фигурки-заместители.

Воспитатель предлагает составить подсказку для пересказа сказки и обсуждает с детьми, какая фигурка-заместитель кого будет обозначать. Затем вставляется первая рамка со стрелкой, и дети, вспоминая начало сказки, определяют необходимость соответствующих фигурок. Аналогично заполняются все рамки, и выстраивается наглядная модель, которую дети используют при пересказе.

В дальнейшем целесообразно предложить замену образных моделей условными знаками,

при создании которых необходимо обсуждать с ребенком значение каждого знака, и использовать их с целью закрепления тех представлений о свойствах и отношениях мира природы, которые являются объектом познания. Это могут быть модели маскировки, помогающие дошкольникам освоить разные типы покровительственной окраски и формы животных.

Пространственные модели являются наглядными схематическими планами, которые можно наполнить любым содержанием. Это обусловливает возможность их использования маленькими авторами в собственном творчестве.

Самостоятельное построение моделей детьми по собственному замыслу

При условии систематической работы по формированию действий моделирования дети успешно подбирают к заданным взрослым заместителям персонажи и создают на этой основе собственные целостные произведения. Приведем пример такой детской работы – сказки «Лесная история», придуманной по схеме: кружок серого цвета, схемы хвойного и лиственного деревьев и кружок черного цвета, кружок серого цвета.

В одном лесу жил-был заяц. И всё ему кругом мешало. То за елочную ветку зацепится и уколется, то о берёзу лбом стукнется, то птица спать мешает. Думает заяц: «Надоели все. Вот бы жить одному!» Только он так подумал, как все вдруг исчезли. Грустно стало зайцу и страшно: негде от лисы спрятаться. Тут он понял, что и берёза, и ель, и птицы – это его друзья. Правду говорят: жить без друзей нельзя!

Наши наблюдения и опытно-экспериментальные исследования свидетельствуют о продуктивности таких заданий, проявлении к ним интереса со стороны дошкольников.

Заключение

Эффективность приведенных технологий моделирования с детьми в процессе экологического образования проявляется в динамике следующих показателей:

– во-первых, в возрастании возможности самостоятельно анализировать ситуацию: выявлять существенные свойства и отношения природных объектов и явлений, определять место конкретного растения или животного в цепи взаимосвязей природы, удерживать и воссоздавать целостность картины мира;

– во-вторых, в развитии замыслов (умении создавать идею будущего образовательного продукта и реализовывать ее), что важно с точки зрения сохранения неповторимости дошкольников в аспекте усвоения элементарных экологических представлений;

– в-третьих, в развитии самой личности ребенка (проявлении целеустремленности, самостоятельности, инициативности, ответственности);

– в-четвертых, в развитии умения предвидеть результат поведения в природе, принимать экологически целесообразные решения в ситуациях взаимодействия с природными объектами.

В целом, технологии моделирования помогут воспитателям дошкольных образовательных организаций в создании условий для выбора каждым ребенком собственного пути решения образовательных задач и продвижения по нему в соответствии со своими особенностями, ведут к сохранению уникальности дошкольников в рамках усвоения представлений о природе, способствуют целенаправленному формированию экологической культуры каждого ребенка.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. URL: http://www.firo.ru/ (дата обращения: 15.10.2016).

2. Винокурова Н.Ф., Николина В.В., Ефимова О.Е. Методологические основы формирования экологической культуры школьников на основе идей экоразвития // Образование и наука. 2016. № 5 (134). С. 25–40. URL: http://elibrary.ru/ (дата обращения: 01.02.2017).

3. Шадриков В.Д. Мысль и познавательные процессы // Образование и саморазвитие. 2015. № 3 (45). С. 3–10. URL: http://elibrary.ru/ (дата обращения: 11.01.2017).

4. Бурлакова И.А. Развитие логического мышления у дошкольников // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2008. № 2. С. 33–37.

5. Кравцова К.А. Теоретико-методологические основы развития способности старшего дошкольника к наглядному моделированию // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. № 5. С. 132–134. URL: http://ksu.edu.ru/ (дата обращения: 25.01.2017).

6. Николаева С.Н. Система экологического воспитания детей дошкольного возраста: Дис… д-ра пед. наук. М., 2006. 321 с.

7. Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания / Под ред. Л.А. Венгера. М.: Педагогика, 1986. 224 с.

**MODELING TECHNOLOGIES
IN PRE-SCHOOL ENVIRONMENTAL EDUCATION**

L.M. Grimovskaya

Smolensk State University

Environmental education of the younger generation is one of society's most important problems. Pre-school educational institutions have a special role to play in this process. Adaptation of environmental modeling to the specifics of children's age is a promising approach to enriching the existing technologies of children's environmental development. At present, the real educational practice lags behind the scientific and theoretical reflection of developmental potential of children's modeling activities. In this regard, it is of interest to develop specific modeling technologies for environmental education. Our research was based on the analysis of scientific literature, inductive and deductive methods, the method of expert evaluations, and observation. Modeling technologies presented in the article (modeling of the whole from its parts and modeling on the basis of fairytale stories) contribute to children's understanding of the relationships and patterns underlying the natural science knowledge and to the development of their environment-oriented behavior.

Keywords: nature, environmental education, ecological culture, ecological relationships, modeling.

УДК 535.4

ЛЕКЦИОННЫЕ ОПЫТЫ ПО ДЕМОНСТРАЦИИ ДИФРАКЦИИ СВЕТА В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2017 г.

П.В. Казарин, Ю.В. Полуштайцев, Н.Ф. Услугин

Казарин Петр Васильевич, к.пед.н.; старший преподаватель кафедры общей физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kazarin@rf.unn.ru
Полуштайцев Юрий Викторович, к.ф.-м.н.; н.с. лаборатории нелинейной оптики полимеризующихся сред Института металлоорганической химии им. Г.А. Разуваева РАН, Н. Новгород
jurik_sib@mail.ru
Услугин Николай Федорович, к.ф.-м.н.; доц.; руководитель центра физических демонстраций кафедры общей физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
uslugin@rf.unn.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2017
Статья принята к публикации 31.07.2017

Описано применение в учебном процессе по общей физике в классическом университете универсальной установки по наблюдению дифракции света. Показан разработанный авторами методический подход объединения демонстрационных опытов в тематически связанные цепочки, что позволяет, с одной стороны, сэкономить время, необходимое для показа лекционных опытов, а с другой – способствовать формированию у студентов правильного восприятия изучаемого материала. В частности, при изучении дифракции света в курсе общей физики, в одном лекционном эксперименте осуществляется плавный переход от дифракции Френеля к дифракции Фраунгофера, подчеркивая тем самым общность всех дифракционных явлений. Технические возможности установки предоставляют лектору возможность наблюдения не только визуальной картины дифракции, но и графиков соответствующих распределений интенсивности света. Это существенно повышает методическую эффективность лекционных демонстраций, поскольку обеспечивает визуальное подкрепление дальнейших сложных аналитических расчетов.

Ключевые слова: лекционные демонстрации по физике, преподавание физики в вузе, дифракция света.

Введение

Не вызывает сомнения и неоднократно подчеркивалось разными авторами, что демонстрационные опыты на лекциях по физике способствуют лучшему усвоению материала [1, 2]. Наглядно продемонстрировать теоретические построения, создать проблемную ситуацию, сконцентрировать внимание на наиболее важных аспектах – вот далеко не полный перечень возможных задач, решаемых с помощью лекционных экспериментов. Однако вследствие постоянного дефицита лекционного времени многие преподаватели вынуждены уменьшать количество показываемых студентам опытов, что, конечно, является крайне нежелательным. В этих условиях может оказаться целесообразным использование не отдельных опытов, а тематически связанных друг с другом «цепочек» опытов [3]. При этом могут понадобиться установки, которые позволяют демонстрировать различные физические эффекты в заданной лектором последовательности и с минимальным количеством дополнительных настроек.

Постановка проблемы

При изучении волновой оптики дифракция Фраунгофера и дифракция Френеля рассматриваются, как правило, по отдельности, что обусловлено различиями в способах расчета возникающих дифракционных интегралов. Естественно, на лекциях неоднократно подчеркивается, что в основе расчетов тех и других дифракционных картин лежит один принцип – принцип Гюйгенса – Френеля, но затем идет последовательное и подробное рассмотрение частных случаев, т.е. дифракции в дальней зоне (область Фраунгофера) и дифракции в ближней зоне (область Френеля). Существует ряд эффектных, запоминающихся опытов, позволяющих наблюдать дифракцию в оптическом диапазоне (а также в радиодиапазоне (СВЧ) и в акустике) [2, 4]. При этом желание сделать дифракционные эффекты максимально заметными и легко объяснимыми приводит к тому, что в подавляющем числе случаев в этих опытах наблюдаются типичные картины либо дифракции Френеля, либо дифракции Фраунгофера. Фактически, такие опыты подчеркивают особенности этих случаев

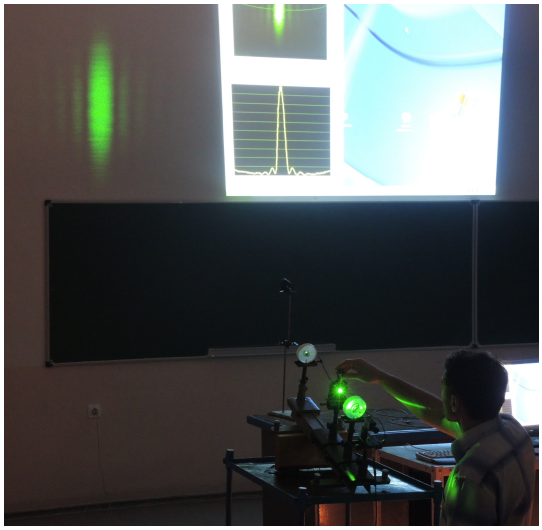


Рис. 1. Демонстрационная установка по наблюдению дифракции света

и не указывают на их общность. Связующим звеном в цепочке лекционных опытов в данном случае может служить демонстрация, подобная [5]. В упомянутой установке наличие поперечного сканирования светового пучка фотоприемником позволяет регистрировать распределение интенсивности света, прошедшего узкую щель, а выбор оптической схемы и подбор геометрических размеров делают возможным наблюдение как дифракции Френеля, так и дифракции Фраунгофера, а также различных промежуточных состояний (дифракция на щели при разных расстояниях от препятствия до плоскости наблюдения). Однако сама дифракционная картина при этом студентам не видна.

В центре физических демонстраций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского для демонстрации явлений дифракции в оптическом диапазоне наряду с классическими опытами разработана и внедрена в учебный процесс компактная установка, позволяющая визуально наблюдать в большой лекционной аудитории наиболее известные (классические) дифракционные опыты. Технические и методические возможности новой демонстрационной установки позволяют, не меняя ничего на демонстрационном столе, наблюдать дифракцию Фраунгофера от узкой щели и на дифракционной решетке; дифракцию Френеля от круглого отверстия и (или) от непрозрачного диска (пятно Араго – Пуассона). Принципиальной особенностью установки является возможность исследовать изменения в дифракционной картине, происходящие при плавном изменении параметров, соответствующих переходу из области дифракции Фраунгофера в область дифракции Френеля (на примере дифракции от щели). Указанные опыты можно демонстрировать в произвольной последовательности, при этом время перенастройки от одного опыта к другому минимально и практически не сказывается на темпе лекции.

Экспериментальная часть

Фотография демонстрационной установки приведена на рис. 1.

В качестве источника света в оптической схеме применяется полупроводниковый лазер, генерирующий свет на длине волны 532 нм (зеленая область видимого спектра). Препятствием, на котором дифрагирует свет, может служить либо непрозрачный диск на стеклянной подложке, либо непрозрачный экран с набором отверстий, либо стандартная оптическая щель, ширину которой можно плавно изменять от 0.01 до 0.4 мм. Препятствие устанавливают между двумя линзами. Первая линза (отрицательная) формирует расходящийся лазерный пучок, вторая (положительная, короткофокусная) строит увеличенное изображение дифракционной картины на экране в аудитории. Оптические силы линз, размеры препятствий и расстояния между отдельными элементами подобраны таким образом, чтобы переход от одной дифракционной картины к другой требовал минимальных изменений в оптической схеме.

Очевидно, что наблюдение дифракционной картины становится более информативным, если визуальная картина дополняется соответствующими графиками распределения интенсивности света. Особенно это важно при сравнении дифракционных картин, полученных при различных значениях волнового параметра. Современные матричные фотоприемники позволяют регистрировать распределения интенсивности света в наблюдаемых изображениях. Причем для лекционного эксперимента воз-

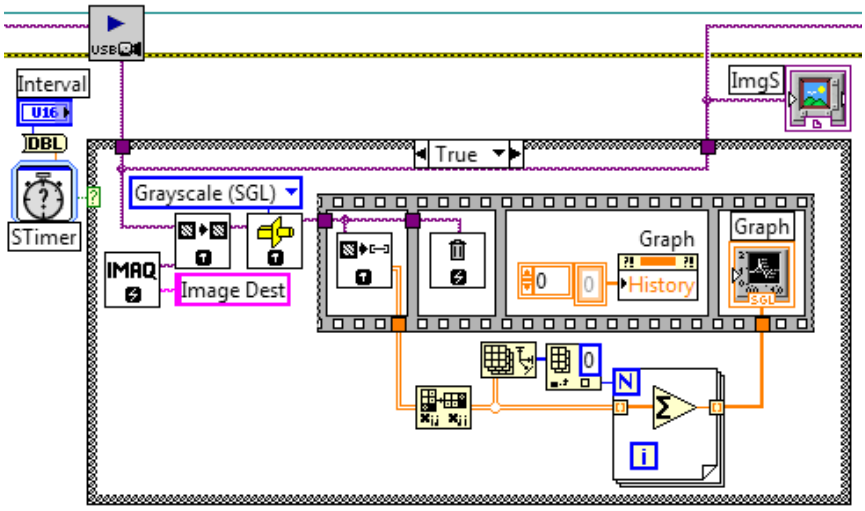


Рис. 2. Блок-схема программы для обработки изображений

можно использование и широко распространенных веб-камер [6, 7]. Необходимо только использовать специальные программы, позволяющие в режиме реального времени обрабатывать графическую информацию с камеры и отображать результаты на экране монитора или проектора в виде графиков. В нашем случае в пакете LabView (National Instruments) была написана программа, которая с задаваемым интервалом по времени (Interval) обрабатывает изображение с ПЗС-матрицы камеры, представленное в цифровом формате. Фрагмент упрощенного варианта программы приведён на рис. 2.

Регистрируемое камерой цветное изображение преобразуется в яркостное распределение (Grayscale), затем осуществляется суммирование значений массива по столбцам, нормировка, а результат выводится в виде графика (Graph), представляющего собой распределение интенсивности света, усреднённое по вертикали (поперёк дифракционной картины при вертикальной ориентации щели). В программе предусмотрена возможность задания границ анализируемой области изображения (граница области отображается непосредственно на мониторе на изображении в окне ImgS).

Веб-камера располагается на штативе перед экраном на таком расстоянии (см. рис. 1), чтобы получающиеся изображения дифракционной картины занимали большую часть кадра.

Результаты и обсуждение

Один из возможных вариантов использования установки на лекции заключается в следующем. Сначала демонстрируются классические опыты: дифракция на круглом отверстии и на непрозрачном диске (пятно Араго – Пуассона); затем дифракция на щели. Наиболее полезно для обучающихся наблюдать, как при уменьшении ширины щели происходит плавный переход от «почти геометрической тени» к типичной картине дифракции Френеля, а затем и к дифракции Фраунгофера (рис. 3).

На рис. 3 приведены скриншоты с экрана монитора, показывающие несколько последовательно полученных распределений интенсивности света. Верхний полукадр скриншота показывает само дифракционное изображение, зарегистрированное веб-камерой. График расположен в нижнем полукадре. Наличие графика распределения интенсивности света позволяет акцентировать внимание студентов на деталях, которые при обычном визуальном наблюдении дифракции остаются «за кадром».

На рис. 3-1 – 3-4 приведен ряд дифракционных картин, полученных при последовательном уменьшении ширины щели. Мы можем теперь не ограничиваться только обсуждением характерного для дифракции Френеля чередования светлых и темных полос, но обратиться и к рассмотрению относительных величин интенсивностей света в максимумах и минимумах. Рисунок 3-5 представляет собой важную физическую и методическую задачу, поскольку при визуальном наблюдении его обычно истолковывают как дифракцию в области Фраунгофера, однако из графика распределения интенсивности света видно, что боковые максимумы примерно в два раза выше, чем должны быть при дифракции Фраунгофера. Типичные картины дифракции Фраунгофера от щели приведены на рис. 3-6, 3-7. Можно обратить внимание аудитории на то, что в этом случае при уменьшении ширины щели размер дифракционного пятна увеличивается, а отношение величин главного максимума и боковых остается неизменным. В конце показа можно продемонстрировать ре-

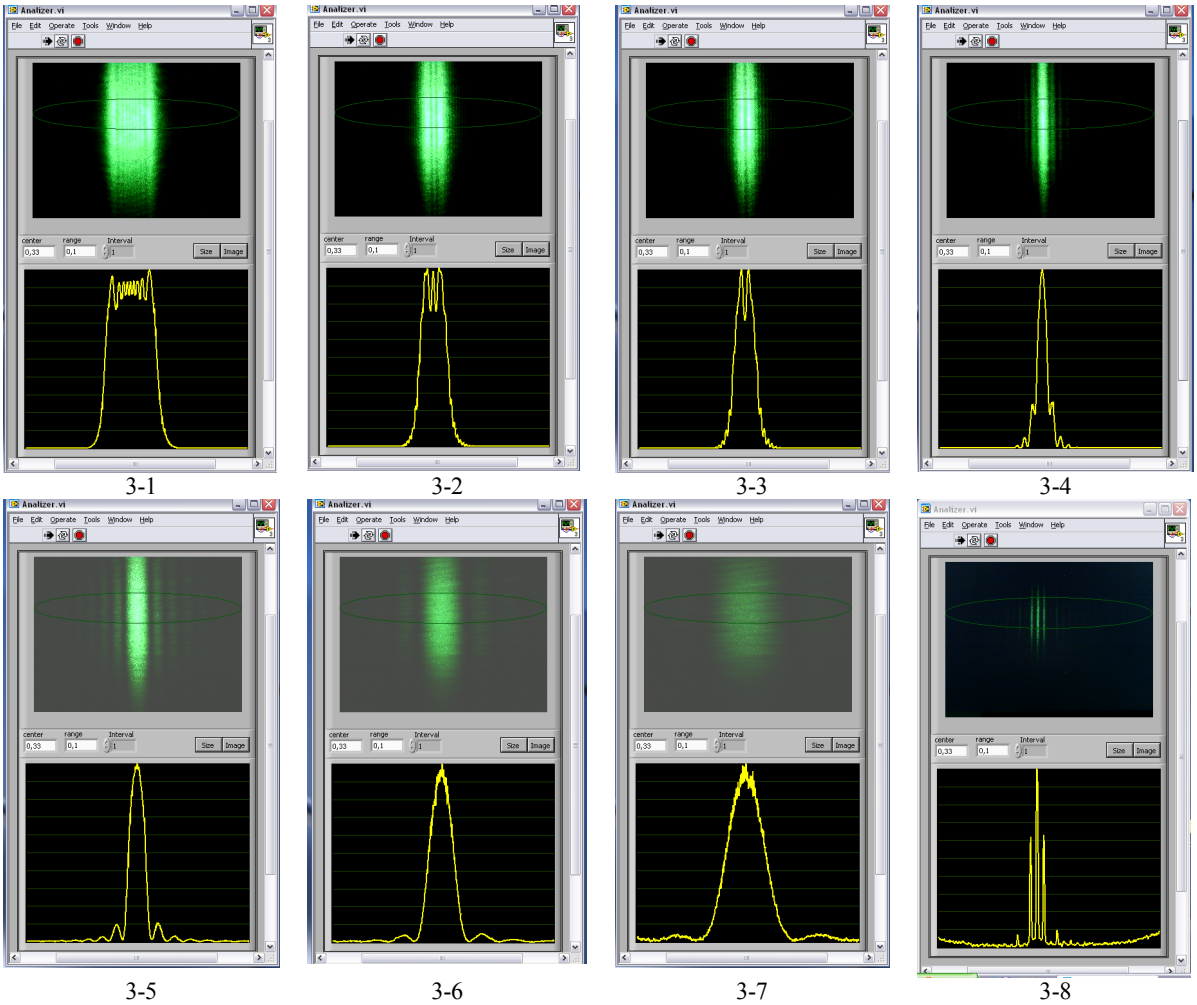


Рис. 3. Изображения распределений интенсивности света в дифракционных картинах

зультат прохождения света через дифракционную решетку (рис. 3-8).

Последовательность опытов, естественно, можно менять в зависимости от требований лектора. При необходимости можно легко вернуться к ключевым моментам, что позволяет, в частности, организовать собственную деятельность студентов на основе результатов эксперимента.

Заключение

Компактная демонстрационная установка позволяет с минимальной перенастройкой оптической схемы показывать на лекции единую последовательность опытов по дифракции света на различных объектах и при различных значениях волнового параметра. Сопровождение визуального наблюдения построением графиков распределения интенсивности света дает возможность демонстрировать студентам как основные количественные соотношения в дифракционной картине, так и плавный переход от дифракции Френеля к дифракции Фраунгофера.

Список литературы

1. Горелик Г.С. Колебания и волны. М.: Физматлит, 2008. 656 с.

2. Лекционные демонстрации по физике / Под ред. В.И. Ивероновой. М.: Наука, 1972. 640 с.

3. Гребенев И.В., Казарин П.В. Раскрытие научного содержания изучаемого материала на основе лекционного физического эксперимента // Международный сборник научных статей. Физика в школе и вузе: Актуальные проблемы обучения физике в средней и высшей школе. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 15–18.

4. Перкальскис Б.Ш. Волновые явления и демонстрации по курсу физики. Томск: ТГУ, 1984. 280 с.

5. Егоров Г.С., Менсов С.Н. Перестраиваемая демонстрационная установка по дифракции света // Сборник научно-методических статей по физике. М.: Высшая школа, 1979. Вып. 7. С. 72–74.

6. Ханнанов Н.К., Хоменко С.В., Сазонов М.М., Поваляев О.А. Использование вэб-камеры для повышения наглядности демонстрационного эксперимента по физике // Физическое образование в вузах. 2011. Т. 17. № 1. С. 59–67.

7. Майер В.В., Данилов О.Е. Исследование волновых полей методом компьютерного сканирования // Учебная физика. 2005. № 1. С. 153.

LECTURE DEMONSTRATION EXPERIMENTS ON DIFFRACTION OF LIGHT IN THE SYSTEM OF UNIVERSITY PHYSICAL EDUCATION

***P.V. Kazarin*[1], *Yu.V. Polushtaytsev*[2], *N.F. Uslugin*[1]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
[2]Razuvaev Institute of Organometallic Chemistry of RAS

This paper describes the application of a universal setup developed by the authors for observing diffraction of light in the general physics course at the classical university. We show the methodological approach proposed by the authors that integrates demonstration experiments into thematically connected chains. The approach, on the one hand, allows the teachers to save the time required to demonstrate lecture experiments, and on the other hand, helps the students to develop a correct perception of the course material. In particular, when studying the diffraction of light in the course of general physics, Fresnel diffraction smoothly transits to Fraunhofer diffraction in the same lecture experiment, thereby emphasizing the general nature of all diffraction phenomena. The functionality of the setup allows the lecturer to observe not only the visual diffraction patterns, but also the respective light intensity distribution diagrams, thus significantly increasing the methodological effectiveness of lecture demonstrations and providing visual support for subsequent complex analytical calculations.

Keywords: lecture demonstrations in physics, teaching physics at universities, diffraction of light.

УДК 378:373

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ОСВОЕНИИ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗНЫХ СТУПЕНЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2017 г.

И.М. Швец

Швец Ирина Михайловна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры биофизики
Института биологии и биомедицины
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.shvets@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 22.05.2017
Статья принята к публикации 31.07.2017

На основе анализа педагогических подходов, реализуемых в Федеральных государственных образовательных стандартах общего и профессионального образования, предлагается пересмотреть ориентацию на освоение определённых видов деятельности, чтобы осуществить более чёткую преемственность в их освоении. К результатам анализа внедрения педагогических подходов можно отнести три основных положения: 1) освоение исследовательского вида деятельности не должно быть массовым, этот вид деятельности должен осваиваться теми учащимися, которые мотивированы к нему внутренними потребностями; 2) более массовым должно быть освоение деятельности в бытовой сфере, которая может стать средством, мотивирующим учащихся к личностному развитию; 3) связующим звеном прежних целей образования в виде усвоенного знания с новыми целями по умению использовать полученные знания в определённых видах деятельности может служить категория «отношения» к полученному знанию. Данная категория пока слабо представлена в существующем образовании, но именно она может способствовать усилению этических позиций в нём. Возникающие при этом изменения в целях образования рассматриваются на примере биологического образования. Несмотря на то, что предлагаемые изменения не противоречат основным направлениям обновления естественно-научного образования, обозначенные положения являются дискуссионными и требуют обсуждения как педагогами-исследователями, так и педагогами-практиками, а также представителями общественности.

Ключевые слова: образовательные стандарты, виды деятельности, исследовательская деятельность, учебная деятельность, профессиональная сфера, бытовая сфера, отношения, компетенции, выбор.

Социальный заказ для образовательной системы на освоение определённых видов деятельности

Проработка основных нормативно-правовых документов, обеспечивающих модернизацию образовательной системы, особенно Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), позволяет в настоящее время усмотреть преемственность не только в усвоении определённого содержания учебных предметов, но и в освоении определённых видов деятельности.

В настоящее время реализация ФГОС в общеобразовательных учреждениях осуществляется на основе системно-деятельностного подхода, а в учреждениях высшего профессионального образования – на основе компетентностного. Такое распределение подходов вполне уместно, т.к. в основе обоих лежит теория деятельности [1], и уже сам этот факт свидетельствует о возможности преемственности в развитии основных составляющих всей системы образования. Компетентностный подход – суть тот же самый деятельностный, но смещающий акцент в своём проявлении усвоения получаемых знаний на действие применения полученных знаний в определённых профессиях. Таким образом, можно считать, что компетентностный подход есть конкретизация деятельностного подхода в условиях освоения профессии.

Основные виды деятельности, которые надлежит освоить учащимся общеобразовательных учреждений в связи с реализацией системно-деятельностного подхода, а также обучающимся в высших профессиональных заведениях в связи с реализацией компетентностного подхода, представлены в таблице.

Как видно из таблицы, не все виды деятельности преемственно связаны между собой на разных уровнях системы образования. Такая взаимосвязь прослеживается для проектной, информационно-познавательной, а также для исследовательской деятельности. Необходимо отметить, что учебно-познавательная и информационно-познавательная деятельность – это две разновидности одной и той же познавательной деятельности, только первая реализуется в основном учебном процессе, осуществляющемся во взаимодействии педагогов и учащихся, а

Таблица

Виды деятельности, на которые ориентированы Федеральные государственные образовательные стандарты

ФГОС общего образования	ФГОС высшего профессионального образования
1. Учебно-познавательная	1. Научно-исследовательская
2. Учебно-исследовательская	2. Научно-производственная, проектная
3. Проектная	3. Организационно-управленческая
4. Информационно-познавательная	4. Педагогическая
5. Инновационная	5. Информационно-познавательная

вторая реализуется учащимися в их самостоятельном освоении разнообразных информационных ресурсов (в том числе и сетевых) во внеучебное время.

Особенности освоения учащимися исследовательской деятельности

Хотелось бы особо остановиться на освоении исследовательской деятельности. Казалось бы, преемственность в освоении данного вида деятельности налицо: в общеобразовательных учреждениях осваивается учебно-исследовательская, в вузах – научно-исследовательская деятельность. Однако это не совсем так. Когда выполнение исследовательских работ стало массовым явлением в школе, стало очевидно их низкое качество. Реальный опыт выполнения исследовательских работ в школах показывает, что наиболее успешно такие исследования ведутся при соблюдении по меньшей мере трех условий:

– если исследование организуется во внеучебное время;

– если в исследовании учащиеся принимают участие по желанию;

– если для исследования привлекаются учёные, занимающиеся исследовательской деятельностью профессионально, т.е владеющие этим видом деятельности [2].

Без привлечения учёных педагогам очень трудно организовать учащихся для проведения исследований. Во-первых, и это главное – педагоги не владеют исследовательской деятельностью, им трудно определить проблему исследования и её актуальность, ещё труднее организовать научный эксперимент, обладая только ресурсами школьного учебного кабинета. Могут возразить, что учебное исследование этого и не требует. На самом деле перечисленные выше позиции – это очень небольшая часть необходимых действий, без которых исследовательская деятельность невозможна. Если эти действия не осваиваются, происходит лишь имитация исследовательской деятельности, которая в конечном итоге приводит к ее дискриминации, поскольку у учащихся порой складывается несколько странное отношение к исследованиям. Они начинают считать, что эта деятельность – одна из самых простых, т.к. другие виды деятельности в школе не осваиваются, а исследовательская осваивается. Такое отношение особенно характерно для тех учеников, которые не склонны к освоению исследовательской деятельности и занимаются ею не по желанию, а по необходимости.

На наш взгляд, исследовательской деятельностью должны заниматься только те учащиеся, которые хотят этим заниматься, и только в одном коллективе с профессионалами-исследователями. У педагогов в таком коллективе особая роль. Они должны быть не только организаторами таких сложных коллективов, но и помогать учёным переводить необходимые требования с научного языка на язык дидактический, к которому учащихся приучил учебный процесс [2].

При организации исследовательских коллективов педагогам также необходимо следить за последовательностью осваиваемых исследовательских действий. Педагогами-исследователями было показано, что исследовательская деятельность осваивается более эффективно, если составляющие её операции и действия осваиваются совместно или параллельно с такими же, но учебными операциями и действиями. Дело в том, что ряд операций и действий в учебно-познавательной и в учебно-исследовательской деятельности совпадают. Именно поэтому многие учителя считают, что они могут научить исследовать. Учителя могут организовать исследование, если сумеют увидеть в нём дидактическую систему. Но пока это делают лишь педагоги-исследователи [3].

Приведённые выше рассуждения свидетельствуют о том, что не стоит исследовательскую деятельность, даже в обозначении её в качестве учебно-исследовательской, предлагать как обязательную к освоению всеми учащимися в общеобразовательных учреждениях. Исследовательской деятельностью необходимо заниматься только тем учащимся, которые имеют к ней определённую склонность, а значит, необходимо её осваивать во внеучебное время и во взаимодействии с профессиональными исследователями. Такой вывод оправдан ещё и тем, что профессионалов-исследователей обществу много и не требуется. Исследовательской деятельностью способны заниматься не более 5–7% общей численности трудоспособного населения.

О необходимости освоения деятельности в бытовой сфере

Гораздо большее количество населения осваивает профессиональную сферу через получение определённых профессий, а ещё больше (по сути дела все) осваивают бытовую сферу. На наш взгляд, настало время учитывать деятельность в бытовой сфере и в системе образования. Необходимость такого учёта можно обосновать следующими позициями. Во-первых, бытовая сфера в настоящее время насыщена разнообразными продуктами научного и научно-технического прогресса. К таким продуктам относятся и многообразные технические новинки – от всевозможных приспособлений на кухне до средств сотовой связи, компьютеров и автомобилей. Современному человеку в быту необходимо разбираться в медицинских технологиях, чтобы определиться в стратегии необходимого лечения, а не следовать тотальной оплате как можно большего количества медицинских услуг. Желательно также знать основы здорового образа жизни применительно к индивидуальным особенностям своего организма. Бытовая химия в настоящее время настолько вездесуща, что без неё уже трудно жить, и разбираться, в каких случаях ею желательно пользоваться, а в каких нежелательно и с позиций человека, и с позиций сохранности окружающей среды, необходимо.

Человечество в настоящее время широко пользуется успехами не только в области естественных, но и социальных и гуманитарных наук. Многие организуют свой быт не только с позиций эффективной функциональности, но и с позиций дизайна интерьера, ландшафтного дизайна. Никто не откажется от возможностей наиболее оптимального ведения домашнего хозяйства с позиций экономики. Современная бытовая сфера и с позиций юриспруденции организована достаточно сложно. Необходимо знать основные законы, обслуживающие сферу быта. Желательно знать и правила поведения в быту. Как нечаянно не обидеть близких людей, как и чем их порадовать, как доступно что-то объяснить, как вести себя в местах общего пользования: магазинах (супер- и гипермаркетах, центрах торговли и развлечений), медицинских центрах и пр.? Для этого хотелось бы познакомиться с основами психологии, этики. Знание основ географии и истории нам точно потребуется при знакомстве с родным краем, его историей, хозяйствованием, ресурсными и туристическими возможностями, участием жителей в жизни не только родного края, но и всей страны, а может быть, и мира.

Ещё совсем недавно для обслуживания сферы быта было достаточно опыта предыдущих поколений. Родители, а также дедушки и бабушки передавали этот опыт в соответствии с традициями и тем социальным статусом, который занимала семья в обществе. Семья была тем социальным механизмом, который и знакомил, и сохранял, и развивал быт. Ничего другого и не требовалось. В настоящее время, в связи с утратой традиционных позиций старшего поколения по передаче жизненного опыта молодым, пока никто не берёт на себя ответственность по научению подрастающего поколения обслуживанию себя в быту. Думается, что никто, кроме системы образования, этого и не сможет сделать. Но для этого необходимо перенацелить систему образования на подготовку к освоению не только профессий, но и бытовой сферы жизнедеятельности.

Освоение деятельности в бытовой сфере как мотивирующее средство для личностного развития

Необходимо напомнить, что в самом начале внедрения компетентностного подхода в образовательную систему, когда происходило его осмысление ведущими педагогами-исследователями, предлагалось разделять компетенции по сферам жизнедеятельности. Предлагалось выделить пять таких сфер: 1) самостоятельной познавательной деятельности; 2) гражданско-общественной деятельности; 3) социально-трудовой деятельности; 4) бытовой и 5) культурно-досуговой деятельности [4, 5]. К сожалению, при внедрении новых подходов в реальный учебный процесс такая классификация формируемых компетенций если не полностью утратилась, то преобразовалась таким образом, что бытовая сфера и сфера культурно-досуговой деятельности постепенно исчезли из поля зрения педагогов-практиков и тех, кто управляет модернизационными процессами в образовании.

Думается, необходимо вернуться к истокам осмысления инновационных педагогических подходов. В настоящее время, когда пришло осознание необходимости и возможности личностного развития обучающихся через освоение и проявление себя в деятельности, движителем которой выступают потребности, надо понять, что существуют и бытовые потребности, организующие бытовую деятельность. Пора признаться, особенно тем, кто преуспел в каком-то профессиональном виде деятельности, что, если бы у них не было тех, кто организовывал их быт, они не смогли бы преуспеть в своей про-

фессии. Те же, кто качественно могут организовать быт, ценятся особенно высоко. Бытовая сфера тоже развивается, и при её развитии в ней уменьшается доля физических трудозатрат и увеличивается доля эмоциональных и интеллектуальных трудозатрат. По мере дальнейшего усложнения бытовой сферы увеличивается и время, необходимое на её организацию. Вполне возможно включить в реестр профессий и профессию по организации быта.

Естественно-научная грамотность как новая цель в изучении естественных наук. Варианты и уровни программ естественно-научного образования для всех ступеней общего образования

Необходимость организовывать бытовую деятельность не только не противоречит, но делает обоснованной новую цель изучения естественных наук для всех – естественно-научную грамотность [6]. Если подготовить учебники и учебные пособия для учащихся 5–8-х классов с позиций интереса именно к организации быта, что необходимо действительно всем, и передачи не просто знаний, а знаний научного, но рецептурного характера, использование которых в быту можно всегда проверить, выработав при этом и соответствующие умения, и навыки, то цель повышения естественно-научной грамотности обучающихся будет достигаться более осмысленно. На этой ступени можно предусмотреть освоение проектной и информационно-познавательной деятельности.

В настоящее время все школьные предметы – это основы соответствующих наук. Так было не всегда. Примерно до середины XX века школьные учебные курсы не были слепком определённой науки. Науки ещё складывались. К примеру, русский язык изучался не как сейчас – в виде основ филологии, а учили грамоте, правилам русского языка. Думается, никто не будет утверждать, что нынешнее поколение, изучающее основы филологии, стало более грамотным. Подобное происходит и с другими школьными предметами.

Поскольку сами науки не стоят на месте, а развиваются постоянно, уточняются понятия, вводятся новые термины, учебники тоже переписываются даже на протяжении жизни одного поколения. Каждый раз при переписывании добавляется материал для более глубокого усвоения учебного предмета как науки. Учебники становятся всё сложнее и сложнее. В результате, к примеру, учебники биологии стали настолько насыщены новыми терминами, что даже предыдущее поколение, т.е. родители тех детей, которые обучаются сейчас в школе, не в силах объяснить детям значение этих терминов. Необходимое объяснение могут сделать только те родители, которые имеют профессию, опирающуюся на биологию.

Ещё в 90-х годах прошлого столетия при обсуждении первой попытки реформирования системы образования приводили примеры излишнего количества информации в учебниках, которой никогда в будущем пользоваться не придется. На наш взгляд, акцент на излишество был сделан не совсем верно. Эта «лишняя» информация, но организующая учебный предмет как основы науки, просто нужна не всем, а только тем учащимся, которые желают в будущем связать свою судьбу с изучением данной науки.

Основы же соответствующих наук предлагается давать начиная с 9-го класса. Для этого периода обучения необходимы учебники и учебные пособия, позволяющие создать представление о соответствующей науке в целом, сложившееся к настоящему времени. Желательно разработать программы для этого периода минимум двух, лучше трех уровней. Программы первого уровня желательно предусмотреть для тех учащихся, которые желают поддержать тот уровень грамотности, который они получили по данному предмету на предыдущей ступени образования при освоении бытовой сферы. Программы второго уровня предлагаются для тех учащихся, которые желают освоить какую-либо профессию, в основании которой находится определённая наука. Те же учащиеся, которые в будущем хотят заниматься исследованиями в области определённой науки, т.е заниматься самой наукой, осваивали бы программы третьего уровня.

Выбор программ соответствующего уровня необходимо предложить обучающимся, необходимо также предусмотреть возможность перехода учащихся с одного уровня на другой. Усвоение основ наук и овладение основами научных методов познания необходимо предусмотреть именно на данной ступени обучения. Здесь же предусмотреть выполнение учебно-исследовательских работ наряду с продолжением освоения проектной и информационно-познавательной деятельности. Учреждениям высшего профессионального образования предоставить самим решать, каких абитуриентов обучать в дальнейшем в своих стенах – освоивших самый глубокий уровень или какой-то другой. Фактически так вузы сейчас и поступают.

Предложения по организации биологического образования

Высказанные предложения можно проиллюстрировать примером, как можно было бы орга-

низовать биологическое образование. На ступени 5–8-х классов общеобразовательных учреждений при освоении видов деятельности в бытовой сфере предлагается осваивать знания и соответствующие умения по организации здорового образа жизни. Как организовать режим работы, отдыха, питания, сна, как следить за своим самочувствием, как чередовать физические и интеллектуальные нагрузки – все позиции должны устанавливаться для каждого ребёнка в соответствии с индивидуальными особенностями. Могут возразить, что эти знания в школе даются учащимся. Да, даются, с этим не поспоришь. Но необходимо сделать так, чтобы такое знание стало личностным знанием, т.е. включённым в структуру личности, связанным с деятельностью, в данном случае с деятельностью в сфере быта. Обучение в области здоровья должно стать активным обучением, построенным на решении практических задач. Методика организации занятий по освоению здорового образа жизни должна содержать тренинги, игры, разбор жизненных ситуаций и другие педагогические технологии активного обучения. Данные методы позволяют интенсифицировать межличностное общение и активное решение задач, формируют устойчивую мотивацию на деятельность по ведению здорового образа жизни, связывают обучение с практикой, создают атмосферу доверия и свободы творчества.

Проблемы здорового образа жизни в современных условиях невозможно рассматривать в отрыве от состояния окружающей природы. Вопросы экологии и здоровья человека переплетены настолько, что одни без других не существуют. Опираясь на понимание экологической культуры как нового качества и нового смысла общечеловеческой культуры XXI века, экологическую культуру быта нельзя упускать. Система экологического образования, реализуемая в региональном и школьном компонентах учебного плана, а также в учреждениях дополнительного образования, накопила достаточный опыт использования инновационных педагогических технологий для формирования экологической культуры, что может не только помочь учащимся усвоить определённые правила поведения в природе, но и способствовать изменению поведения и становлению экоцентрического и природоцентрического сознания [7, 8].

Бытовая сфера многих наших соотечественников включает в себя работу по уходу за комнатными растениями, домашними животными, работу на загородных участках, путешествия по родному краю, туристические поездки в более отдалённые места. Все эти виды работ и досуговые мероприятия требуют также знаний из области биологии и экологии и могут сопровождаться подготовкой индивидуальных, а иногда и групповых проектов. Причём эти проекты не обязательно должны быть исследовательские, это могут быть проекты по благоустройству, просветительские и другие. Важно, чтобы проекты выполнялись учащимися по желанию, темы не должны навязываться. Всё это предопределяет процесс обучения, который будет строиться на развитии у обучающихся природных способностей и интересов и формировании способов познания через знакомую повседневную жизнь человека. Главное – поддерживать в них живой интерес к приобретению и распространению научных знаний, необходимых как в сегодняшней их жизни, так и в будущей профессиональной.

Поработав до 8-го класса включительно на бытовую сферу и попробовав себя в разнообразных видах деятельности, которые могут обслуживать быт, учащиеся смогут более целенаправленно выбрать и профиль, и уровень программы соответствующих учебных предметов при изучении основ наук. Желательно, чтобы на этой ступени был более свободный выбор учебных предметов и уровень их освоения. Многие профессии в настоящее время требуют знаний и естественно-научного, и гуманитарного характера. К примеру, применение биолого-экологического подхода обсуждается в связи с подготовкой художников-дизайнеров, специалистов в области менеджмента и др. [9, 10]. Профессия популяризатора научных знаний требует знаний как из области тех наук, которые популяризируются, так и из области филологии.

Познакомившись в 9–11-х классах общеобразовательных учреждений с основами тех наук, которые в дальнейшем станут основой выбранной профессии, обучающиеся поступают в высшие профессиональные учебные заведения, в которых в настоящее время реализуется компетентностный подход. По направлению «Биология» с помощью данного подхода предполагается освоение следующих видов деятельности: научно-исследовательской, научно-производственной и проектной, организационно-управленческой, педагогической и информационно-познавательной.

На наш взгляд, все эти виды деятельности необходимо рассматривать в соответствии со спецификой вуза. Университеты должны в основном сосредоточиться на исследовательской деятельности, предусматривающей добывание нового знания в области биологии и экологии. Политехнические и разнообразные технологические, а также фармакологические, медицинские и сельскохозяйственные вузы в основном готовят специалистов, осваивающих научно-производственный и

проектный виды деятельности и использующих знания биологии и экологии для целей развития и внедрения биотехнологий в соответствии со стратегией устойчивого развития. Уже сейчас появляются новые профессии, такие как архитектор живых систем, урбанист-эколог, парковый эколог, в которых проектный и научно-производственный виды деятельности будут доминирующими.

Большие изменения ожидаются в деятельности по распространению биологических и экологических знаний. Пока эта деятельность реализуется в основном в педагогических профессиях. Наряду с профессией педагога желательно уже сейчас организовывать подготовку специалистов по созданию и распространению продуктов научно-популярного характера, особенно для интернет-среды. В настоящее время становятся востребованы специалисты в области сетевой дидактики по усвоению биологического и экологического знания, особенно для организации безопасности жизнедеятельности. Предполагают, что в недалёком будущем появятся такие профессии, как дистанционный координатор безопасности, специалист по преодолению системных экологических катастроф, проектировщик личной безопасности [11, 12], в которых наряду с проектным и педагогическим видами деятельности будет активно осваиваться и информационно-познавательный вид.

Изменения в образовании, вызванные модернизационными процессами, акцентируют внимание не только на переработку предметного содержания, но и на освоение видов деятельности. Причём если на предыдущих этапах модернизации именно предметное содержание диктовало все последующие изменения, то в настоящее время, наоборот, предметное содержание должно подстроиться под тот вид деятельности, где оно будет использоваться. Сам вид деятельности выбирается обучающимся в зависимости от своих потребностей, наклонностей и предпочтений. В связи с этим желательно предусмотреть несколько типов программ по одному и тому же предмету в соответствии с тем видом деятельности, где будет использоваться предлагаемое предметное содержание. По нашему представлению, необходимо вернуться к обсуждавшемуся ранее разделению компетенций по сферам жизнедеятельности (сферы познавательной деятельности, гражданско-общественной, социально-трудовой, бытовой и культурно-досуговой). Сфера самостоятельной познавательной деятельности организуется как сквозная через все ступени образования. Для остальных желательно предусмотреть определённую последовательность: на ступени 5–8-х классов общеобразовательных школ – освоение бытовой и культурно-досуговой сфер, на ступени 9–11-х классов – гражданско-общественной и социально-трудовой сфер; на ступени профессионального образования (начального, среднего и высшего) – продолжить более глубокое и конкретное освоение социально-трудовой сферы. Соответственно и предметное содержание для каждой ступени будет разное, но базирующееся на научной основе. Сначала это содержание представляется в виде рекомендаций, правил, рецептов, помогающих организовать быт и досуг, затем – в виде основ соответствующей науки для помощи учащимся в определении будущей профессиональной деятельности, и, наконец, на ступени профессионального образования – освоение самой профессии.

Категория «отношения» как связующее звено прежних целей образования через усвоение необходимых знаний с новыми целями – умением использовать усвоенные знания на основе личностных предпочтений

Из предложенной логики становится понятным освоение не только знаний и умений, но и выработка определённого отношения к получаемому знанию, прежде чем это знание необходимо будет использовать. Категория «отношение» окажется востребованной в образовательном процессе. Через отношение к определённому знанию возможно отследить его последующее применение. Таким образом, если сейчас в общеобразовательных учреждениях происходит дифференцирование учащихся только по отношению к предметному знанию и организация профилей на старшей ступени эту дифференциацию закрепляет, то при внедрении деятельностного и компетентностного подходов необходимо провести дифференциацию и по видам деятельности, и для этого помочь выработать у обучающихся необходимое отношение к определённому виду деятельности, а не только к знанию.

Востребованность категории «отношение» обусловит необходимость разобраться с категорией этики в образовании и не только предусмотреть в учебном процессе отдельный предмет «Этика» или «Основы этики», но и включить в содержание каждого предмета материал, способствующий выработке соответствующего отношения к нему и к использованию знаний данного предмета в определённых видах деятельности и, главное, в предвидении последствий этих видов деятельности.

На примере биологического и экологического образования биоэтические и экоэтические позиции пока реализуются только на уровне усвоенного знания и только в тех общеобразовательных учреждениях, где есть соответст-

вующий школьный или региональный компонент учебного плана. Этические позиции в отношении других учебных предметов или совсем не представлены, или представлены очень слабо. Исследования по сформированности биоэтической компетенции у студентов-биологов и экологов университетов показали, что без сформированности отношения не только к биологическим объектам, но и к биоэтическому знанию биоэтическая компетенция не формируется или формируется, но низкого уровня [13].

Предложенные рассуждения скорее предлагают организацию дискуссии, чем конкретные пути по внедрению новых подходов в образовании. Но опыт внедрения новых образовательных стандартов уже продемонстрировал, что лучше сначала обсудить и исследовать инновации на экспериментальных площадках, а затем уже внедрять в реальный учебный процесс.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-06-00651 а.

Список литературы

1. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Изд-во «Книга по требованию», 2004. 130 с.

2. Зубкова О.А., Шептуховский М.В., Марков Д.С. Проектная деятельность школьников по естествознанию: опыт организации // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2017. № 2 (46). С. 128–136.

3. Лебедева О.В. Диагностика умений и навыков исследовательской деятельности учащихся при обучении физике в школе // Преподавание физико-математических и естественных наук в школе: традиции и инновации: Тезисы Всероссийской научно-методической конференции 29–30 марта 2017 г. Нижний Новгород, 2017. С. 12.

4. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты: Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002 г. / Центр «Эйдос». URL: www/eidos.ru/news/compet/htm.

5. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Сер. Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». М., 2004. 40 с.

6. Пентин А.Ю. На пути к концепции естественнонаучного образования // Преподавание физико-математических и естественных наук в школе: традиции и инновации: Тезисы Всероссийской научно-методической конференции 29–30 марта 2017 г. Нижний Новгород, 2017. С. 7.

7. Николина В.В. Экологические ценности как базисная основа формирования экологической культуры личности // Современные эколого-образовательные стратегии: Коллективная монография / Под ред. Г.С. Камериловой, Н.Д. Андреевой. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. С. 51–57.

8. Винокурова Н.Ф., Демидова Н.Н. Концептуальные основы формирования культурно-экологической образовательной среды // Современные эколого-образовательные стратегии: Коллективная монография / Под ред. Г.С. Камериловой, Н.Д. Андреевой. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. С. 78–116.

9. Глазачева А.О., Гагарин А.В., Глазачев С.Н. Экологическая компетентность будущего специалиста в пространстве дизайн-образования: Учебное пособие. М., 2011. 180 с.

10. Картавых М.А. Профессиональное образование в области экологического менеджмента и аудита: исторические аспекты и современные тенденции развития // Современные эколого-образовательные стратегии: Коллективная монография / Под ред. Г.С. Камериловой, Н.Д. Андреевой. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. С. 224–240.

11. Ермаков А.С., Ермаков Д.С. Форсайт экологических профессий // Экологическое образование для устойчивого развития: традиции и инновации: Коллективная монография / Под ред. Н.Н. Демидовой, Г.С. Камериловой, А.И. Макшеевой. Н. Новгород: Мининский университет, 2015. С. 196–210.

12. Алексеев С.В. Профессиональные компетенции учителя экологии: анализ и прогноз фонда оценочных средств и результаты их использования // Экологическое образование для устойчивого развития: традиции и инновации: Коллективная монография / Под ред. Н.Н. Демидовой, Г.С. Камериловой, А.И. Макшеевой. Н. Новгород: Мининский университет, 2015. С. 253–265.

13. Швец И.М. Отслеживание сформированности биоэтической компетенции студентов-биологов: подходы к созданию фонда оценочных средств и результаты их использования // Экологическое образование для устойчивого развития: традиции и инновации: Коллективная монография / Под ред. Н.Н. Демидовой, Г.С. Камериловой, А.И. Макшеевой. Н. Новгород: Мининский университет, 2015.

CONTINUITY IN THE ASSIMILATION OF ACTIVITIES AT DIFFERENT LEVELS OF EDUCATION

I.M. Shvets

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Based on the analysis of pedagogical approaches implemented in the Federal State Standard for general and professional education, this paper proposes to reconsider the focus on mastering certain types of activities in order to achieve a more consistent continuity in their assimilation. The resulting changes in the aims of education are examined using the example of biological education. It is shown that the proposed changes do not contradict the main directions of the renewal of natural science education.

Keywords: educational standards, activity types, research, learning, professional field, everyday life, relations, competence, selection.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (*47*)

2017

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 20,8. Усл. печ. л. 18. Тираж 100 экз. Заказ № 711.
Дата выхода в свет: 30.09.2017
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Редакция журнала расположена по адресу:
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.